

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тема номера:
ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ
И СОЦИАЛЬНОСТЬ

2021 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

серия
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

series
JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д-р юрид. наук, доц., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. — канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Антонян Ю. М. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбрюстер К. — доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Гладких В. И. — д-р юрид. наук, проф., Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва);

Глотов С. А. — д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД России;

Долинская В. В. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Моравчикова М. — PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. — д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Хатчинсон С. К. — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. — PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. — д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционному и муниципальному праву, гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии, уголовно-исполнительному праву.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2021. — № 3. — 132 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence»
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Members of Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Professor, Lomonosov Moscow State University

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Professor, MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Armbruster – Doctor of Law, Professor, University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

V. I. Gladikh – Dr. Sci. (Law), Professor, All-Russian Scientific-Research Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Professor, International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named by V. Y. Kikot;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Professor, Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State Social University (Moscow);

S. Ch. Hutchinson – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Professor, Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" – is a print publication that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2021. – № 3. – 132 p.

© MRSU, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

ТЕМА НОМЕРА: ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОСТЬ

Авакьян С. А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория 7
Чертков А. Н. Электронное голосование на муниципальных выборах:
 проблемы и перспективы 15

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Певцова Е. А. Воспитательные отношения как объект правового регулирования
 в современном мире (теоретико-правовой взгляд) 26
Шидловский А. В., Задорин М. Ю. Естественное право и искусственный интеллект:
 на пути к «цифровому кембрийскому взрыву» 39
Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере
 искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности. 54
Попова Н. Н. Развитие технологий искусственного интеллекта в перспективах
 трансформации права: правосознание в проекции будущего 65

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Кожевников О. А., Крысанов А. В. Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу
 об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов
 зарубежной юрисдикции в Российской Федерации 77

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Ананьев А. Г. Вопросы правовой сущности отношений по доверительному
 управлению имуществом 86
Данько К. А. Необходимые процедуры проверки контрагента перед заключением сделки. . . 98

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Хоанг В. Л. Сравнительное исследование объектов преступлений, предусмотренных
 ст. 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении) и ст. 390 Уголовного кодекса СРВ
 (несообщение о преступлении). 104
Молчанова Т. В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности:
 состояние и тенденции развития 111
Полянская Е. М. Система преступлений против свободы человека
 по Уголовному Кодексу Российской Федерации 1996 года 118

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue 6

THEME OF THE ISSUE: E-DEMOCRACY AND SOCIALITY

S. Avakyan. Sociality as a Public and Constitutional Legal Category 7
A. Chertkov. E-voting in Municipal Elections: Challenges and Prospects 15

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

E. Pevtsova E. A. Nurturant Relations as an Object of Legal Regulation in the Modern World (Theoretical and Legal View) 26
A. Szydlowski, M. Zadorin. Natural Law and Artificial Intelligence: Towards a "Digital Cambrian Explosion" 39
A. Kiselev. On the Expansion of Legal Regulation in the Field of Artificial Intelligence: Deepfake as a Threat to National Security 54
N. Popova. Development of Artificial Intelligence Technologies in the Prospects of Transformation of Law: Legal Consciousness in the Projection of the Future 65

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

O. Kozhevnikov, A. Krysanov. Constitutional Reform 2020: On the Peculiarities of The Pursuant to Decisions by Intergovernmental Bodies And Courts under Foreign Jurisdiction in the Russian Federation 77

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

A. Ananyev. Questions of Legal Essence of Relationships in Property Asset Management. . . . 86
K. Danko. Required Procedures of Counterparty Verification before Concluding a Deal. . . . 98

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW

V. Hoang. Comparative Study of Objects of Crimes Provided by Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation (Non-reporting of a Crime) and Article 390 of the SRV Criminal Code (Non-reporting of a Crime) 104
T. Molchanova. Organized Crime in the Field of Economic Activity: State and Development Trends 111
E. Polyanskaya. The System of Crimes against Human Freedom under the Criminal Code of the Russian Federation 1996 118

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

Уважаемые читатели!

Традиционно на страницах нашего журнала мы стараемся освещать актуальные вопросы по юридической проблематике. Редколлегия и редакционный совет, знакомя читателя с новыми концепциями и разработками в российской и мировой юридической науке, создают возможность для обмена мнениями между учёными и юристами-практиками.

Политика журнала строится на той основе, что признаётся значительный эвристический потенциал междисциплинарных исследований, которые проводятся на стыке права и других наук.

Темой выпуска была выбрана «Социальность и электронная демократия». Особенность данного выпуска в том, что развитие технологий искусственного интеллекта показано в проекции трансформации права, правовой культуры и правосознания.

Учитывая, что одной из тенденций современного правового развития является активное использование информационно-коммуникационных технологий как средства коллективных мыслительных и административных процессов в социуме, надеемся, что особый научный интерес вызовет подготовленная специально для этого выпуска статья выдающегося учёного современности, профессора С. А. Авакьяна, в которой анализируется правовая категория «социальность» как многообразное явление.

В представляемом журнале известные учёные раскрывают проблемы и перспективы электронного голосования на муниципальных выборах, обозначают важность правопорядка в цифровом государстве, а также отмечают состояние и тенденции развития права и экономики в условиях цифровизации. В значительной степени содержание данного журнала посвящено конструктивному научному обсуждению тенденций и перспектив развития российского законодательства и правоприменительной практики в условиях интенсивной цифровизации современной жизнедеятельности.

Надеемся, читателям будут интересны новые подходы учёных в области конституционного, гражданского и уголовного права, а также его теории.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

ТЕМА НОМЕРА: ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОСТЬ

УДК 316.334.3:321

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-7-14

СОЦИАЛЬНОСТЬ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Авакьян С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть основные черты и содержание конституционно-правовой категории «социальность».

Процедура и методы. При проведении исследования использованы методы прогнозирования, а также диалектический, сравнительный и формально-логический методы.

Результаты. В исследовании подчёркивается, что социальность – многообразное явление, которое вполне можно характеризовать как основу социального общества, социального государства и государственной социальной политики. Социальность сопровождает любые типы объединений людей, и прежде всего, это – категория общества, в нём, в меру сил и развития, она находит то или иное воплощение.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в науку права социального обеспечения, концепции социальных прав и социального государства, формируя новые направления научных исследований.

Ключевые слова: социальное государство, социальное общество, социальная политика, правовое положение личности, социальное обеспечение, социальность

SOCIALITY AS A PUBLIC AND CONSTITUTIONAL LEGAL CATEGORY

S. Avakyan

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the main features and content of the constitutional and legal category of sociality.

Methodology. The research used forecasting methods, as well as dialectical, comparative and formal-logical methods.

Results. The study emphasizes that sociality is a diverse phenomenon. It may well be characterized as the basis of a social society, a welfare state and state social policy. Sociality accompanies any types of associations of people, and first of all, it is a category of society, in it – to the extent of strength and development - it finds this or that embodiment.

Research implications. The research results contribute to the science of social security law, the concept of social rights and the welfare state, forming new directions of scientific research.

Keywords: welfare state, social society, social policy, legal status of the individual, social security, sociality

Введение

Категория «социальность» проистекает из распространённого и широко используемого в общественных науках понятия социума [5; 6; 7]. Обобщённо оно охватывает мир людей как таковой, включая в него всех без исключения личностей. Такой подход позволяет «не забыть» никого, т. е. любой живой человеческий организм – часть социума.

Следовательно, все люди составляют в совокупности *общество*. Причём это не зависит от конкретной личности. Кто-то хотел бы существовать автономно, независимо от общества, это может выразиться в его поведении, в отказе считать себя частью единства. Но это уже выбор самого человека, объективно он всё равно остаётся частью общества.

Другое дело, что помимо категории общества в целом есть его структура, различные деления. И стало привычным относить личность к какой-то внутренней ячейке. Но надо прямо сказать, что во включении человека куда-то, в отнесении к какой-то группе – множество проблем. Разумеется, есть биологически исходные данные. Некоторые нельзя переделать – например, расы. Однако, видимо, и это вопрос времени, поскольку уже сейчас люди не соглашаются с природой и меняют свой пол, комплекцию тела, цвет глаз.

Что же касается иных данных, почти целиком зависящих от человека, их изменение становится предметом его решения. И нахождение в одной социальной группе, переход в другую – полностью удел желаний личности. В этом плане категория «социальность» обретает отвлечённое значение – она существует в малой степени зависимости от того, сколько индивидов в неё входят.

Более того, бывает и так, что помимо «кочевания» людей, личного перехода в иную социальную категорию может быть принято государственное решение, означающее возникновение или прекращение существования какой-то социальной общности. Наша страна не раз через это проходила. Чаще всего у этого была прямая политическая подоплёка – людей *консти-*

туционно (т. е. юридически) причисляли куда-то: например, были крепостные крестьяне – стали свободные; социалистическая идеология сначала на словах, а после «победы» Революции 1917 г. конституционно-юридически стала относить людей к трудящимся или эксплуататорам; с началом коллективизации 30-х гг. XX в. крестьян загоняли в колхозы, т. е. делали из них новый социальный строй – колхозников, хотя и разрешая на некоторое время существование прежнего социального слова крестьян-единоличников; в 20-е – 30-е гг. сначала признавалось существование бывших эксплуататоров: капиталистов в городах и кулаков в деревнях, но постепенно эти социальные слои ликвидировали посредством как деклассирования (изъятие собственности, высылка с места проживания), так и физического уничтожения; в 60-е гг. допускалось кооперативное движение в промышленности и торговом обороте, и тем самым создавалась социальная прослойка производственников-кооператоров; официальное провозглашение допустимости в 90-е гг. прошлого века частной собственности означало путь для возникновения капиталистического слоя общества и т. д.

Если какие-то социальные решения приняты и становятся твёрдыми, выбор человека ограничен тем, что уже существует. Но жизнь говорит о том, что как раз твёрдых границ социального выбора и создания групп нет. Другое дело, что они могут быть законными и незаконными. Например, зарабатывание денег в интернете за счёт блогерского труда (Instagram, Tik Tok, YouTube). Сейчас это актуальный тренд легального заработка не только среди молодёжи. В 1960–1970-е гг. появилась категория нелегальных капиталистов, т. н. «цеховиков»: они организовывали подпольное, официально запрещённое, производство (в основном одежды и товаров повседневного быта). Это была своеобразная социальная группа в основном работающих, но всё же нарушающих закон людей. Однако можно и посредством мошенничества, распространения ложной

информации, обмана «зарабатывать себе на хлеб», выманивать деньги у несчастных, особенно пенсионеров. Слой людей преступного заработка был всегда, и в наши дни он только растёт, хотя и не часто анализируется с позиций социальности.

Итак, можно сказать, что «портрет» социальности разнообразен, он формируется несколькими путями. Распространено его «ползучее» развитие и расширение. В основном он построен на факторе эволюционности, особенно в странах со спокойной общественной системой, где уже сложились стабильные отношения в экономике, есть держатели средств производства – работодатели, есть и люди наёмного труда; достаточно стабильны политико-общественные контакты, их участники – укрепившиеся политические партии и государственные институты; сформировались общественно-духовные отношения, в т. ч. с участием религий и объединений по интересам, и т. п. Однако может иметь место и сильное государственное администрирование; и тогда всё, о чём сказано выше, как будто бы тоже существует, но под нажимом государственной власти и её общественных союзников. Речь идёт о разности государственно-политических режимов – при внешнем однообразии системы и социальной однородности общества. В конце концов с учётом специфики страны, населения в одних странах складываются отношения не такие уж немислимые, в то время как в других странах они, как правило, невозможны. Но именно, что «как правило». Дефицит товаров в нашей стране породил такую черту социальности, как эгоизм, когда люди расталкивали друг друга при вывозе из подсобного помещения магазина тележки с продуктами, чтобы ухватить первым. На нас смотрели из других стран, как на дикарей с инстинктами. Но вот в Японии объявили о приближающемся цунами, люди побежали в магазины запастись продуктами, они сметали всё с полок, и так же, как в России, отталкивали других, пробиваясь к вкатанным в торговый зал тележкам.

Таким образом, на основе экономических и общественных процессов, консти-

туционно-юридических норм и правил жизни людей, их психологии, взглядов, инициатив, действий социальность воплощается в совокупность как масштабной политики государства и институтов публичной власти, так и миллионов вариантов поведения конкретных индивидов.

Следовательно, социальность предполагает определённый общественный статус любого человека. Он формируется в значительной степени благодаря инициативам самой личности, но также во многом, а порой и абсолютно, зависит от окружающего мира. Мы имеем в виду разные обстоятельства. Частично они могут быть природными – катаклизмы погоды забирают всё, и превращают состоятельного жителя в беднейшее существо, вззирающее на пепелище ещё недавно процветающего своего дома, да ещё и потерявшего большинство близких. Не исключаются действия государства, политика экспроприации собственности и просто уничтожения людей. И, конечно, войны, переделы пространства, превращение свободных людей в рабов, массовые переселения в иные места обитания. И всё же, если не ставить на первый план экстремальные факторы, социальность очень часто зависит от индивидуальных занятий и образа жизни человека.

Исходя из этого, можно говорить и даже формулировать основные посылки не только общественного, но и конституционно-правового положения индивида в социальной среде (т. е. в окружении), которые зависят от следующих факторов:

Во-первых, это официальное положение личности, в т. ч. даже её происхождение. Напомним, было время, когда магические слова «из каких», «из кого» в сильной степени обуславливали общественный, а значит во многом и правовой статус человека. Так, происхождение «из крестьян» закрывало или делало очень сложным доступ к государственным должностям, к военным и гражданским учебным заведениям; даже состоятельному выходцу из «купеческого сословия» было трудно получить дворянский титул и т. д. Хотя всё это осталось в далёком прошлом, общественный статус

продолжает иметь значение – правда, не столько служебное, сколько публичное.

Во-вторых, это фактическое положение личности. Во многих случаях оно обуславливается официальным положением, но всё же есть понятие реальной «престижности», и она зачастую соизмеряется с такими факторами, как место деятельности, ум, подача личностью себя. Социальность в таких случаях выглядит скорее как обыденность, совокупность обычаев, на базе которых воспринимается личность. Для наглядности возьмём сферу собственной занятости. В конце XIX – начале XX вв. в МГУ проводились публичные лекции, на которые кроме студентов стекалась часть московского, говоря современным языком, «бомонда». Один профессор блистает своими лекциями, другой – читает монотонно, повторяя зачастую страницы напечатанного текста (хорошо, если своего). Юридически оба педагога могут занимать одинаковое положение, но социально у них разные ступеньки общественного авторитета.

В-третьих, социальность отражается в действиях личности. Так, один литератор погружён в чужие и свои сочинения, ему иного не надо. Другой же и в своих трудах бичует систему, и отдаёт много сил публичным выступлениям, и порой не отказывается от парламентского мандата. В каждом своём проявлении он отражает часть общего и своего социального призвания, и в каждом случае к этому добавляется дополнительная общественная или общественно-социальная окраска, но всё же с элементами индивидуальности.

В-четвёртых, социальность находит воплощение и во внешних действиях по отношению к личности. Проявление данного фактора многообразно и часто зависит от самой индивида. Например, можно поучаствовать в митинге протеста, быть задержанным и далее отпущенным полицией, и тем самым завоевать социальный статус «борца с режимом». Можно изобразить из себя сопротивленца, нападающего на полицейского, наносящего ему удары, а после задержания перед камерой признавать

свою вину и извиняться, а тем самым заслужить статус презируемого лица.

С учётом сказанного социальность отражается прежде всего в повседневных занятиях людей. Их начальные шаги посвящаются укреплению тела и духа. По мере появления и проявления ума и способностей, на пути взросления семья и социум помогают (должны помогать) каждому обрести знания, силу духа, умение показать себя окружению и обществу в целом, рано или поздно научиться постоять за себя. В значительной мере это физическое и морально-этическое мужание.

В немалой степени социум сопровождает это также и формированием сознания личности. К организационной стороне этой задачи мы подробнее обратимся чуть позже. Здесь же отметим, что социуму в лице общества и государства и нужно, и выгодно, чтобы индивид во многих отношениях стал позитивным, т. е. полезным. Очевидно ведь, что мир держится на том, что составляющие его люди должны не только что-то потреблять, но и производить, поддерживать институты власти и способствовать осуществлению их функций, многие из которых бесспорны (поддержание мира, казна и налоги, борьба с преступностью, здравоохранение и др.), что государство и сам социум нуждаются в защите от внешних врагов, и для этого содержится армия из граждан своей страны, что надо учить людей и помогать им получать знания, профессии и т. д.

Увы, социум не обходится без тех, кого надо поддерживать из-за бедности, старости, беспомощности и т. п. Это тоже задача социальности.

А как фундамент всего, о чём мы сказали, – задача социума по содействию организации трудовой деятельности в целом, и особенно тех, кто может производить материальный продукт. Ведь именно это является основой потребления (во всём спектре данного слова), умножения общественного богатства, а также и занятости населения. Итак, социальность проявляется прежде всего в создании «поля» осуществляющих трудовую деятельность.

Заблуждением надо считать суждения тех, кто делит общество на вовлечённых в какой-то труд и сибаритов, предающихся безделью, тем более относить ко второй группе тех, кто живёт на проценты с капитала или же на выигрыш в казино. Чтобы проценты были, надо всё же управлять капиталом и кое-что делать для его развития. А дополнительный доход в игровом доме не создаёт отдельной социальной группы. Достоевский известен как любитель игры в казино, но в социальном плане должен быть отнесён к тем, кто занимался (и прославил себя) литературным трудом.

Основные характеристики конституционно-правовой категории «социальность»

Но социальность состоит не только в том, что люди проявляют себя в гуманитарных и миролюбивых исключительно личных задачах и делах. Им недостаточно того, что природой и судьбой они отнесены к определённым социальным группам. Более того, личные наблюдения автора говорят о том, что процентно меньше тех, кого устраивает реальное положение. Гораздо больше тех, кто хочет иного.

На этой почве довольно распространённым является дифференциация людей не просто на социальные группы по материальному положению и занятости. Срабатывает тот фактор, который чуть выше мы назвали организационным.

У него несколько предпосылок. Самые простые идут от природы и бытия – с юных лет человек привязан к коллективизму (особенно по формам образования и воспитания), и его сопровождают заложенные в личности склонности к лидерству, превосходству над другими, желание первенствовать, в т. ч. войти для этого в команду на соревновании, конкурсе и т. п.

Со временем он обнаруживает в характере склонности к лидерству. Если он собственник, это проявляется в хозяйственных делах, но обычно этого бывает недостаточно. А вот если он имеет какие-то «мозги», умение создавать идеи и осо-

бенно внушать их окружающим, то идёт на создание организационной группы. А таких людей немало, в социуме существуют в большом количестве различные объединения. Их возникновение не только отражает индивидуальные потребности личности, рано или поздно для этого создаются правовые, а со временем и конституционно-правовые основы.

Таким образом, социум – это социальный муравейник (образно говоря). Но в природном муравейнике всё организовано по принципу единой команды, поступать иначе нельзя. А вот в социальном муравейнике чаще всего происходит иное: каждая группа строит свои отношения, вовлекает в них сторонних при условии их подчинения своим порядкам. Кроме того, создавая для этого конституционно-правовой фундамент, пытается возобладать над другими, а то и оформить, навязать свои правила публично-общественного, а то и обывденного бытия. Впрочем, при необходимости они могут быть изменены, скорректированы – лишь бы в целом служили соответствующей группе.

Примеров можно найти сколько угодно. Были времена, когда в нашей стране богатый человек не мог вступить в коммунистическую партию; туда же был закрыт доступ верующему. Появились другие подходы, всё подобное осталось в истории. В КНР социализм как конституционный строй сначала полагался на государственную собственность и в этом плане на общественное богатство. Прошло время, китайская идеология признала возможным сосуществование в одной стране двух экономических систем, а китайские миллиардеры превзошли по уровню богатства многих западных.

Самое сложное в социальной обывденности – преодоление конфликтов, враждебности. Для этого надо отказаться от того, чтобы воспринимать других, их объединения и приход к власти как почву для изменения социальной системы.

Однако для этого надо саму социальную систему построить на началах *справедливости*. Но вот тут-то и заложена исходная

для её оценки. Ведь известно, что все *сохранившиеся* социальные подходы строятся на конституционно-правовом признании равенства и равноправия. Тысячелетия законодатели разных стран в оценках социальных групп отказываются от слов о неравенстве, расовом или национальном превосходстве и т. д. А режимы, где всё же подобные нормы и политика проявляются, ждут крах и ликвидация – османская Турция, фашистская Германия. Даже те страны, где в силу обычаев или/и религии существуют неравенство разных слоёв населения, постепенно конституционным путём внедряются начала поддержки ранее неравных.

Хочется пожелать такого восприятия общественно-социального бытия, когда приход к власти или успехи каких-то политических партий на выборах надо толковать лишь как очередной шаг, виток в рациональной организации общества, но не как почву или начало очередного экономического, общественного, политического переворота. Отсюда стоило бы осторожно относиться к категории «борьба» в коллективистских отношениях. Условности программ партий и лидеров таковы, что они *ничего нового* не предлагают. Развитие цивилизации показало: ограничения размеров собственности одной личности может быть полезно лишь в случае, если всё остальное передаётся государству-обществу и служит всем; материальная поддержка так называемых неимущих слоёв не должна порождать американский, а теперь и распространяемый по другим странам способ социального иждивенчества, когда – если нет больших запросов – можно спокойно сидеть на государственном пособии; политически здоровый социум строится на взаимной благожелательности людей и отсутствии ревнивой зависти к тем, у кого больше ума, имущества, личных и профессиональных достижений.

Хочется пожелать, чтобы индивид меньше думал об изменении мира и воспринимал своё место «под солнцем» с позиций реальности бытия. В этом случае социальность ориентируется на личность, говоря

условно, как добросовестное существо, во многом обеспечивающее себя и частично опирающееся на поддержку государства и общества.

Бывает и так, что личности легче и проще ощущать себя «частицей» силы, группы, причём в ситуации, что таковы реалии жизни. Одни находят утешение в эйфории коллективного труда, другие ударяются в религию, третьи – в политику. Исторически всегда «соревновались» многие стороны в общественно-социальном проявлении личности. Тем более что общественная мораль и идеология могут быть разными: одни ориентируют на здоровый эгоизм, опору на свои силы, но с поддержкой государства. Другие идеологии построены на проповедовании сознания принадлежности к коллективизму, тем более что он неизбежен как основа трудовой деятельности, личного общения, в т. ч. для бытия и создания семьи, преодоления бед и т. д. В конце концов сложилось нечто объединившее оба начала, в т. ч. индивидуализм в обеспечении себя соединился с коллективной поддержкой – от среды, групп, объединений, наконец и государства, т. е. сложилась такая социальность, в которой уже трудно найти нечто строго отделённое. И обоснованно поступают те авторы, которые для характеристики процессов, происходящих в обществе, используют понятие «социальное воспроизводство» как многосторонний процесс, для которого необходимы и государственно-правовые основы [2, с. 111].

Строго говоря, социальность сопровождает любые типы объединений людей. И прежде всего, это категория общества, в нём, в меру сил и развития, она находит то или иное воплощение. Добыча дикарей, созданный трудом «кусочек хлеба», налог с производства товара – всё это становится достоянием всех в виде общего потребления, накапливаемого богатства всего социума. Да, у создателя продукта может оставаться львиная его доля – для потребления или продажи. И всё же что-то переходит в общее владение (общую собственность). Эта доля по мере упрочения социума ста-

новится всё большей. А когда пришёл черёд государства как фундамента подобного объединения, любое государство вынуждено наряду с общими задачами выполнять и социальные функции. Будут ли они постепенно находить правовое (конституционно-правовое) воплощение – это другой вопрос. Однако есть основания для утверждения: в любом виде государства присутствует социальность, и правы те, кто исходит из данной идеи [3, с. 29–31]. Другое дело, что государство подчиняют той или иной трактовке социальности – неравенству или равенству социальных групп, соответствующему толкованию справедливости; и такие подходы останутся надолго [3, с. 30–33].

Таким образом, в конституционно-правовой теории такая социальность оформляется как «социальность государства», она неизбежно сопровождается категорией «справедливости», тем более «социальной справедливости» – надо же показать социуму: то, что даётся всем или отбирается у всех, делается по принципу справедливости. Соответственно, в основном законе страны появляется категория «социальное государство» [3; 4].

По этому пути пошла и Российская Федерация: в Конституцию 1993 г. включена ст. 7 о социальном государстве. Её содержание свидетельствует, что российская социальность воплощена в следующих параметрах:

1. Социальное государство – это часть идеологии страны. Хотя согласно ст. 13 Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной или государственной. Более того, согласно ст. 7, у нас должно существовать и социальное общество как объединение дружественных и благожелательных граждан.

2. Ч. 1 ст. 7: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Таким образом, отражено явление, которое можно охарактеризовать как «социальная политика». Она,

очевидно, направлена на то, чтобы не применять начал т. н. «патернализма», т. е. не подменять начала личных стараний людей внешними действиями государства, а создавать им почву для активного проявления их способностей и желания достойно трудиться и содержать себя.

3. Социальность в России выражается и в гуманности государственно-общественной поддержки тех слоёв населения, которые объективно в этом нуждаются и без такой помощи не смогут справиться с жизненными трудностями. Согласно ч. 2 ст. 7: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Заключение

Социальность – это многообразное явление. Его вполне можно характеризовать как основу общества, государства и государственной политики, взаимоотношений людей, включая их экономические, политические и духовные контакты [1]. Меняются системы, организация власти, приходящие в неё силы. Но всё равно остаётся социум как совокупность разрозненных и объединившихся людей с их чувствами, стремлениями, взглядами и действиями...

Статья поступила в редакцию 02.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Е. В. Правовая парадигма социальности государства. М.: Юнити-Дана, 2016. 367 с.
2. Белкин А. А. Социальное воспроизводство и государственное право. Л.: Издательство ЛГУ, 1991. 111 с.
3. Клишас А. А. Социальное государство. М.: Международные отношения, 2017. 269 с.
4. Конституционная концепция социального государства / под ред. Ю. И. Скуратова. М., 2018. 242 с.
5. Путило Н. В. Социальные права в постиндустриальном обществе. М.: Проспект, 2021. 120 с.
6. Социальное обеспечение: настоящее и будущее / отв. ред. Ю. В. Воронин, проф. М. Л. Захаров. М., 2017. 284 с.
7. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya, V. Redkous // E3S Web of Conferences. Rostov-on-Don, 2020. P. 17023.

REFERENCES

1. Aristov E. V. *Pravovaya paradigma sotsialnosti gosudarstva* [The legal paradigm of the sociality of the state]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2016. 367 p.
2. Belkin A. A. *Sotsialnoe vosproizvodstvo i gosudarstvennoe pravo* [Social reproduction and state law]. Leningrad, LGU Publ., 1991. 111 p.
3. Klishas A. A. *Sotsialnoe gosudarstvo* [The welfare state]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2017. 269 p.
4. Skuratov Yu. I., ed. *Konstitutsionnaya kontseptsiya sotsialnogo gosudarstva* [Constitutional concept of a social state]. Moscow, 2018. 242 p.
5. Putilo N. V. *Sotsialnye prava v postindustrialnom obshchestve* [Social rights in the post-industrial society]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 120 p.
6. Voronin Yu. B., Zaharov M. L. *Sotsialnoe obespechenie: nastoyashchee i budushchee* [Social security: present and future]. Moscow, 2017. 284 p.
7. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society. In: *E3S Web of Conferences*. Rostov-on-Don, 2020, p. 17023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Сурен Адиебекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: avakian@law.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suren A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Departmental Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: avakian@law.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Авакян С. А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–14. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-7-14

FOR CITATION

Avakyan S. A. Sociality as a Public and Constitutional Legal Category. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 7–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-7-14

УДК 342.25

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-15-25

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чертков А. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление проблем и поиск оптимальных подходов к внедрению электронного голосования на муниципальных выборах в России.

Процедура и методы. Проведён анализ регулирования и реализации механизмов стационарного и дистанционного электронного голосования. В ходе работы использовались методы: диалектический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительной правовой, аксиологический и др.

Результаты. Выявлены проблемы и ограничения применения электронного голосования. На современных муниципальных выборах оно может быть лишь вспомогательным способом голосования. Предложены общие подходы к его дальнейшему развитию и совершенствованию. Аргументирована важность обеспечения безопасности и конфиденциальности электронного голосования в русле концепции «цепочки доверия». При этом выявленные проблемы требуют не отказа от современных технологий, но их совершенствования и адаптации к правовым реалиям России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором предложены направления развития электронного голосования, связанные с расширением охвата технологиями электронного голосования муниципальных образований России, повышением транспарентности и прозрачности для избирателей процессов учёта их голосов и обеспечением тайны волеизъявления. Значимость опыта муниципального уровня организации выборов видится в том, что этот наиболее приближённый уровень публичной власти к населению стал экспериментальной площадкой для накопления и обобщения опыта организации и проведения электронного голосования, прежде всего дистанционного.

Ключевые слова: электронное голосование, стационарное электронное голосование, дистанционное электронное голосование, муниципальный избирательный процесс, избирательное право, публичная власть, государственная власть, местное самоуправление, цифровизация, цепочка доверия

E-VOTING IN MUNICIPAL ELECTIONS: CHALLENGES AND PROSPECTS

A. Chertkov*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify problems and find optimal approaches to the introduction of electronic voting in municipal elections in Russia.

Methodology. Analysis of regulation and implementation of mechanisms of stationary and remote electronic voting was carried out. During the work, methods were used: dialectical approach, systemic-structural, formal-legal, comparative legal, axiological, etc.

Results. The problems and limitations of the electronic voting use are identified. It can only become an auxiliary method of voting at modern municipal elections. General approaches to its further development and improvement are proposed. The importance of ensuring security and confidentiality of electronic voting in line with the concept of «chain of trust» is given ground for. At the same time, the identified problems require not abandoning modern technologies, but their improvement and adaptation to the legal realities in Russia.

Research implications. The author proposes directions for the development of electronic voting, associated with expanding the coverage of electronic voting technologies in municipalities of Russia, increasing transparency and transparency for voters in the processes of registering their votes and ensuring the secrecy of expression of will. The significance of the experience of the municipal level of organizing elections is seen in the fact that this level of public authority, which is the closest to the population, has become an experimental platform for accumulating and generalizing the experience of organizing and conducting electronic voting, primarily remote voting.

Keywords: e-voting, stationary e-voting, remote e-voting, municipal electoral process, suffrage, public authority, state power, local government, digitalization, chain of trust

Введение

Цифровизация активно проникает в избирательный процесс, порождая новое электоральное явление – электронное голосование. Действительно, в современных условиях право в целом, в т. ч. и конституционное право, должны думать, как существовать при новых технологиях и рождаться ими отношения между людьми, между гражданами и публичной властью [1].

Электронное голосование – не следствие чьей-то прихоти, но объективный ответ на вызовы современной реальности избирательного процесса. С одной стороны, поскольку все сферы жизни общества получают «электронный формат», государственное и муниципальное управление цифровизируются, то избирательный процесс, в т. ч. муниципальный, не может оставаться вне цифровых технологий. С другой стороны, несовершенство традиционных форм голосования с помощью бумажных бюллетеней во всём мире ведёт к снижению уровня доверия граждан, особенно молодежи, к выборам. Как следствие имеет место утрата интереса к выборам у значительной, а подчас и большей части населения, что выражается в низкой явке избирателей, особенно на муниципальных выборах. Всё это требует развития форм электорального участия граждан в управлении публичными делами, прежде всего, голосования на выборах.

Использование электронного голосования на выборах направлено на решение следующих актуальных задач избирательного процесса:

1. *Повышение доступности процедуры голосования, в т. ч. возможности удалённого голосования.*

Внедрение цифровых (электронных) технологий существенно повысило доступность государственных и муниципальных услуг, самих органов публичной власти для населения. Электронные обращения граждан, электронные покупки, электронные очереди, удалённая работа стали реальностью. Очевидно, что электронное голосование, в т. ч. дистанционное, важная часть электронной реальности, цифровизации политической сферы.

Учитывая протяжённость территории России и невысокую плотность населения, цифровизация голосования в форме электронного голосования необходима. Электронное голосование во многом решает эти проблемы.

2. *Повышение общей привлекательности выборов, доверия к ним и явки избирателей.*

Если граждане не доверяют выборам, не участвуют в них, что особенно характерно для муниципальных выборов, можно ли говорить о подлинном народовластии, тем более самоуправлении? Возникает и проблема легитимности власти кандида-

тов и партий, победивших на выборах. Электронное голосование должно не просто сделать выборы удобнее для граждан, но способствовать подлинному народовластию, вовлечённости большинства в принятие решений на государственном и муниципальном уровнях, прежде всего, кто будет управлять публичными делами и представлять интересы населения.

Весьма желательно повышение явки. В России на муниципальных выборах явка низкая не только в труднодоступных местностях, но и в мегаполисах. Использование информационных технологий голосования привлечёт к выборам жителей городов, прежде всего молодого и среднего возраста. Так, ещё в 2006 г. введение электронного голосования на выборах в Великом Новгороде повысило явку с 16–17% до 21–22% по сравнению с предыдущими выборами [2].

3. Удешевление процедуры выборов.

Для муниципальных бюджетов любая экономия будет желательной, учитывая глобальную нестабильность в экономике. Разумеется, экономия не может вести к снижению качества или прозрачности. Сам ЦИК отмечает, что электронное дистанционное голосование ведёт и к усилению гарантий реализации избирателями своих прав и даёт значительную экономию¹.

Любое голосование избирателей с использованием современных электронных технических средств является электронным голосованием, которое бывает 2-х видов: в зависимости от нахождения либо отсутствия избирателя в помещении для голосования в момент голосования выделяют *стационарное* электронное голосование и *дистанционное* (удалённое) электронное голосование. Первое проводится в помещении, второе – вне его через системы удаленного функционирования, включая информационно-коммуникационные сети.

Стационарное электронное голосование

Исторически первым было внедрено стационарное электронное голосование, как в России, так и в мировой практике. Начало использования термина «электронное голосование» (*electronic(al) voting* или *e-voting*), равно как и первое использование данной формы голосования, имело место в США в 60-х гг. XX в. посредством специальных перфокарт. Сегодня оно используется в Австралии, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Индии, Ирландии, Испании, Норвегии, Нидерландов, Португалии, России, Франции, США и других странах. Речь идёт о голосовании с помощью устройств подсчёта голосов, устройств заполнения, смешанной (бумажно-электронной системы голосования) и системы голосования с прямой записью [2]. Технологии организации и проведения стационарного электронного голосования имеют национальную специфику, но суть состоит в использовании компьютерных терминалов, осуществляющих сканирование бюллетеней или учёт голосов избирателей с помощью безбумажной формы голосования.

Самым популярным стали электронные устройства подсчёта голосов. В России муниципальный избирательный процесс до настоящего времени строился на традиционном голосовании при помощи бумажных бюллетеней в сочетании с названным способом стационарного электронного голосования.

Внедрение и правовое оформление статуса Государственной автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы») положило начало цифровизации выборов в России, в т. ч. муниципальных. Эта система позволяет проводить подведение итогов как электронного, так и традиционного голосования посредством бумажных бюллетеней, и с помощью Интернета оглашать результаты. Но дальнейшая цифровизация голосования в России связана с развитием стационарного электронного голосования.

¹ Российские парламентарии предлагают обсуждать дистанционное голосование на выборах // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978024> (дата обращения: 03.06.2021).

В практике стационарного электронного голосования на муниципальных выборах используют комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), и комплексы для электронного голосования (КЭГ).

Электронное голосование призвано устранить или хотя бы уменьшить возможности для злоупотреблений традиционного голосования, что стало одной из ключевых задач внедрения стационарного электронного голосования. Однако практика показала, что основная часть существующих нарушений при голосовании характерны для всех способов голосования, использующих избирательные бюллетени в том или ином виде. И в случае использования КОИБ не удаётся полностью застраховать избирательный процесс от попыток манипуляций с избирательными бюллетенями.

Хотя с помощью КОИБ можно противодействовать крупномасштабным вбросам бюллетеней в ящики для голосования, прочие виды нарушений совместимы с данной технологией. При этом имеют место технические ошибки. Так, КОИБ обладает излишней чувствительностью сканера бюллетеней, которая может принимать случайные отметки за выражение воли избирателя. Кроме того, КОИБ имеет уязвимое программное обеспечение. Всё это требует проведения трудоёмкого ручного пересчёта избирательных бюллетеней с целью перепроверки¹.

Недостаточная безопасность голосования с помощью КОИБ потребовала создания нового способа проведения стационарного электронного голосования. Идея замены ящиков для голосования на электронно-вычислительные машины была направлена именно на противодействие многочисленным попыткам фальсификаций и злоупотреблений в ходе проведения выборов. Так появилась технология КЭГ.

Законодательство пошло по пути ограничения дефиниции электронного го-

лосования по сравнению с международно-правовым подходом, на долгое время сделав голосование с использованием КЭГ единственным способом проведения стационарного электронного голосования в Российской Федерации. Голосование с помощью КОИБ, а до недавнего времени даже дистанционное (удалённое) голосование с использованием электронных средств формально не являлись электронным голосованием.

Хотя КЭГ ещё не везде используется на муниципальных выборах, его применение расширялось. И успешность внедрения данной технологии отчасти становилось своего рода тормозом в развитии дистанционного электронного голосования.

Ключевой проблемой стационарного электронного голосования является обеспечение безопасности КЭГ. Специалистами по информационным технологиям отмечается уязвимость данного механизма. Группа «Wij vertrouwen stemcomputers niet» («Мы не доверяем компьютерам для голосования») отметила, что по характеру радиоизлучения от компьютера можно сделать вывод о характере волеизъявления избирателя, а также о возможности почти беспрепятственной замены комплектующих с целью фальсификации результатов голосования [5]. В настоящее время средства защиты программного обеспечения развиваются, но и технологии взлома баз данных и слежения за технической активностью не стоят на месте.

Центральная избирательная комиссия (ЦИК) проводит переоснащение большинства избирательных комиссий на КОИБ и КЭГ нового поколения и модернизацию документооборота системы ГАС «Выборы». Отмечается повышение эффективности и безопасности всей процедуры электронного голосования [2]. Вместе с тем ещё далеко не все избирательные участки оборудованы ими.

В целом стационарное электронное голосование стало неотъемлемой частью избирательной системы России. Муниципальный избирательный процесс

¹ Чудеса науки и выборы: можно ли обмануть КОИБ? // Life : [сайт]. URL: <https://life.ru/p/901013> (дата обращения: 03.06.2021).

России в настоящее время не вполне обеспечен оборудованием для проведения стационарного электронного голосования, а степень защищённости КЭГ всё ещё недостаточна. Вместе с тем технологии стационарного электронного голосования обладают значительным потенциалом для преодоления как минимум части недостатков голосования на бумажных бюллетенях, поэтому нуждаются в дальнейшем совершенствовании и внедрении.

Зарубежный опыт становления дистанционного (удалённого) электронного голосования

Зарубежный и российский опыт использования дистанционного электронного голосования ещё довольно мал и значительно уступает опыту стационарного электронного голосования. Тем важнее в его становлении и развитии международных стандарты и рекомендации.

В 2000 г. Еврокомиссия внедрила проект «КиберГолос» (*CiberVoice*) для удалённого голосования в Европарламент. Но проект не прошёл апробации и не был внедрён в начале века.

Основным автором рекомендаций к разработке стандартов в этой сфере стал Совет Европы, как и в отношении стационарного электронного голосования. Названные выше Рекомендации Rec(2004)11 предусматривают установление единых стандартов электронного голосования, поскольку электоральные права являются важнейшей категорией политических прав. В Рекомендациях Rec(2004)11 впервые провозглашена задача предоставления возможности избирателям голосовать дистанционно с помощью цифровых технологий.

Значимо принятие 14 июня 2017 г. Рекомендаций CM/Rec (2017)5. На основе десятилетнего опыта реализации Рекомендаций Rec(2004)11 подробно регламентируется вся процедура удалённого голосования. В частности, избирательные системы могут объединять голосование на избирательном участке и голосование на

расстоянии. Удалённое голосование может выполняться как на территории контролируемой избирательной властью (посольство, консульство, почтовое отделение, ратуша), так и на неконтролируемой избирательной властью, т. е. при отсутствии представителей избирательных комиссий. К таким видам голосования относится голосование при помощи компьютера, подключенного к интернету. Электронное голосование на расстоянии означает использование электронных средств для осуществления избирательных прав за пределами помещений, где проходит голосование¹.

Рекомендации требуют подробных и доступных правил, чтобы позволить всем заинтересованным сторонам понять систему голосования и надлежащим образом исполнить свои обязанности. Они должны быть известны и понятны заранее, и это позволит гарантировать, что реализация избирательных прав граждан с помощью интернет-технологий соответствует демократическим принципам выборов и референдумов.

Новеллой Рекомендаций CM/Rec(2017)5 стала концепция «цепочки доверия». Голосование не заканчивается на стадии подачи голоса избирателем в сети, а предполагает подтверждение его учёта с помощью «возвратных кодов». Это даёт возможность проверки избирателем правильности учёта своего волеизъявления в ресурсах избирательной комиссии. Вместе с тем сам подсчёт голосов избирателей избирательными комиссиями должен обеспечивать полную анонимность.

В свою очередь внедрение таких технологий требует от избирателя определённой электронной грамотности и ответственного поведения. Избиратель должен быть проинформирован о необходимости стереть следы проведения им операций для осуществления голосования, таких как

¹ Electoral assistance newsroom // Council of Europe : [сайт]. URL: <https://www.coe.int/en/web/electoral-assistance/-/council-of-europe-adopts-new-recommendation-on-standards-for-e-voting> (дата обращения: 03.06.2021).

аутентификация избирателя или подачи голоса.

Современные компьютеры сохраняют следы любых действий на множественных носителях. Всё это требует не только ответственных действий от избирателя, но и новых программных решений, включающих большую защищённость интернет-браузеров.

С целью защиты избирательных прав граждан необходимо модернизировать механизмы административной и уголовной ответственности применительно к дистанционному электронному голосованию. Действительно, одним из серьёзнейших факторов, которые необходимо учитывать при разработке мер ответственности, является усиление противодействия как фальсификации волеизъявления избирателей, так и оказания давления на избирателя, в т. ч. и косвенного. Так, недопустимость предвыборной агитации в Интернете в «день тишины» или непосредственно в день голосования декларируется, но сложно обеспечивается [3].

Главным компонентом любых избирательных технологий, в т. ч. электронных, как и базовым условием для правильного функционирования любого способа голосования является доверие граждан к избирательной системе. Применительно к дистанционному электронному голосованию доверие обеспечивается соблюдением принципа транспарентности, созданием таких механизмов, которые были бы прозрачны для избирателей и могли бы быть проверены институтами гражданского общества и отдельными заинтересованными гражданами. Это касается не только самой непосредственной процедуры голосования, но всех стадий избирательного процесса.

Европейской Комиссией за демократию через право дистанционное электронное голосование признано полностью совместимым со стандартами Совета Европы, если условия и требования такого голосования не отличаются от процедуры дистанционного голосования по почте, либо стационарного электронного голосова-

ния (принято на 58-й пленарной сессии, Венеция, 12–13 марта 2004 г. Исследование № 260/2003, Страсбург, 18 марта 2004 г., CDL-AD(2004)012).

В мировой практике среди способов дистанционного (удалённого) электронного голосования выделяют голосование с использованием публичных сетей общего доступа; системы интерактивного голосования; системы голосования при помощи сотовой телефонной связи. В целом ряде зарубежных государств дистанционное электронное голосование динамично развивается, в частности, в Эстонии, Швейцарии, Австрии, Франции, Германии, Испании, Нидерландах, Великобритании, США. Практически во всех зарубежных государствах создание дистанционного электронного голосования не заменяет стационарное электронное голосование, а лишь дополняет его [4].

Рассмотрим основные аспекты опыта дистанционного электронного голосования лидеров современного мира по масштабам и темпам его внедрения – Эстонии и Швейцарии.

Опыт Эстонии примечателен тем, что впервые в истории были организованы парламентские выборы. Для аутентификации избирателя введены электронные удостоверения личности (ID-карты) начиная с 2002 г., которые получают с 15-летнего возраста. Примечательно, что впервые данная технология была применена именно на муниципальных выборах. Сегодня в Эстонии число голосующих дистанционно сопоставимо с числом голосующих иными способами.

По заверениям разработчиков, принятые меры безопасности практически исключают практику фальсификаций на выборах. В частности, при разработке системы интернет-голосования использовался обширный опыт создания программного обеспечения для сетевых банковских операций. Кроме того, в Эстонии появилась возможность использовать мобильное приложение Mobil-ID, позволяющее голосовать с помощью сотового телефона [10].

В Швейцарии традиционно сильно развиты институты непосредственной демократии, особенно на местном уровне. С 2004 г. в швейцарском кантоне Женева проводятся голосования с помощью индивидуальной одноразовой карты. 8 февраля 2009 г. на референдуме граждане одобрили поправку в ст. 48 Конституции Республики и Кантона Женева о возможности голосовать и избирать по Интернету, которая вступила в силу с 2010 г. [3]. В целом, процедура электронного голосования проводится с использованием индивидуальных карт избирателей, схожих с id-картами в Эстонии. При этом одни кантоны (Женева, Невшатель) вводят электронное дистанционное голосование для всех избирателей, а другие (Ури, Обвальден и Вале) – только для соотечественников, находящихся за рубежом [2].

Электронное голосование в России: от стационарного к дистанционному

В России в начале XXI в. существовал лишь один способ проведения электронного голосования вне помещения для голосования – с использованием переносных устройств сенсорного голосования (УСГ-П), входящих в состав системы КЭГ. В соответствии с Постановлением ЦИК России № 248/1529-6 такое голосование вне помещения для голосования проводится только на основании письменного заявления или устного обращения избирателя о предоставлении ему возможности проголосовать вне помещения для голосования. Разумеется, такой способ не отвечает потребностям современного общества и не может считаться достаточным для становления дистанционного электронного голосования.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15.04.14 № 11-П указал, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской

активности. Дистанционное голосование видится именно таковым [9].

Регулирование стационарного электронного голосования стало основой для организации дистанционного электронного голосования, проводимого как эксперимент [3]. Серия первых экспериментов была проведена на муниципальном уровне еще в рамках выборов 2008–2009 гг. Экспериментальное дистанционное электронное голосование на муниципальном уровне прошло в ходе ряда муниципальных и региональных выборов.

Таким образом, именно муниципальный уровень организации выборов стал экспериментальной площадкой для накопления и обобщения опыта организации и проведения дистанционного электронного голосования. Все проведенные эксперименты показали высокую степень интереса и доверия избирателей к проведению выборов в формате дистанционного электронного голосования.

Объективные данные о количестве избирателей, принявших участие в экспериментальных опросах, также свидетельствуют о готовности граждан России к восприятию новых цифровых технологий в избирательном процессе, в частности, число избирателей, принявших участие в экспериментах в марте 2009 г. на территории ряда муниципальных образований: Волгоградская область, хутор Петровский – 90% избирателей; Вологодская область, г. Вологда – 75% избирателей; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск – 86% избирателей; Томская область, с. Каргасок – 79% избирателей [2].

Современным масштабным экспериментом в сфере дистанционного электронного голосования стали выборы в Московскую городскую Думу в 2019 г. Фактически в России эксперименты муниципального уровня были успешно проведены ещё в 2008–2009 гг., сегодня избирательная система перешла к тестированию на региональном и даже федеральном уровнях. При этом, разумеется, организация и проведение дистанционного элек-

тронного голосования осуществляется на местах, т. е. на том же муниципальном уровне, но охватывает избирательные комиссии в масштабе субъекта Российской Федерации.

В 2019 г. масштабный эксперимент был проведён в Москве, в которой максимально развиты цифровые технологии и большинство жителей вовлечены в них, но вот явка москвичей на выборы, особенно региональные и муниципальные, крайне низкая.

Эксперимент был организован на федеральном уровне в отношении выборов собственно депутатов Московской городской Думы и прошедших одновременно довыборов в Государственную Думу от Москвы, а также глав ряда регионов. В развитие норм федерального законодательства были приняты Закон г. Москвы от 22.05.2019 № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». Избиратели могли подать заявление на электронное голосование не ранее чем за 45 дней и не позднее чем за 3 дня до дня голосования с использованием подсистемы «Личный кабинет» Портала государственных и муниципальных услуг (функций) г. Москвы. Полный доступ к подсистеме «Личный кабинет» можно было получить при посещении многофункционального центра предоставления государственных услуг при предъявлении документа, удостоверяющего личность [6; 7; 8].

Итоги прошедшего 8 сентября 2019 г. эксперимента по организации и проведению дистанционного электронного голосования сложно оценить однозначно. С одной стороны, данное мероприятие стало важным шагом на пути цифровизации избирательного процесса. Цели по привлечению избирателей на выборы однозначно были достигнуты, равно как и по упрощению процедуры голосования. Но, реализовав технические задачи, эксперимент не вполне справился с главной целью – повышением доверия избирателей к выборам.

В некоторых случаях результаты дистанционного электронного голосования кардинально меняли итог голосования, хотя преимущества были ничтожными. Например, в 30-м округе г. Москвы Роман Юнеман проиграл Маргарите Русецкой с разницей в 84 голоса. При этом при подсчёте бюллетеней Юнеман получил 9 106 голосов, Русецкая – 8 525, а в дистанционном электронном голосовании Юнеман – 455, Русецкая – 1 120. В итоге Юнеман получил 9 561, Русецкая – 9 645 голосов.

Одним из механизмов проверки достоверности результатов дистанционного электронного голосования, предложенных Рекомендациями CM/Rec(2017)5, является статистическое сопоставление результатов равнение дистанционного голосования с результатами иных форм голосования. Это обеспечивает дополнительный контроль достоверности и точности результатов дистанционного электронного голосования. В названном случае сравнение данных показывает несовпадающие тенденции распределения голосов в дистанционном электронном голосовании с иными формами голосования.

Оппозиция обвинила правящую партию и избирательные комиссии в фальсификации результатов голосования, в т. ч. посредством манипуляций с результатами дистанционного электронного голосования, и призывала избирателей не принимать участия в электронном голосовании. Отчасти поэтому число избирателей, принявших участие в дистанционном электронном голосовании, было относительно небольшим, учитывая развитие цифровых технологий в Москве. В свою очередь, представители избирательных комиссий и правящей партии обвинили оппозиционеров в воспрепятствовании проведению выборов. Всё это явно не повысило доверия москвичей к выборам в целом и дистанционному электронному голосованию в частности. Именно бойкотированием дистанционного электронного голосования со стороны оппозиционеров объясняются представителями избирательной системы несовпадение данных о распределении

голосов при дистанционном электронном голосовании и иными формами голосования.

Глава ЦИК РФ Э. А. Памфилова назвала эксперимент не вполне удачным и констатировала неготовность к организации и проведению дистанционного электронного голосования в масштабах страны. Вместе с тем она призвала извлечь выводы из эксперимента, «вникнуть во все минусы» и проводить пилотные проекты в регионах, особенно имеющим труднодоступные территории. Она констатировала необходимость обеспечить максимальную безопасность и соблюсти баланс тайны голосования и подконтрольности процедуры голосования обществу¹.

Заключение

Не только стационарное, но и дистанционное электронное голосование все-рѣз и надолго вошли в муниципальный и региональный избирательные процессы России. Оно внедрено в федеральный избирательный процесс в текущем году, в частности на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Электронное голосование на данных выборах стало технически более совершенным, чем было ранее, но проблема доверия избирателей к дистанционному электронному голосованию сохраняется.

Основными задачами развития дистанционного электронного голосования в муниципальном избирательном процессе,

которые в настоящее время остаются и основными проблемами, видятся:

Повышение прозрачности и прозрачности для избирателей процессов учёта их голосов в дистанционном электронном голосовании.

Обеспечение тайны волеизъявления в ходе дистанционного электронного голосования.

Расширение охвата технологиями дистанционного электронного голосования муниципальных образований России.

Для решения названных задач необходимо всестороннее обеспечение безопасности механизма дистанционного электронного голосования как от попыток вмешательства неопределённого круга лиц с преступным умыслом, так и от злоупотреблений со стороны должностных лиц органов публичной власти. В этой связи актуальна защита конфиденциальности внесѣнных в систему дистанционного электронного голосования данных относительно голосов избирателей, а также сведений, идентифицирующих личность голосующих, развитие технологий концепции «цепочки доверия», когда избиратель контролирует процесс учёта его голоса и общее развитие электоральных цифровых технологий [9]. Наличие проблем должно вести не к отказу от самой технологии, а к её совершенствованию.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.
3. Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал Российского права. 2020. № 2. С. 45–57.
4. Григорьев А. В. Правовое регулирование электронного дистанционного голосования: перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. 2018. № 3. С. 118–131.

¹ Рожкова Е., Галанина А., Хейфец В. С «цифрой» не складывается // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4095101> (дата обращения: 03.06.2021).

5. Коновалова Е. И., Чеботарев В. Е. Использование электронных средств голосования при проведении избирательных кампаний: опыт зарубежных стран и России // Юридический мир. 2012. № 8 (188). С. 44–47.
6. Котикова Д. В. К проблеме правового регулирования дистанционного электронного голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2. С. 174–184.
7. Невинский В. В. Некоторые вопросы легитимации власти в России в условиях «цифровизации» общества (к развитию взглядов профессора В. И. Фадеева) // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 123–133.
8. Федоров В. И. Проекты по автоматизации голосования в исторической ретроспективе // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 34–55.
9. Чертков А. Н. Риски электронного голосования (Перспективы защиты избирательных прав граждан вызывают обеспокоенность) [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya> (дата обращения: 03.06.2021).
10. Шульга-Морская Т. В. Выживет ли репрезентативная демократия в эпоху Интернета? // Городское управление. 2012. № 3. С. 87–90.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Information space of knowledge, digital world and constitutional law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 7, pp. 23–28.
2. Grigorev A. V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii pri osushchestvlenii institutov pryamoi demokratii v Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal regulation of the use of modern information and communication technologies in the implementation of institutions of direct democracy in Russia : Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2020. 224 p.
3. Grigorev A. V. [Implementation of the constitutional right of citizens to manage state affairs in the context of digitalization]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 2, pp. 45–57.
4. Grigorev A. V. [Legal regulation of electronic remote voting: development prospects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyi audit* [Bulletin of Moscow University. Series 26. State audit], 2018, no. 3, pp. 118–131.
5. Konovalova E. I., Chebotarev V. E. [Using Electronic Voting Tools in Election Campaigns: Experience of Foreign Countries and Russia]. In: *Yuridicheskii mir* [The Legal World], 2012, no. 8 (188), pp. 44–47.
6. Kotikova D. V. [On the problem of legal regulation of remote electronic voting]. In: *Grazhdanin. Vyborny. Vlast* [Citizen. Elections. Power], 2020, no. 2, pp. 174–184.
7. Nevinsky V. V. [Some issues of legitimizing power in Russia in the context of the «digitalization» of society (to the development of the views of Professor V. I. Fadeev)]. In: *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin], 2019, no. 9, pp. 123–133.
8. Fedorov V. I. [Voting automation projects in historical perspective]. In: *Grazhdanin. Vyborny. Vlast* [Citizen. Elections. Power], 2020, no. 1, pp. 34–55.
9. Chertkov A. N. [Risks of electronic voting (Prospects for protecting the electoral rights of citizens cause concern)]. In: *Advokatskaya gazeta* [Advocatory Newspaper]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya> (accessed: 06.03.2021).
10. Shulga-Morskaya T. V. [Will Representative Democracy Survive the Internet Age?]. In: *Gorodskoe upravlenie* [Municipal Government], 2012, no. 3, pp. 87–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чертков Александр Николаевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Chertkov – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Centre for Territorial Governing and Self-Governing, Moscow Region State University;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чертков А. Н. Электронное голосование на муниципальных выборах: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 15–25.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-15-25

FOR CITATION

Chertkov A. N. E-voting in Municipal Elections: Challenges and Prospects. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 15–25.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-15-25

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 347.626

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-26-38

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД)

Певцова Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выяснить особенности современных воспитательных отношений в системе общественных отношений, которые выступают предметом правового регулирования.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались: сравнительно-правовой метод, исторический подход, анализ нормативно-правовых актов в сфере образования и правовой практики образовательных организаций, а также статистические методы.

Результаты. Изучение темы позволило сделать вывод, что воспитательные отношения в современном обществе не тождественны образовательным отношениям, они могут носить правовой характер и составляют самостоятельный предмет правового регулирования, отличаясь специфическим набором правовых средств воздействия. Кроме того, они всегда направлены на человека как физическое лицо либо группы людей и не действуют в отношении юридических лиц или лиц, не обладающих сознанием. Конечной целью правового воздействия в рамках воспитательных отношений является не обученность личности, не развитость её логико-нормативного компонента правового сознания, а иные в сравнении с исходными характеристиками черты поведения, а именно: преобразование её мотивационного компонента правового сознания, который проявляется в развитости интеллекта и правомерных деяниях человека (сообразованных с принципами справедливости, отражающих действующую систему ценностей). Право формализует средства и методы правового регулирования воспитательных отношений, от которых зависит их эффективность. Современные воспитательные отношения могут быть результативны, если они характеризуются субъект-субъектным подходом, выстраиваются на ценностной основе, адекватной современному обществу. В условиях развития цифрового общества, технологической сингулярности, преобразования бытия человека именно воспитательные отношения должны стать объектом пристального внимания права и государства. От их качества зависит будущее человеческой цивилизации. В работе даны конкретные рекомендации в части разработки нормативных правовых актов, регулирующих воспитательные отношения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные можно использовать в работе по организации воспитательной деятельности в системе высшего образования, в процессе изучения вопросов правового воспитания в рамках теории государства и права.

Ключевые слова: воспитательные отношения, правовые отношения, правовое регулирование воспитания, правовоспитательная деятельность, структура воспитательных правоотношений

NURTURANT RELATIONS AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION IN THE MODERN WORLD (THEORETICAL AND LEGAL VIEW)

E. Pevtsova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To find out the peculiarities of modern educational relations in the system of public relations, which are the subject of legal regulation.

Methodology. The study used: a comparative legal method, a historical approach, an analysis of regulatory legal acts in the field of education and legal practice of educational organizations, as well as statistical methods

Results. The study of the theme made it possible to conclude that nurturant relations in modern society are not identical to educational ones. They can be legal in nature and constitute an independent subject of legal regulation, differing in a specific set of legal means of influence. In addition, they are always aimed at a person as an individual or at a group of people, and do not apply to legal persons or persons without consciousness. The ultimate goal of legal influence in the framework of nurturant relations is not the training of the personality, not lack of development of its logical and normative component of legal consciousness, but other than the initial characteristics of behavior, namely: the transformation of its motivational component of legal consciousness, which is manifested in the development of intelligence and legitimate human acts (consistent with the principles of justice, reflecting the current system of values). Law formalizes the means and methods of legal regulation of nurturant relations on which their effectiveness depends. Modern nurturant relations can be effective if they are characterized by a subject-subject approach, are built on a value basis adequate to modern society. In the context of the development of digital society, technological singularity, the transformation of human existence, it is nurturant relations that should be the object of close attention to law and the state. The future of human civilization depends on their quality. The work provides specific recommendations regarding the development of regulatory legal acts regulating nurturant relations.

Research implications. The obtained data can be used in the work on the organization of nurturant activities in the system of higher education, in the process of studying the issues of legal education within the framework of the theory of state and law.

Keywords: nurturant relations, legal relations, legal regulation of upbringing, legal nurturant activities, the structure of nurturant legal relations

Введение

Воспитание относится, пожалуй, к самой древней категории человеческой цивилизации, и, казалось бы, об этом понятии не высказался только ленивый. В энциклопедиях по-разному объясняется смысловое значение указанного слова. В одних случаях его трактуют как «обучение с целью передачи опыта новому поколению», в другом – как «процесс формирования определённых качеств личности с целью её развития». Ни то, ни другое определение не может исчерпать всю многогранность слова «воспитание». Оно имеет бо-

лее глубокий смысл и очень богатую историю своей эволюции. Ещё в произведениях XV в. указывалось на важность передавать самые ценные качества личности своим потомкам, в наставлении детям читаем: «Сын мой, если хочешь прославиться перед Богом и людьми, то будь ко всем одинаков и добр ко всякому Человеку, и за глаза и в глаза...»¹. И примеров подобных рекомендаций можно приводить бесчисленное множество.

¹ Из «Наставления отца к сыну». XV в. // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения: 15.09.2021).

Однако цикличность развития общественных отношений демонстрирует нам различные этапы эволюции воспитательных отношений, интерес к которым со стороны государства и права то угасал, то вновь возрастал. История и эволюция права показали, что в условиях относительной стабильности общество внимательно относится к воспитанию и даже пытается обеспечить его правовое регулирование, но в периоды кризисных и сложных эпох отношение к нему становится весьма своеобразным: от негатива и пренебрежения до полного безразличия. И лишь спустя какой-то промежуток времени люди начинают ощущать последствия так называемой «невоспитанности» нового поколения и вновь начинают проявлять активность в части создания правовых норм, обеспечивающих обязательность воспитательных мероприятий. Парадокс отношения к воспитанию заставляет нас по-новому исследовать этот феномен, но не с позиции педагогики и психологии, где уже давно выявлена важность (при полном отсутствии закономерностей, увы) указанной деятельности человека, а с позиции теории права с тем, чтобы рекомендовать современному законодателю наиболее профессионально обеспечивать правовое регулирование воспитательной деятельности в государстве.

Условия современного общества, в котором очевидны возникающие социальные проблемы как глобального, так и общероссийского, регионального уровней, порождающие новые технологии информационных войн, экспорт цветных революций, диктуют потребность в профессиональном осмыслении категории «воспитание». В эпоху цифровизации общественных отношений манипуляция массовым сознанием начала приобретать мощный характер, что требует незамедлительного противостояния и устойчивости поведения и человеческой психики [11; 12; 23; 25]. Характеристику подобной ситуации дал Президент Российской Федерации В. В. Путин, который подчеркнул в одном из своих выступлений тот факт, что сферой жёсткой конкуренции становятся порой и нравственные ценности, и

исторический опыт, и культурное самосознание. Пренебрежение к своей истории может приводить к катастрофе государств, лишению их суверенитета и войне¹. В этом смысле именно правовое регулирование воспитательных отношений способно предотвратить катастрофу человеческой цивилизации [13; 14; 15].

Что же такое воспитание, является ли оно исключительно предметом педагогики? Ответы на эти вопросы вдруг стали волновать наших современников [1; 2; 3; 22; 26]. Интерес к воспитанию на фоне многочисленных проблем, с которыми столкнулись страны мира в период кризисных явлений, сподвигнул и россиян принять в 2020 г. так называемый среди обывателей Закон о воспитании. Речь идёт о федеральном законе № 304-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся»². Вступив в силу с 1 сентября 2020 г., данный закон заставил все образовательные организации страны особо пристально пересмотреть организацию своей воспитательной деятельности, которая вроде бы всегда присутствовала, но была ли эффективной [25]? Может ли право проверить результативность такой деятельности? Носит ли эта деятельность правовой характер? Возможны ли ключевые показатели её результативности? Наступит ли юридическая ответственность за невыполнение норм закона? Как должно право повлиять на воспитание в стране в целом? Эти и многие другие вопросы возникают у многих субъектов образовательных отношений и требуют профессионального разъяснения.

¹ Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи // Союз машиностроителей России: [сайт]. URL: <https://soyuzmash.ru/news/tidings/vstrecha-s-predstaviteli-ami-obshchestvennosti-po-voprosam-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyezhi> (дата обращения: 31.07.2021).

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2021).

Степень изученности темы в теории права

Предваряя перечисление многочисленных фамилий и имён уважаемых учёных, заметим, что систематизация всех подходов позволяет выявить две прямо противоположные концепции понимания воспитания с позиции права. В первом случае, авторы настаивают на тождественности образовательных отношений с воспитательными, а во втором – доказываются их прямая противоположность. Юридическая практика в сфере образования показывает, что быть столь категоричными в данном вопросе не правильно. Следует признать бесспорную уникальность воспитательных отношений, но надуманная фундаментальными позициями самостоятельность носит, как правило, относительный характер и не может претендовать на полную изолированность воспитательных отношений в природе общественных отношений в целом. Кроме того, такие отношения не могут являться самостоятельным предметом отдельной отрасли права, которая комплексно захватывает в свой оборот другие рядоположенные и тождественные, однотипные по своему содержанию отношения. Эта классика теории права проявляется и в данном аспекте. Ещё одной темой в рамках изучения проблемы стало понимание соотношения и дефинирования в нормативных правовых актах таких понятий, как «образование», «обучение» и «воспитание». Опять-таки, нет единого подхода и в этом вопросе с позиции теории права. Кто-то настаивает на том, что образование есть совокупность обучения и воспитания, кто-то (кстати, таких юристов оказалось гораздо больше, начиная с 50-х гг. прошлого столетия) доказывает, что воспитание гораздо шире, в частности, как утверждают учёные, правововоспитательный процесс включает в себя и правовое обучение, и правовое образование. Педагоги, правда, весьма скептически поддерживают подобные высказывания [4; 6; 7; 10; 16; 17]. В результате законодатель всё же формализовал в нормах права сугубо

педагогический подход, закрепив дефиницией понимание образования как суммы воспитания и обучения практически во всех нормативных правовых актах, регулирующих образовательные отношения. Опять-таки, и в таком подходе не всё так легко, как кажется на первый взгляд.

Определённый вклад в исследование вопросов воспитания с позиции права внесли такие учёные, как Е. В. Аграновская [1], В. П. Казимирчук, Д. А. Керимов, В. Н. Кудрявцев, Е. А. Лукашева, Н. И. Матузов, А. В. Мицкевич, В. В. Оксамытный, Т. Н. Радько, И. С. Самощенко, Н. Я. Соколов и др.¹. В трудах теоретиков права были заложены концептуальные основы понимания правовоспитательной деятельности и воспитания в целом. Вместе с тем, исследование темы позволяет выделить несколько групп исследователей, посвятивших свои труды вопросам воспитания с позиции права. Укажем лишь некоторые в качестве примера разнообразия подходов к вопросам воспитания с позиции права:

1. Авторы, которые путём изучения регионального опыта, разрабатывали предложения по созданию локальных нормативных актов в сфере воспитания с акцентом на правовое воспитание. В большинстве случаев – это практики, которые изучали эмпирическим путём организацию воспитания детей и молодёжи и обосновывали общие подходы в своих научных трудах (О. П. Мартынов, А. А. Петренко, Л. В. Мостяева, И. С. Бочаров, Т. Б. Пасман, В. М. Сапогов, А. Б. Суслов, П. В. Миков и др.). В основе выдвигаемых мер правового регулирования воспитания лежат данные проводимых мониторингов результативности педагогических моделей правового воспитания обу-

¹ См.: Тапчанян Н. М. Правовое сознание и правовая культура личности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 151 с.; Евстратов А. М. Правовое сознание и правовая культура в период формирования советского государства в 1920–1930е годы (историко-теоретическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 351 с.; Аграновская Е. В. Правовая культура как фактор укрепления социалистического образа жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 171 с.; Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 219 с. и др.

чаемых в отдельно взятых регионах России (Москва, С.-Петербург, Брянск, Пермь, Псков, Рязань и др.).

2. Группа исследователей, которым удалось определить эффективные рекомендации по воспитательной деятельности в отношении детей и молодёжи, обосновать принципы и механизмы правовоспитательной деятельности, возможные для применения в федеральном масштабе, что привело к разработке новых учебников, пособий для школ и вузов (В. В. Тищенко, Г. П. Давыдов, Н. И. Элиасберг, А. И. Долгова, А. М. Медведев, В. М. Обухов, А. М. Столяренко [20] и др.). Стык педагогики и юриспруденции позволил даже обозначить институционализацию педагогической юриспруденции и юридической педагогики.

3. Авторы, обосновавшие значимость правового образования для организации результативной правовоспитательной деятельности в целом (исследования А. Д. Бойкова, В. В. Головченко [5], И. В. Гранкина, С. Н. Головина [4], В. И. Каминской, А. С. Тагиева, Н. В. Щербачевой). Учёными определены основные подходы к организации воспитания, в т. ч. правового воспитания, его социальные функции, раскрыты механизмы правовой социализации, определены пути совершенствования правового воспитания. Исследователями выдвинуты и обоснованы идеи о юридическом всеобуче для всех групп населения. Интерес привлекла и правомерная деятельность педагогов по организации воспитания. Так, например, С. Н. Головин определил педагогическую структуру умений педагога в воспитательной работе, доказал важность нравственного и правового воспитания обучаемых начального профессионального образования, которое потом было растворено в системе среднего профессионального образования [4, с. 17].

4. Авторы, обратившие внимание на особую роль правовой информированности личности в системе воспитания. Так, В. М. Боев предложил обращать внимание на уровни правовой информированности личности для организации воспитательной деятельности в целом [3, с. 22].

5. Сторонники особого внимания к правовой активности личности доказывали, что в воспитании важным является субъект правовоспитательного процесса. Личность понималась как социальная система со своими свойствами и структурой (К. А. Абульханова, С. С. Батенин, Л. П. Буев, И. В. Вагин, И. Ф. Ведин, Л. Н. Коган, С. А. Рубинштейн). С. Н. Кожевников акцентировал внимание на системе ценностей личности, которая, по его словам, и определяет активности человека в различных правоотношениях [8].

6. Сторонники т. н. прикладного подхода в понимании воспитания пытались осмыслить его суть с позиции результативности. При этом всегда акцентировалось внимание на индивидуализации в воспитании и дифференцированном подходе в его организации (труды В. В. Головченко [5], Г. А. Голубевой, О. Г. Шагиева). Ещё в советский период появились комплексные монографии Н. И. Козюбры, П. М. Рабиновича, Н. А. Буры, Е. В. Бурлая, В. П. Зенина, В. А. Котюка, В. А. Татенко, Н. А. Ткачёва. И. А. Крыгина предприняла попытку проанализировать правовую культуру и проблемы её формирования в воспитательном процессе [9]. Т. М. Почтарь удалось исследовать организацию воспитательной работы в педагогических вузах с особым акцентом на правовое воспитание, дать определения таких конструкций, как «правовое воспитание в педвузах», «правовая модель педагога». В. В. Головченко разработал критерии и показатели эффективности правового воспитания, к которым отнёс уровень правовых знаний, правовую убеждённость, социально-правовую активность. Им предложен способ измерения эффективности правового воспитания с помощью логико-математического моделирования, сущность которого зафиксирована в шестиэтапном процессе: образное представление целедостижения и уточнение формулы эффективности; квантификация цели и результата; вычленение чистого результата правового воспитания; математическое измерение; сравнение полученных результатов с предыдущими; оформление выводов для при-

нятия мер к повышению эффективности. Сформулированы и требования к показателям эффективности воспитания [5].

7. Фундаментальные труды, ставшие методологической основой юридических идей по организации воспитательной работы (труды Г. В. Мальцева, С. С. Алексеева, Л. С. Явича и др.). В 60–70-е гг. XX в. разработана методология правового воспитания, предложено понимание его функций и структуры.

Интерес к воспитательной работе, начиная с 1990-х гг. и практически до настоящего времени, несколько угас. Данная проблема, по мнению многих, не соответствовала духу современного бизнес-общества, не сулила быстрых дивидендов и не очень-то интересовала коммерсантов [18; 19]. Последствия невнимания к воспитательным отношениям оказались плачевны. Рост преступности, безразличия, а порой и криминальных поступков, пренебрежения к окружающим и близким людям породил качественные изменения характеристик самого человека. В начале 2021 г., по статистическим данным, количество лиц, подпадающих под определение «невоспитанный», увеличилось. Проводимые исследования основывались на отношении человека к пожилым людям, окружающей природе, проявляемых чувствах любви к Родине, детям и т. д. [21; 24]. Оказалось, что лишь несколько российских городов способны похвастаться относительно стабильной системой воспитания местного населения (Краснодар, Сургут, Тюмень), которая, однако, тоже далека от идеала. Все остальные города, участвующие в исследовании (более 1000), явно не дотянули даже до пороговых критериев воспитанности¹.

Новые цифровые отношения, проникновение искусственного интеллекта и проблемы нравственности стали толчком к тому, чтобы по-новому осмыслить важность воспитательной работы. Однако стало очевидным и другое. Многие социальные регуляторы, исключая правовые, не всегда эффективны в решении воспита-

тельных задач. Традиции, обычаи, моральные нормы стали давать некоторые сбои в части эффективного воздействия на поведение человека. И это тоже последствия полного пренебрежения воспитанием.

Некоторые представления о воспитании за рубежом

Воспитательная деятельность во многих государствах мира выступает как важная функция государства. К настоящему времени совершенно очевидна необходимость развития самостоятельной правовоспитательной функции любого демократического современного государства. Однако любой политический режим предполагает внимательное отношение к воспитанию и регулирование воспитательных отношений. Например, в Китае ещё в 2013 г. на Всекитайском собрании народных представителей был поднят вопрос о т. н. патриотической идее в форме китайской мечты. Причём председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин обратил внимание на «национальный дух китайцев» и «дух эпохи», который должен учитываться в воспитании молодого поколения. В 2015 г. в нормативных правовых актах Китая закрепились важные задачи воспитания у всего населения патриотизма, который нашёл выражение в формуле «любви китайцев к своей стране, Коммунистической партии и социализму». Министр образования Китая заявил о том, что нельзя допустить проникновение западных ценностей в образование, в школы страны². В циркулярах от Министерства образования ценности Запада стали определяться в качестве угрозы национальной безопасности государства. Воспитание стало одним из приоритетов государственной политики.

Несмотря на противоборство в понимании сути воспитания, американцы также стали более внимательно относиться к указанной теме. В этом столетии особый

¹ Названы самые «невоспитанные» города России // Daily Storm : [сайт]. URL: <https://dailystorm.ru/news/nazvany-samy-nevosпитанные-goroda-rossii> (дата обращения: 08.08.2021).

² Чему дочь Си Цзиньпина научилась в Соединенных Штатах // Lenta : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/04/14/mingze> (дата обращения: 08.08.2021).

всплеск интереса к теме воспитания начался в 2008 г. в связи с очередными президентскими выборами: с этого момента очевиден поворот к ценностям американской национальной идентичности, которые легли в основу воспитательной деятельности образовательных организаций.

В Японии в 2003 г. на уровне подзаконных актов закрепляется необходимость проводить оценку степени патриотичности детей с 11 лет. Учителям школ стало вменяться быть патриотами, передавать детям подобные чувства в процессе воспитания. В качестве одного из средств воспитания было рекомендовано совместное пение государственного гимна. Однако такие методы не были поддержаны многими педагогами. На весь мир стал известен инцидент с увольнением преподавателей в 2006 г.¹, отказавшихся выполнять такие правила. Спустя 6 лет Верховный суд отметил, что поведение учителей не противоречит Конституции Японии и не может стать основанием для увольнения. Все указанные примеры доказывают развивающееся внимание в мире к вопросам воспитательных отношений.

Воспитание как юридическая категория. Особенности воспитательных правоотношений

С педагогической точки зрения по содержанию выделяют следующие направления воспитательного воздействия: трудовое, эстетическое, нравственное, правовое, экологическое, патриотическое, семейное, коррекционное, религиозное и прочие виды. В любом случае, это всегда целенаправленная деятельность, исходящая от человека к другому человеку или группе людей. Именно человек становится субъектом возникающих общественных отношений, которые подвергаются правовому регулированию.

Воспитание как юридическая категория определена в федеральном законе нашей страны как деятельность, которая направле-

на на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся. При этом законодатель подчёркивает важность социокультурных и духовно-нравственных ценностей, а также принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства. Заметим, что на первом месте стоят именно интересы человека.

Рассмотрим ценностные установки воспитания, которые становятся содержанием воспитательных правоотношений, на примере патриотического воспитания. Важной ценностью патриотического воспитания граждан России является формирование чувства любви к своей Родине, стране, готовности её защитить и противостоять любым посягательствам на её суверенитет и целостность. В этой связи очевиден следующий набор ценностей, нравственных качеств, которые могут стать характерными особенностями личности: целостность России как суверенного государства, лидерство и укрепление российского государства; любовь к малой родине; уважение к памятникам и историческим символам страны; бережное отношение к родной природе; уважением к памяти и героической истории страны; уважение к российской культуре; гражданская активность в части защиты страны.

Формализованная в законе дефиниция подчёркивает необходимость закрепления у обучающихся чувств патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества, закону, правопорядку, человеку труда и старшему поколению, бережного отношения к культурному наследию, традициям народа, природе, окружающей среде.

С юридической точки зрения воспитательные отношения имеют структуру. Поэтому их вполне возможно определить как разновидность правоотношений, т. е. отношений, подвергнутых правовому регулированию. Их объектом выступает человек или его объединения в виде группы людей, но не юридическое лицо. Субъектом является сам воспитатель, роль которого могут выполнять как физические лица (в т. ч. уполномоченные на

¹ Поддубняк С. Патриотическое воспитание: зарубежный опыт // Лига.Блоги : [сайт]. URL: <http://blog.liga.net/user/spoddubnyak/article/14719.aspx> (дата обращения: 08.08.2021).

проведение воспитательных мероприятий и/или воспитательного воздействия), так и конкретные органы государства. Содержанием воспитательных отношений выступает совокупность прав и обязанностей участников воспитательных отношений, которые находят своё отражение в источниках права. Основой содержания являются ценности, признаваемые обществом.

Законодателем сформулированы общие требования к организации воспитания обучающихся, дана чёткая установка на то, что должно быть включено в образовательную программу, которая реализуется в образовательной организации и нацелена на решение образовательных задач. Речь идёт об обязательном наличии рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы. Такие локальные нормативные документы должны самостоятельно разрабатываться в организации. Однако в ст. 12.1 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹ зафиксировано, что в разработке рабочих программ воспитания и календарных планов воспитательной работы имеют право принимать участие советы обучающихся, советы родителей, представительные органы обучающихся (при их наличии).

Нормы закона устанавливают, что «Воспитание обучающихся при освоении ими основных общеобразовательных программ, образовательных программ среднего профессионального образования, образовательных программ высшего образования (программ бакалавриата и программ специалитета) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, осуществляется на основе включаемых в такие образовательные программы рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы»². Таким образом, нормы закона не распространяются на магистрантов, аспи-

рантов и докторантов образовательной организации.

Воспитание как юридическая категория предполагает процесс изменения прежде всего правового сознания и правовой культуры личности под воздействием специально разработанных и используемых механизмов.

В основе современного дефинирования воспитательных отношений должен быть ценностный (аксиологический) подход. Он исходит из определения базовых ценностей, на основе которых устанавливаются цели, определяются некие проблемы как препятствия к достижению целевых ориентиров, находятся адекватные средства к решению указанных целей и затем достигается результат. Таким образом, государственная политика воспитания реализуется по чётко заданной, своего рода, алгоритмированной схеме:

Ценности – Цели – Определение предмета управления – Определение субъектов реализации разработанной концепции – Определение имеющихся ресурсов – Определение субъектов реализации концепции – Перечень проблем – Задачи – Определение подходов решений – Определение коридора возможностей – Определение сроков реализации концепции – Определение рисков и угроз – Определение пакета действий – Деятельностный план – PR и GR – Мониторинг эффективности – Ожидаемые результаты [3].

Интегральная оценка определяется в соответствии с высшей ценностью политики воспитания – воспитанностью российского населения. Воспитание должно проводиться с учётом возрастных, социальных, национальных, религиозных, психологических и физиологических особенностей воспитуемых, что требует юридического закрепления. Такой учёт предостерегает от тоталитарных форм идеологии и позволяет использовать индивидуально-ориентированные механизмы воспитательной деятельности. В этом смысле воспитание, например, патриота предполагает, что сам патриот объединяет, а не разъединяет общество.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2021).

² Там же.

Организация воспитательной работы в высшей школе с позиции закона

Закон определяет самостоятельность каждой образовательной организации в части организации воспитательной работы. Методологической основой такой работы являются хорошо известные и зарекомендовавшие себя подходы: аксиологический, системно-деятельностный, культурологический, проблемно-функциональный, проектный, ресурсный, информационный, здоровьесберегающий. При постановке цели воспитания организация использует такие критерии, как конкретность (цель должна быть понятна субъектам и измеряема), достижимость (для каждой цели должны быть ресурсы, грамотная стратегия достижения), контролируемость (наличие обратной связи о результативности воспитательного процесса). Практика показала, что в государстве организация воспитательной работы должна носить исключительно целевой характер. Различные социально-демографические группы населения нуждаются в разных подходах. Парадоксально, но до на-

стоящего времени студенческая молодежь не выделялась как специфическая группа населения страны, для которой необходимы отличные от других средства воспитательной, в т. ч. правовоспитательной деятельности. Вот почему в 2020 г. появилась специальная Программа патриотического воспитания студенческой молодежи, к разработке которой приступило Министерство науки и высшего образования РФ, а не просто патриотического воспитания, в которой всегда доминировали школьники. Приоритетными направлениями воспитания могут быть такие виды, как гражданское, духовно-нравственное, патриотическое, культурно-просветительское, научно-образовательное, профессионально-трудовое, экологическое, физическое. Новая программа воспитания должна носить чётко целевой характер.

С учётом сказанного в некоторых регионах страны (например, в Московской области) уже сегодня выстраивается собственная модель патриотического воспитания, а также определяются критерии её результативности (рис. 1–2).

Рис 1 / Fig. 1. Календарь патриота / Patriot Calendar

Источник: составлено автором.

Рис. 2 / Fig. 2. Показатели эффективности патриотического воспитания / Indicators of the effectiveness of patriotic education.

Источник: составлено автором.

Заключение

Традиционно считалось, что одной из функций права всегда выступала наряду с оценочной, охранительной, регулятивной и иными функциями воспитательная. И этот аспект весьма важен для обеспечения правового регулирования воспитательных отношений. Право воздействует на свой объект с целью упорядочения отношений, защиты принципов справедливости и предотвращения опасностей для человека и его объединений. Но оно и изменяет правовое сознание и поведение субъектов, оказавшихся в его сфере.

Воспитательные отношения следует признать самостоятельным видом правовых отношений. Они попадают в поле интересов права в силу своей важности для современного человека. Воспитательные отношения, регулируемые законом, носят особенный характер. Их следует рассматривать как разновидность правоотношений, носящих комплексный характер. Критерием результативности воспитательных воздействий служит уровень правового сознания (логико-нормативного блока, эмоционально-образного, мотивацион-

ного) и правового поведения личности (а именно, наличие правомерного социально-активного поведения). Они выстраиваются с учётом организационно-правовых мероприятий, находящихся под контролем государства, основанных на определённой концепции. В реализации воспитательной концепции современной студенческой молодёжи должны быть диалоговые, субъект-субъектные формы, параллельное воспитание (студент воспитывает студента). Воспитательные отношения должны носить индивидуализированный характер, быть гибкими и выстраиваться в зависимости от задач, возникающих в рамках траекторий воспитательных маршрутов.

Новая система воспитания должна быть адаптивна к современному социальному типу молодёжи. В содержании воспитательной деятельности необходимы мероприятия, продиктованные, в т. ч. и вызовами информационного конфликта между Россией и рядом стран западного общества. Юридический анализ нормативных правовых актов показывает недостаточное внимание к воспитательным отношениям, участником которых выступает

студенческая молодёжь. Распоряжением Правительства РФ № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»¹ акцентировано внимание на детях (закон называет этим понятием лиц, не достигших 18 лет). Между тем молодёжь в вузах не рассматривается в качестве приоритетной целевой аудитории воспитания. Таким образом, требуются закрепление указанных выше позиций² и внесение изменений в такие нормативные документы как: Стратегия развития вос-

питания в Российской Федерации; Основы государственной культурной политики; федеральный закон «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию»; федеральный закон «О рекламе». Требуется и создание отдельных федеральных законов, в частности, федеральных законов «О воспитании», «О защите национальной культуры России», «О патриотизме».

Статья поступила в редакцию 12.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М.: Наука, 1988. 145 с.
2. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
3. Боев В. М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 199 с.
4. Головин С. Н. Правовое образование и воспитание учащихся учреждений начального профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 198 с.
5. Головченко В. В. Теоретические вопросы эффективности правового воспитания : дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1982. 196 с.
6. Давыдов Г. П. Основы правового воспитания учащихся общеобразовательной школы : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1984. 435 с.
7. Демченко Т. И. Основные вопросы правового воспитания в социалистическом обществе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 179 с.
8. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности и условия ее действенности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 376 с.
9. Крыгина И. А. Правовая культура, правовое воспитание и управление правовоспитательным процессом в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 234 с.
10. Методика правового воспитания учащихся / под ред. А. В. Мицкевича, В. М. Обухова. М.: Просвещение, 1982. 223 с.
11. Морозов С. Юридический всеобуч: проблемы и перспективы // Советская юстиция. 1990. № 6. С. 39–45.
12. Певцова Е. А., Соколов Н. Я., Певцова Н. С. Мотивация юридической деятельности в условиях электронного государства: российский и зарубежный опыт // Политика, экономика и право в социальной системе общества: новые вызовы и перспективы : сборник трудов. 2016. С. 155–158.
13. Певцова Е. А., Цибульников В. Е., Николаев М. В., Зинченко А. С. Управление системой воспитательной работы в образовательной организации высшего образования. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 208 с.
14. Певцова Н. С. О новых подходах к процессу формирования высших органов законодательной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 32–36.
15. Певцова Н. С. Эволюция научных взглядов на юридическую технику: вопросы теории и практики // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных / под общ. ред. Е. А. Певцовой : сборник трудов. 2016. С. 77–81.
16. Певцова Е. А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодёжи (теоретико-правовые аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 452 с.
17. Семенов В. Е. Правовое воспитание молодёжи: историко-теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 195 с.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 2015. 08 июня.

² Распоряжение Правительства РФ от 12.11.2020 № 2945-Р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2021).

18. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 272 с.
19. Соколов Н. Я. Организация правовой пропаганды. М.: Юридическая литература, 1974. 197 с.
20. Столяренко А. М. Юридическая педагогика в системе МВД: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 279 с.
21. Сухарев А. Я. Правовое воспитание трудящихся в развитом социалистическом обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 21 с.
22. Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. М., 2000. 135 с.
23. Тагиев А. С. Социальные функции юридического всеобуча : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 201 с.
24. Тищенко В. В. Теоретические проблемы правового воспитания в развитом социалистическом обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. 321 с.
25. Gordon B. S. P., Ginsburgs M. G. Soviet and East European Law and the Scientific-Technical Revolution. NY, Oxford: Pergamon Press, 1981. 337 p.
26. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence Of Migration Processes In Europe On Law And Legal Culture Of Information Society // E3s Web Of Conferences. 8. Innovative Technologies in Science and Education. 2020. Vol. 210. P. 1–10.

REFERENCES

1. Agranovskaya E. V. *Pravovaya kultura i obespechenie prav lichnosti* [Legal culture and ensuring personal rights]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 145 p.
2. Bagdasaryan V. E. *Rossiiskoe obrazovanie: vybor puti* [Russian education: the choice of the path]. Moscow, Otchii dom Publ., 2019. 336 p.
3. Boer V. M. *Pravovaya informirovannost i formirovanie pravovoi kultury lichnosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal awareness and the formation of the legal culture of the individual : Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. St. Petersburg, 1993. 199 p.
4. Golovin S. N. *Pravovoe obrazovanie i vospitanie uchaschikhsya uchrezhdenii nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya: dis. ... kand. ped. nauk* [Legal education and upbringing of students of primary vocational education institutions : Cand. Sci. thesis in Pedagogic sciences]. Moscow, 2001. 198 p.
5. Golovchenko V. V. *Teoreticheskie voprosy effektivnosti pravovogo vospitaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical issues of the effectiveness of legal education : Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Kiev, 1982. 196 p.
6. Davydov G. P. *Osnovy pravovogo vospitaniya uchaschikhsya obshcheobrazovatelnoi shkoly: dis. ... dok. ped. nauk* [Fundamentals of legal education of secondary school students : Dr. Sci. thesis in Pedagogy]. Moscow, 1984. 435 p.
7. Demchenko T. I. *Osnovnye voprosy pravovogo vospitaniya v sotsialisticheskom obshchestve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Basic questions of legal education in a socialist society : Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1971. 179 p.
8. Kozhevnikov S. N. *Sotsialno-pravovaya aktivnost lichnosti i usloviya ee deistvennosti: dis. ... dok. yurid. nauk* [Social and legal activity of the individual and the conditions for its effectiveness : Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1991. 376 p.
9. Krygina I. A. *Pravovaya kultura, pravovoe vospitanie i upravlenie pravovospitatelnym protsessom v sovremenom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal culture, legal education and management of the legal educational process in modern Russian society : Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Rostov-on-don, 1999. 234 p.
10. Mitskevich A. V., Obukhova V. M., eds. *Metodika pravovogo vospitaniya uchaschikhsya* [Methodology of legal education of students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 223 p.
11. Morozov S. [Legal general education: problems and prospects]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 1990, no. 6, pp. 39–45.
12. Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya., Pevtsova N. S. [Motivation of legal activities in the context of e-government: Russian and foreign experience]. In: *Politika, ekonomika i pravo v sotsialnoi sisteme obshchestva: novye vyzovy i perspektivy* [Politics, economics and law in the social system of society: new challenges and prospects], 2016, pp. 155–158.
13. Pevtsova E. A., TSibulnikova V. E., Nikolaev M. V., Zinchenko A. S. *Upravlenie sistemoi vospitatelnoi raboty v obrazovatelnoi organizatsii vysshego obrazovaniya* [Management of the system of educational work in the educational organization of higher education]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2021. 208 p.
14. Pevtsova N. S. [On new approaches to the process of forming the supreme legislative bodies of Russia]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2018, no. 8, pp. 32–36.

15. Pevtsova N. S. [Evolution of scientific views on legal technology: issues of theory and practice]. In: Pevtsova E. A., ed. *Aktualnye voprosy nauchnoi i nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti molodykh uchenykh* [Topical issues of scientific and scientific-pedagogical activities of young scientists]. 2016, pp. 77–81.
16. Pevtsova E. A. *Problemy formirovaniya pravovogo soznaniya uchashcheysya molodezhi (teoretiko-pravovye aspekty): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of the formation of the legal consciousness of student youth (theoretical and legal aspects): Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2006. 452 p.
17. Semenov V. E. *Pravovoe vospitanie molodezhi: istoriko-teoreticheskii aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal education of youth: historical and theoretical aspect: Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Stavropol, 2001. 195 p.
18. Semitko A. P. *Razvitie pravovoi kultury kak pravovoi progress (problemy teorii i metodologii) : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Development of legal culture as legal progress (problems of theory and methodology) : Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Ekaterinburg, 1996. 272 p.
19. Sokolov N. Ya. *Organizatsiya pravovoi propagandy* [Organization of legal propaganda]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 197 p.
20. Stolyarenko A. M. *Yuridicheskaya pedagogika v sisteme MVD : dis. ... d-ra. ped. nauk* [Legal pedagogy in the system of the Ministry of Internal Affairs : Dr. Sci. thesis in Pedagogy]. Moscow, 1999. 279 p.
21. Sukharev A. Ya. *Pravovoe vospitanie trudyashchikhsya v razvitom sotsialisticheskom obshchestve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal education of workers in a developed socialist society : abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1978. 21 p.
22. Syrykh V. M. *Obrazovatel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava* [Educational law as a branch of Russian law]. Moscow, 2000. 135 p.
23. Tagiev A. S. *Sotsialnye funktsii yuridicheskogo vseobucha : dis. ... kand. yurid. nauk* [Social functions of legal universal education: Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1991. 201 p.
24. Tishenko V. V. *Teoreticheskie problemy pravovogo vospitaniya v razvitom sotsialisticheskom obshchestve : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical problems of legal education in a developed socialist society: Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 1982. 321 p.
25. Gordon B. S. P., Ginsburgs M. G. . *Soviet and East European Law and the Scientific-Technical Revolution*. New York, Oxford, Pergamon Press, 1981. 337 p.
26. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence Of Migration Processes In Europe On Law And Legal Culture Of Information Society. In: *E3s Web Of Conferences. 8. Innovative Technologies in Science and Education*, 2020, vol. 210, pp. 1–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, ректор Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., Rector, Moscow Region State University;
e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Е. А. Воспитательные отношения как объект правового регулирования в современном мире (теоретико-правовой взгляд) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 26–38.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-26-38

FOR CITATION

Pevtsova E. A. Nurturant Relations as an Object of Legal Regulation in the Modern World (Theoretical and Legal View). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 26–38.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-26-38

УДК 340.12

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НА ПУТИ К «ЦИФРОВОМУ КЕМБРИЙСКОМУ ВЗРЫВУ»

Шидловский А. В.¹, Задорин М. Ю.²

¹Эксперт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, международный наблюдатель на выборах от России

г. Москва, Российская Федерация

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

163000, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 58, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Логическая постановка проблемы правопонимания искусственного разума и возникающих правоотношений между биологическим разумом и небиологическим на ранней стадии развития искусственного интеллекта, способная претендовать на роль конвенциональной юридической теории и дать удовлетворительное объяснение тем или иным общественным и юридическим отношениям, исходя из их природы.

Процедура и методы. При работе над статьёй авторами был исследован большой объём научной и юридической литературы, насчитывающий около 70 источников, некоторые из которых малоизвестны российскому научному сообществу либо только вводятся в научный оборот. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных юридических методов, в частности, системный метод, анализ, синтез, обобщение и прогнозирование. Был использован также формально-юридический метод для цели анализа нормативно-правовых актов, компаративистский подход – при анализе зарубежных и российских источников. Историко-правовой метод позволил рассмотреть зарождение, становление и развитие естественного и позитивного права в хронологической последовательности с учётом современных технологических особенностей.

Результаты. В ходе исследования: 1) сделана осторожная попытка посредством теоретических построений описать генезис философского (естественного) права в виде закономерного процесса от онтологического начала в аксиологическое; 2) последовательно собраны и проанализированы различные существующие научно-философские и религиозно-философские подходы к естественному праву, категориям добра и зла как онтологическим и аксиологическим началам права; 3) предложены ответы на основные вопросы философии права; 4) сформулирована абстрактная юридическая конструкция в виде пирамиды способностей, позволяющей дать удовлетворительный ответ на вопрос о закономерностях естественно-правовых процессов и описать их возможные траектории в будущем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научная новизна работы заключается в предвосхищении регулирования правоотношений, связанных с появлением искусственного интеллекта и персонализированных ценностных категорий у последнего, отличных от человеческих. Результаты работы могут быть использованы в рамках преподавания таких дисциплин, как «Философия» и «Философия права».

Ключевые слова: философия права, естественное право, теория права, онтология права, аксиология права, этика права, искусственный интеллект

NATURAL LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: TOWARDS A «DIGITAL CAMBRIAN EXPLOSION»

A. Sztydlowski¹, M. Zadorin²

¹ *International Electoral Expert of the OSCE*

Moscow, Russian Federation

² *Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov*

58 Lomonosov prosp., Arkhangelsk 163000, Russian Federation

Abstract

Aim. To logically formulate the problem of legal thinking of artificial intelligence and the emerging legal relationship between biological and non-biological intelligence at an early stage of artificial intelligence development, capable of claiming the role of conventional legal theory and providing a satisfactory explanation of one or another social and legal relationship based on their nature.

Methodology. When working on the article, the authors studied a large volume of scientific and legal literature, numbering about 70 sources, some of which were little known to the Russian scientific community or were first introduced into scientific circulation. The methodological basis of the study is a complex of general scientific and special legal methods, in particular, the systemic method, analysis, synthesis, generalization and forecasting. Besides, a formal legal method was used for the purpose of analyzing regulatory legal acts, as well as a comparative approach when analyzing foreign and Russian sources. The historical and legal method made it possible to consider the origin, formation and development of natural and positive law in chronological sequence, taking into account modern technological features.

Results. In the course of the research: 1) a careful attempt was made to describe the genesis of philosophical (natural) law through theoretical constructions in the form of a natural process from the ontological principle to the axiological one; 2) consistently collected and analyzed various existing scientific-philosophical and religious-philosophical approaches to natural law, categories of good and evil, as ontological and axiological principles of law; 3) offered answers to the main questions of the philosophy of law; 4) an abstract legal structure is formulated in the form of a pyramid of abilities, which makes it possible to give a satisfactory answer to the question about the laws of natural law processes and describe their possible trajectories in the future.

Research implications. The scientific novelty of the work lies in anticipating the regulation of legal relations associated with the emergence of artificial intelligence and personified value categories in the latter, which are different from human ones. The results of the work can be used in teaching such disciplines as «Philosophy» and «Philosophy of Law».

Keywords: philosophy of law, natural law, theory of law, ontology of law, axiology of law, ethics of law, artificial intelligence

Введение

Целью настоящей работы является введение с помощью логических гипотез предложений, способных в результате широкой общественной дискуссии и их доработки научной общественностью выступить в роли конвенциональной юридической теории, которая может не только дать понятное объяснение тем или иным общественным и правовым

отношениям, но и выявить природу этих отношений, их взаимное влияние и характер развития на современном этапе существования цивилизации, а также стать философским основанием для прогнозирования направлений эволюции права, для разработки методов выявления вектора такого развития, его философско-правового надзора и контроля.

Естественное право и эволюция правовой мысли

Как отмечал ещё 50 лет назад прозорливый мыслитель от юриспруденции, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. А. Туманов, «правовая мысль фактически уже исчерпала все резервы дальнейшего углубления исследований отдельных и взятых изолированно сторон и аспектов правовой надстройки, на которых акцентировали своё внимание, в частности, юридический позитивизм и теория естественного права. Этот «гносеологический тупик» объективно препятствует возникновению принципиально новых направлений правовой мысли»¹. К. Поппер, в свою очередь, предлагал использовать для разрешения этого тупика «ныне совершенно немодный исторический метод»², а также любой иной метод поиска истины, поскольку «нет метода, специфичного только для философии»³. Отождествляя рациональную установку с критической, он приходит к выводу, что только «рациональная дискуссия» способна выступить формой, в рамках которой философскую проблему вообще можно обсуждать.

Анализ современных естественно-правовых концепций и естественно-правовой мысли в целом позволяет определить эпистемологическую (гносеологическую) проблему права как непрерывный последовательный набор проблем, представленный временным вектором, направленным от онтологических проблем естественного права к аксиологическим, который проходит через эйдетическое право феноменологической школы – от права инстинкта к праву цели [3, с. 407–411].

Прежде чем приступать к исследованию, необходимо выяснить, в русле логики К. Поппера, «что же думали и говорили по поводу рассматриваемой проблемы другие люди, почему они с ней столкнулись, как формулировали её, как пытались её

решишь»⁴. Выдающийся польский теоретик философии права Е. Врублевски в своей фундаментальной работе так определяет проблему познания: «Отношения между теорией права и философией можно рассматривать как со стороны философии, так и со стороны теории права»⁵, – констатируя отсутствие единого подхода к теоретико-познавательным императивам правопонимания. Он отмечает, что существующие философско-правовые системы как связующее звено между философией и правом не определяют самого «естественно-правового метода» [12], что, в сущности, повторяет мысль К. Поппера.

Одной из проблем также является необходимость различения права и закона. Данную проблему попытались разрешить О. Хофф⁶ и В. Нерсесянц⁷ через категорию «справедливости». По Нерсесянцу, право есть естественная движущая сила (от лат. *factor* – «делающий, производящий» – причина, движущая сила какого-либо процесса либо феномена) человеческих отношений. Ф. Энгельс, в свою очередь, также раскрывал сущность естественного права через категорию «справедливости», но исключительно как отражение существующих экономических отношений с точки зрения консервативного или революционного класса⁸.

Вместе с тем, логика исследования требует предварительной экспликации если не всех, то основных проблем современной философии естественного права. Авторы выделяют следующие дискуссионные вопросы: совокупность онтологических проблем права, проблема челове-

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Wróblewski J. Filozoficzne problemy teorii prawa (Rozważania metodologiczne). Państwo i Prawo. 1974. P. 7.

⁶ Höffe O. Naturrecht, ohne naturalistischen Fehlschluss Ein rechtsphilosophisches Programm (Klagenfurter Beiträge zur Philosophie). Verlag des Verbandes der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1980. 52 p.; Höffe O. Political Justice: Foundations for a Critical Philosophy of Law and the State. John Wiley & Sons, 2015. 368 p.

⁷ Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 273.

¹ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.

² Поппер К. Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. С. 36.

³ Там же. С. 35.

ческого достоинства в связи с комплексом современных проблем (А. Ауэр), проблема человеческого достоинства как проблема формирования разумного порядка человеческих отношений (В. Майхофер), проблема юридической практики (Й. Месснер), практические проблемы правового регулирования (В. Туманов), из которых следуют проблемы зависимости должного от сущего, проблема структуры проблем права (Х. Домбуа), проблема познания права (Р. Штаммлер), проблема рационального познания естественного права (Г. Гегель, Г. Кельзен), проблема способа и метода познания (эпистемологические проблемы естественного права) (Ф. А. Хейдт, Х. Хубман), проблема методологии (О. Хефф), проблемы философии, вызывающие проблемы в правопонимании (М. Хайдеггер), проблема экзистенциальной философии права (М. Мюллер, К. Ясперс), из которой вытекает проблема различения акта естественного права и произвола (Х. Ортега-и-Гассет, Л. Легас-и-Лакамбра, Л. Рекасенс Сигес), проблема поиска (отыскания) права (В. Дильтей¹), проблема герменевтического круга (П. Рикер), проблема неодинакового восприятия текста людьми (В. Хассемер), биологические проблемы права (Э. Уилсон), проблема «научности» познания естественного права (Р. Марчич), проблема гилеморфизма (А. Кауфман), проблема абсолютных ценностей (аксиологическая проблема) (Х. Хубман), порождающая проблему общезначимости истинности (А. Кауфман, Р. Веймар), проблема ценностного релятивизма (И. Ильин², Б. Чичерин, Н. Бердяев³), проблема историчности (схоласты, неокантианцы, Х. Лломпарт⁴).

К упомянутым проблемам добавляются «будущие» проблемы: проблема естественного права небиологических разумных лиц (искусственного интеллекта – цифровых лиц) (Папа Римский Франциск), проблема избыточности права и проблема передачи (трансляции) права в условиях технологической сингулярности (К. Шеннон, А. Шидловский [4, с. 94–95], Г. Мур, К. Саган).

Центральное место в теологических концепциях понимания естественного права занимает Августин Блаженный⁵, сформулировавший понятие «вечного закона» как универсального проекта мироздания Бога. Отсюда выводится интерпретация теологических концепций – как понимание естественного права в русле объективного трансцендентного идеализма на основе религиозной веры. Много позже А. Ауэр, возвращаясь к той идее, что даже в эпоху технического прогресса человек – это «образ и подобие Божье» [6], предлагает своё рационалистически-дедуктивное обоснование естественного права, стремясь доказать, что его теоретическая конструкция может существовать вне догматов религии. В. Майхофер в своих работах⁶, ссылаясь на тезисы экзистенциалистов, тем не менее, отходит от их воззрений и склоняется скорее к неокантианству. Целью права как мерила социального порядка, по Й. Месснеру, являются задачи, встроенные в саму природу человека Богом, т. е. смыслом существования человека он называет инстинкты, реализуемые в виде биологических, социальных, культурных потребностей⁷. По мнению В. Туманова, естественное право представляет собой оценочную субъективистскую категорию в отношении закона или судебно-административного решения, ориентированную на выявление в действующем праве метафизического или трансцендентного начала, на концептуальное соединение права и

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе (фрагменты) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 108–135.

² Ильин А. И. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 20–23.

³ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра: О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Путь. 1926. № 4. С. 103–116.

⁴ Llompart J. Die Geschichtlichkeit der Rechtsprinzipien: Zu Einem Neuen Rechtsverständnis. Juristische Abhandlungen. Frankfurt am Main. 1976. 228 p.

⁵ Блаженный А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетея, 1998. 742 с.

⁶ Maihofer W. Die natur der Sache // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1958. Vol. 44. № 2. P. 145–174.

⁷ Messner J. Zur Naturrechtsanthropologie // Dimensionen des Rechts.: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von M. Fischer u. a., Berlin. 1974. P. 207–224.

морали¹. Положения веры, как рационалистической, так и религиозной, по утверждению Х. Домбуа, являются источником естественного права, т. к. рационализм есть разновидность магии. Структура проблем права, по его мнению, совпадает со структурой теологии откровения, а значит, эти проблемы не могут быть разрешены философско-онтологическим путём². «Естественное право» Р. Штаммлера – это система норм, действительных в соответствующей исторической ситуации, априорное порождение разума, обладающее формальными признаками, социальное содержание которого наполняется трансцендентальным должным³. Всю историю развития естественного права, по Г. Гегелю, можно свести к понятию свободы, а точнее, «прогрессу свободы», которой ставит вопрос о диалектике свободы и необходимости, т. е. о неизбежном дуалистичном соотношении необходимости и свободы⁴. Г. Кельзен вообще определяет естественное право как санкционированную власть основной нормы и гипотетическое основание формально-логической действительности иерархической системы норм⁵. Гилеморфизм Ф. А. Хейдта устанавливает норму в виде правовой формы – как некую абстракцию справедливого упорядочения социальной материи, что, однако, не наделяет её сущностью права, даже если естественное право усматривается в законе⁶. Иррациональное синтезирование объективных правовых ценностей, представляющих, в свою очередь, основания естественного права, трактуется Х. Хубманом как иррациональный источник естественного права, ибо сами

по себе объективные правовые ценности ещё не представляют собой естественного права⁷. По мнению О. Хеффа, неокантианцы рассматривают «сущее» как «реализованное должное», а центральная идея зиждется на противопоставлении сущего и должного – через проблематику методологического подхода. Рассматривая идеи позитивизма, он отмечает, что последний понятийно разграничивает право и мораль и может одновременно осуждать норму морально, но при этом признавать её обязательность, что прямо противоречит аксиоме естественного права «не всякий закон право»⁸. Хотя сам М. Хайдеггер специально не занимался юридической проблематикой и не оставил специального учения о государстве и праве, как и его коллеги по экзистенциалистскому подходу к праву (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Г. Г. Гадамер, П. Рикер, М. Мюллер), идеи его положили начало философско-правовым концепциям экзистенциалистского профиля. В этих концепциях бытиём наделяется сознание, обладающее первичными, дорефлексивными, доопытными структурами, являющимися источником справедливости либо экзистенциального должного. Естественным правом в его истинном понимании предстаёт проекция структур сознания на социальные отношения⁹. М. Мюллер, К. Коссио, Л. Легаси-Лакамбра, Л. Рекасенс Сичес и др., в свою очередь, наделяют указанные структуры сознания самоосознанием свободы как цели (набора идей), переживаемой как должное, как субъективная мораль, проекция которой в виде доступного нормативно-правового регулирования человеческих отношений и порождает естественное право. Концепция онтологической структуры права, разработанная А. Кауфманом, представляет собой одно

¹ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: Критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.

² Dombois H. Das Problem des Naturrechts // *Naturrecht oder Rechtspositivismus* / Herausgegeben von W. Maihofer. 1962.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1908. 144 с.

⁴ Гегель Г. Наука логики. Т. III. Litres, 2017. С. 292–293.

⁵ Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алет-Пресс, 2015. 542 с.

⁶ Heydte F. A. Seinsbegriff und Naturrecht bei Thomas von Aquin und F. Suárez. Geburtstag: Innsbruck, 1961.

⁷ Hubmann H. Das persönlichkeitsrecht. Böhlau, 1967. 245 p.

⁸ Höffe O. Das Naturrecht angesichts der Herausforderung durch den Rechtspositivismus // *Das Naturrechtsdenken heute und morgen. Gedächtnisschrift für René Marcić*. Berlin, 1983.

⁹ Luijpen W. A. Phenomenology of Natural Law. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1967. 249 p.

из толкований принципа гилеморфизма. По А. Кауфману, «сущность права – это имплицитное присутствие в позитивной норме естественно правовой справедливости, производной от бытия, а существование права в норме – это лишь возможность реализации естественно правовой сущности»¹. Юридическая герменевтика является лишь критерием понимания всеобщей формы человеческого бытия, а понимание нормативного текста опосредует прогнозирование смысла, о чём указывает в своих работах В. Хассемер². Современное социобиологическое правопонимание, по Э. Вилсону [18], предполагает наличие имплицитной нормы в человеке в виде генетической предрасположенности. Внутренний императив обуславливает наличие ценностей и правового чувства. Р. Веймар отмечает, что естественное право предшествует закону как воле государства и конкретизируется во всей полноте, т. е. приобретает свою экзистенцию в решении судьи. Именно в процессе формулирования решения судья натывается на право второго уровня, и именно в этот момент приоритет позитивного права сменяется правом естественным³. Х. Лломпарт в своей естественно-правовой концепции логически разделяет естественно правовые и неестественно правовые точки зрения. Он выводит постулат естественного права – «не всё позитивное право есть значимое право», тем самым разрушая позитивистскую аксиому «*dura lex, sed lex*», даже если формально он корректен⁴.

Завершая общий обзор, можно предположить, что к анализу всех рассмотренных учений и проблем философии права мож-

но применить методы точных наук – математики и физики – и вписать в трёхмерную (либо иную многомерную) систему координат с ортогональными векторами (координатными осями). Каждая точка такого многомерного правового пространства будет описываться набором как минимум из трёх величин – координат, а сами координатные оси будут представлять собой минимум три однородные измерения – «неизменность–историчность» (бытийность), «абсолютность–релятивность» (изменчивость) и «онтологичность–аксиологичность» (имманентность). Моделирование правового пространства, в частности, с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных *SPSS Statistics* позволяет бесконечно увеличивать количество степеней свободы, к примеру, увеличить до 5 количество концепций естественного права: «бытия трансцендентных идей», «объективного бытия идеи», «социального бытия априорного должного», «бытия сознания» и «иррационалистических начал природы человека»; однако такое увеличение не является особо значимым.

Построение же геометрической модели правового мира позволяет нам попытаться с благоразумной осмотрительностью выдвинуть удовлетворительную гипотезу о развитии философско-правовых систем и права в целом. В частности, полученное абстрактное геометрическое древо правового пространства позволяет предположить гипотетическую точку возникновения права как материальной действительности в прошлом – так называемый кубит права (*quantum bit* [15] или *q-bit of law*), его разряд или наименьший элемент для хранения информации о праве. Отыскание кубита права логично опосредует первый вопрос об избыточности права, т. е. насколько избыточна информация в допозитивных, надпозитивных и позитивных нормах. И насколько возможно право «сжать». Решение этой проблемы можно условно назвать «Теоремой избыточности».

Второй вопрос является отражением первого: насколько избыточным должно

¹ Kaufmann A. Die ontologische Struktur des Rechts. Gentner, 1965. 742 p.

² Hassemer W. Juristische Hermeneutik // ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1986. Vol. 72. № 2. P. 195–212.

³ Weimar R. Grundlagen einer “Einheit” materialer Rechtsbegründung im Naturrechtsdenken und Positivismus // Naturrechtsdenken heute und morgen: Gedächtnisschrift für Rene Marcié / Hrsg. von D. Mayer-Maly; P. M. Simmons. Berlin, 1983. P. 473–495.

⁴ Llompart J. R. The Possibility of a Theory of Law beyond Legal Positivism and Jusnaturalism // Persona & Derecho. 1991.

быть содержание нормы, чтобы быть переданным без помех правоприменителю (быть защищённым от ошибок). Решение этой проблемы можно определить как «теорему помех». Очевидно, что оба вопроса касаются избыточности права – насколько, в среднем, неожиданна каждая следующая буква закона. Согласно ключевой идее К. Шеннона, приложенной к юриспруденции, удобной мерой измерения избыточности права является её энтропия. Она равна двоичному логарифму вероятности данного события, взятому с обратным знаком. Использование описанного инструментария позволяет вывести предположение о перспективах философско-правовых систем и права в целом, в т. ч. применительно к искусственному интеллекту, о чём далее пойдёт речь.

Что же касается кубита элементарного права, логика и результаты настоящего исследования закономерно приводят к Кембрийскому взрыву, зафиксировавшему новый, ранее не существовавший вид отношений, – «хищник – жертва», а ещё точнее, «хищник-каннибал – жертва». Возникновение и фиксация нового типа отношений стали не только источником бурного развития видов, существующих и поныне, но и элементарным основанием естественного права, положив начало праву как таковому – способности к самосохранению в условиях ограниченности ресурсов. Отношения «хищник – жертва» стали основой долгого периода развития прогресса, не закончившегося и по сей день. Отказ от этого типа отношений неминуемо ведёт к застою и регрессу. Иными словами, эти отношения дали животному миру скелет, все органы чувств, предопределив с неизбежностью появление высшей нервной деятельности в виде центров обработки и анализа полученной информации, что атрибутирует появление разума как необратимого и закономерного процесса, а также возникновение норм правового регулирования. По прошествии 540 млн лет даже такое изобретение человечества, как позитивное право, не привнесло ничего нового в установившийся в Кембрии

порядок правоотношений и продолжает отражать главную и, пожалуй, единственную ценность – обеспечивать неизменную объективность (естественность, т. е. справедливость) ордалий между хищниками-каннибалами и их жертвами на новом этапе общественного, интеллектуального и технологического развития.

Влияние философско-религиозной мысли на становление и развитие естественного права

Мировая философская мысль сформировала представление, что дуализм добра и зла, «двух начал» и т. п., есть категория настолько общая и абстрактная, что каждый человек может вполне самостоятельно «додумать» до неё в самые разные эпохи и в самых несхожих культурах¹. Как показывает Е. Б. Смагина, идеи дуализма добра и зла восходят ещё к гетеродоксальным иудейским традициям, перекочёывая в христианство и зороастризм, но наибольшее распространение они получили в манихействе и продолжают сохранять свою актуальность в виде идей гностицизма, введённого в научный оборот Генри Мором². Эти же учения предполагают деление мира на две чуждые категории: категорию материального мира – зла и категорию нематериального мира – добра. Дуализм указанных категорий присутствует и в зороастризмесасанидской эпохи (светлый бог Ормуз и его брат – злое божество Ариман)³, и у стоиков («в мире существует только два начала "Бог и материя"»)⁴ и т. д.

Между тем если категория добра – это категория света и разума и неотделима от последнего⁵, то категория зла – явление

¹ Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 45.

² More H. Philosophical Writings of Henry More. New York: Oxford university press, 1925.

³ Nigosian S. A. The Zoroastrian Faith: Tradition and Modern Research. McGill-Queen' University Press – MQUP, 1993. P. 11.

⁴ Сенека Л. А. О благодеяниях. М.: Эксмо-Пресс, 2020. 160 с.

⁵ Gardner I., ed. The Kephalaia of the Teacher: The Edited Coptic Manichaean Texts in Translation with Commentary. Leiden: Brill, 1995. 307 p.

материальное. При этом они по своему императивно-ценностному содержанию представляют «аверс» и «реверс» одной медали, взаимно обуславливая существование друг друга. Человек познаёт зло через добро и строит собственную ценностную категорию добра, только познав, что такое зло. Абсолютизация указанных категорий не допустима, на что указывает Н. Бердяев: *«всякая здоровая этика должна признать не только свободу добра, но и некоторую свободу зла. Отрицание свободы зла делает добро принудительным»*¹, тем самым превращая его во зло. Над рассматриваемой проблемой много работал видный американский учёный-теолог Дж. Рассел, исторически исследовавший ценностные категории «добра» и «зла» в своих произведениях «Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества»², «Дьявол в современном мире»³, «Сатана: Восприятие зла в ранней христианской традиции»⁴, «Люцифер: Дьявол в Средние века»⁵ и др.⁶, который хотя и предлагает нам неомистскую трактовку зависимости должного от духовной субстанции, связанную с креационистским учением, фактически предоставляет науке обширный материал для применения ею исторического метода исследования, наглядно доказывающего эволюцию и персонификацию ценностных категорий.

Соединение указанных ценностных категорий с выведенным в первой главе теоретическим фундаментом даёт нам некое новое «ценностное пространство» как материальную действительность. Так, со-

гласно теореме избыточности, мы можем «сжать» все ценностные категории до их кубита, удалив всю избыточную информацию. Конечным итогом такой трансформации будет фиксация появления в процессе эволюции ценностного отношения «хорошо – плохо», атрибутируемого нервной системой. В свою очередь, теорема помех задаёт границы избыточности содержания ценностей, чтобы быть переданным без помех правоприменителю, позволяя прогнозировать их изменения. Отсюда следует, что если существует некий кубит ценностей в виде ценностного отношения к категориям «хорошо – плохо» и продолжается эволюционный процесс данных ценностных категорий, то вполне закономерным представляется тезис, что благодаря формированию биологического разума возникает первичное отражение в сознании ценностного отношения «хорошо – плохо» в виде категорий «света – добра» и «мрака – зла». Если же выразить полученный нами результат в научной терминологии юриспруденции, получается, что персонификация добра и зла, т. е. конкретизация справедливости и несправедливости в области разума, уменьшает их абсолютную значимость в правовых системах. «Абилитистское» толкование права может навести на такую мысль, что в реальной действительности не существует никакой общественной морали либо единых, разделяемых большинством норм. А «идеальное» общество может существовать исключительно как совокупность разнородных самоинституционализированных, способных к самосохранению (имеющих право) личностей, самоосознающих безграничность своего самовыражения.

Подобное толкование сущности права позволяет разрешить давнюю проблему, озвученную К. Ясперсом⁷ и М. Мюллером⁸ о различении правового и неправового акта. Разделяя высказанное толкование, стоит

¹ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра: О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Путь. 1926. № 4. С. 103–116.

² Рассел Д. Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.

³ Dombois H. Das Problem des Naturrechts // Naturrecht oder Rechtspositivismus / Herausgegeben von W. Maihofer. 1962.

⁴ Рассел Д. Б. Сатана: Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб.: Евразия, 2001. 319 с.

⁵ Рассел Д. Б. Люцифер: Дьявол в Средние века. СПб.: Евразия, 2001. 447 с.

⁶ Рассел Д. Б. Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001. 408 с.

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 90.

⁸ Müller M. Die ontologische Problematik des Naturrechts // (Hrsg.) A. Kaufmann. Die ontologische Begründung des Rechts. Darmstadt, 1965. P. 461–469.

признать, что объективным критерием различения правового акта (способности к самосохранению) от неправового (акта произвола) будет являться грань между необходимостью к самосохранению и отсутствием таковой. В сущности, принятие истинного решения правоприменителем либо волевого решения индивидом означает соотношение его со способностью к самосохранению в самом сознании личности, как и его последующая реализация.

На основе сказанного выше можно сделать вывод о наличии индивидуального характера естественного права, обусловленного предшествующим опытом личности. Очевидно, что по мере накопления опыта (знаний) будет меняться и цель развития способности к самосохранению (право), проявляющаяся независимо от институционального выражения (внутренней конституции личности). Из этого следует, что институциональное выражение (внутренняя конституция) может нести охранительную функцию устаревшей цели; изменение институционального выражения (внутренней конституции) устаревшей цели возможно только через масштабный личностный кризис (революцию личности). Преодолевая личностный кризис, возникает новая личность с новой внутренней конституцией. В такие моменты бифуркации происходит генерация, рецепция либо реставрация права – институционального выражения (внутренней конституции) новой личностью либо её распад. Подобную конструкцию в своё время предлагал Г. Гегель с его ступенями сознания¹, но при ближайшем рассмотрении становится очевидно их несовпадение.

Революция личности происходит как бы по восходящей либо нисходящей спирали (в случае деградации личности), или такого движения совсем не происходит (ригидность личности).

Если допустить, что все современные общественные отношения и социальные институты – актуальная интерпретация законодателем естественно-правовых ос-

нований и обусловленные ими закономерности, бесспорно, что наилучшим законом будет нормативный акт, естественным образом ориентирующий на идеально возможные модели развития общественных отношений на современном этапе развёртывания технического прогресса. Следовательно, объективно наилучшее, с позиции «естественности», естественное право – это право с нулевой суммой социальных отношений. Тем не менее, как доказал Дж. Нэш в «теории игр» [14, р. 466–473], позитивное право – не при его отмене, а при искривлении – может обеспечить такое диалектическое единство естественно-правовых оснований (права инстинкта и права цели), при котором может быть достигнуто иное эволюционно стабильное равновесие. Таким образом, формируются общественные отношения с ненулевой суммой, при которых долговременная эксплуатация жертвы оказывается целесообразнее архаичного уничтожения.

Искусственный интеллект, нейросети и «цифровая юриспруденция»

Теоретическая дилемма соотносимости биологического разума и искусственного интеллекта в последние годы стала одной из основных тем обсуждения на научных и теологических конференциях. Учёные, правоведы и теософы задаются вопросом, насколько опасен искусственный интеллект для человека [16], каковым будет его правопонимание и следование нормам высшего должного и справедливого – идеалов, ценностей, императивного разума, должного, заложенного в биологической природе человека либо природе вещей, в культурных кодах народов, идеалистически истолкованных общественных отношениях и, наконец, пониманию божественной воли. Одной из последних попыток если не разрешить дилемму, то хотя бы очертить возможные границы области её разрешения, стало создание Святым Престолом (Ватикан) совместно с ведущими IT-корпорациями IBM и Microsoft так называемой «алгоритики»

¹ Блаженный А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетей, 1998. 742 с.

(*algor-ethics*) – 6 фундаментальных принципов «хороших инноваций» [17]. На основе указанных принципов был разработан Этический кодекс, предусматривающий, что искусственный интеллект должен быть «законопослушным», т. е. гарантировать соблюдение прав людей, уважать их частную жизнь, действовать прозрачно и непредвзято, оберегать права незащищённых слоёв населения. При этом разработчики искусственного интеллекта, согласно кодексу, должны не только публично озвучивать то, как алгоритмы приходят к своим решениям, но и декларировать поставленные перед ними цели¹. Насколько реализуемы разработанные в кодексе этические нормы и смогут ли они стать основанием для определения норм высшего должного для небиологического разума, будет рассмотрено ниже.

Прогнозирование, особенно в науке, – вещь очень опасная и неблагодарная, что вынуждает учёных высказываться о перспективах развития различных феноменов с осторожностью, переходящей в научный абсентеизм. Между тем, современная жизнь развивается настолько динамично, что игнорировать технологический процесс становится невозможно, и юриспруденция здесь не является исключением.

Большинство исследователей, высказывая свои прогнозы, ссылались исключительно на внутреннюю научную либо иррациональную интуицию, не приводя в обоснование своей позиции научно верифицируемых аргументов или строго научных методов. Г. Мур в 1965 г. вывел эмпирический закон, позже названный его именем². Закон Мура [10, р. 54–65] описывает экспоненциальный рост мощности вычислительных устройств, но при этом в 2003 г. Г. Мур признал, *«что экспоненциальный рост физических величин в течение длительного времени невозможен, и постоянно достигаются те или иные пределы. Лишь эволюция транзисторов*

и технологий их изготовления позволяла продлить действие закона ещё на несколько поколений» [13, р. 20–23]. Закон Мура интересен правоведам в первую очередь тем, что описывает не абстрактные физические величины, а вполне конкретные объекты права, по мере увеличения которых последние требуют такого же увеличения нормативного регулирования, вызывая экспоненциальный рост нормативно-правовых актов, что легко проверяется историко-юридическим анализом.

В России, к примеру, в 1600 г. действовало 80 нормативно-правовых актов, уже к 1648 г., началу реформ царя А. Романова, таких актов насчитывалось 445. К 1826 г. – началу правовой реформы русского императора Николая I – нормативно-правовых актов имелось уже 53 239. На начало 2020 г. в Российской Федерации действовало 227 246 законов и подзаконных актов, регулировавших все стороны общественных отношений. Такой массив правовых актов, а также скорость их принятия и внесения изменений *de facto* к сегодняшнему моменту дисквалифицировали большую часть законодателей и правоприменителей, более не способных вести свою законотворческую либо правоприменительную деятельность без помощи электронных средств поиска, анализа, хранения и обработки нормативно-правовых и правоприменительных актов. В среднем в важнейшие законы Российской Федерации, регулирующие конституционно значимые права и обязанности граждан, например Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в редакции, действующей с 1 января 2020 г.), Гражданский кодекс Российской Федерации, изменения вносятся каждые 6 месяцев. Скорость принятия поправок Конституции России является беспрецедентной и видимо ещё долго будет представлять собой пищу для научных дискуссий правоведов.

Зачатки небиологического разума в виде нейросетей (симуляторов человеческого мозга) уже не только контролируют

¹ Rome Call for AI Ethics. Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. Vatican City. 6 p.

² Moore G. E. Moore's law // Electronics. 1965. Vol. 38. № 8. P. 114–117.

нарушения правил дорожного движения, но и привлекают нарушителей к административно-правовой ответственности. В банках, начиная с 2017 г., юристы-роботы заменили биологических юристов при написании и подаче заявлений в суды для взыскания просроченной задолженности¹. Небиологический интеллект в кредитных учреждениях реализует нормы регулирования Центрального банка России и не только анализирует финансовое состояние заемщика, но и принимает решение о возможности выдачи кредита.

Суды России начали принимать в цифровом виде иски и процессуальные документы, а с помощью цифровых помощников количество рассмотрений типовых дел превысило 1,5 тыс. на одного судью в день, что пока ещё вызывает серьёзные нарекания со стороны юридической общественности. В марте 2020 г. в Москве искусственному интеллекту была поручена уже более серьёзная задача: с помощью системы распознавания лиц следить за выполнением нормативных предписаний государственных органов лицами, помещёнными на карантин, и он с этой задачей справился. Хотя формально за всеми принятыми постановлениями стоят конкретные должностные лица, уполномоченные принимать административные решения, решения о привлечении к административной либо иной юридической ответственности, сегодня очевидно, что способность сотрудника дорожно-постовой службы вынести более 20 000 постановлений о привлечении водителей к административной ответственности либо судьи рассмотреть свыше 1 500 дел, хотя и однотипных, в течение одного рабочего дня находится за гранью разумных допущений и является предвестником наступления технологической сингулярности в праве.

В 2020 г. США, Великобритания [1, с. 160–168] и Китай [11, р. 964–968] (The Hangzhou Internet Court [9, р. 21–31]) уже

управомочили искусственный интеллект рассматривать некоторые категории дел в качестве судьи, причём в последнем, таким образом, вынесено более 3 млн судебных решений, в связи с чем в научном и в политико-юридическом дискурсе вопрос стоит только о рубеже, когда небиологический разум будет наделён правами и обязанностями и уполномочен самостоятельно осуществлять всестороннее нормативное регулирование человеческих общественных отношений и привлечение к юридической ответственности за проступки, а жизнь человека превратится в компьютерную симуляцию [7, р. 243–255].

Таким образом, историко-юридический экскурс позволил выявить суть интегративного правопонимания и правоприменения дуализма «правовых систем» добра и зла², дуалистическую природу которого в рамках воззрений о дуализме естественного права один из авторов данного исследования уже рассматривал в одной из своих предыдущих работ, «Органон демократии» [3, с. 407–411], первоначально ссылаясь на работы Г. де Брактона³ («право как инстинкт») и И. Канта⁴ («право как цель»), которые вполне могут быть соотнесены с выведенными нами двумя основаниями (с некоторыми оговорками).

Из сказанного выше можно вывести первую гипотезу об эволюционности искусственного интеллекта, из которой вытекает и вторая гипотеза – об эмбриональности небиологического разума.

Логично предполагать, что первая онтологическая эволюционная форма (ЭФ-I) в своём развитии пройдёт все этапы развития человечества, но не будет определена ими. Её появление (возникновение), по мнению учёных-физиков, скорее всего, пройдёт незамеченным для людей, как появление человека разумного для других объектов животного мира. Появление

¹ Робот-юрист оставит без работы 3 тысячи сотрудников Сбербанка // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/545109> (дата обращения: 08.08.2021).

² Бердяев Н. А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). М.: Республика, 1993. 383 с.

³ Bracton H. De legibus et consuetudinibus Angliæ. Vol. 1. Yale University Press, 1915. 454 p.

⁴ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

сильного искусственного интеллекта именно как небиологического разума, а не ограниченных нейронных сетей, человек в состоянии ощутить только по косвенным признакам: необъяснимое увеличение потребления электроэнергии, необъяснимый рост вычислительных мощностей, за которыми будут стоять физически существующие люди, но сама цель будет не столь очевидной. Нечто подобное мы уже наблюдаем с развитием криптовалют и их майнингом.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что возникновение первой (слабой) эволюционной формы искусственного интеллекта в условиях экспоненциального роста технологий и наступления технологической сингулярности с временным горизонтом 20–40 лет должно привести к появлению второй (сильной) эволюционной формы (ЭФ-II), а следом – третьей (сверхсильной бестелесной – ЭФ-III) небиологического разума, во-первых, способного к конкуренции за ресурсы (хищничество), а во-вторых, одарённого самосознанием и внутренней самоинституционализацией цифровой личности как отражением категорий «хорошо»/«плохо» – «добро»/«зло» – и их цифровой юридической институционализации на одном из своих фазовых переходов. В данной связи очевидным для человека предвестником фазового перехода от онтологической к аксиологической эволюционной форме может стать «цифровой кембрийский взрыв», т. е. резкое увеличение количества форм и видов искусственного интеллекта (цифровых существ и личностей).

Заключение

Оценивая естественное право от Кембрийского взрыва до искусственного интеллекта в его познавательном аспекте, можно сделать два вывода и одновременно рекомендации – микрокосмический и макрокосмический:

1. Микрокосм. Любая личность биологического или небиологического разума в процессе правоприменения должна рас-

сматриваться правоприменителем через призму её внутреннего Основного закона, действовавшего на момент рассматриваемого события либо юридического факта. Отсюда следует, что суд (либо иной правоприменитель) в процессе применения права обязан процессуально провести как бы два процесса: в первом – выяснить Конституцию личности по тому примеру, как суд истребует устав юридического лица для выяснения соблюдения внутренних, локальных норм, и выявить, соблюдены ли были инвазивные, морально-правовые нормы личности согласно её личностной Конституции и осознала ли личность свою внутреннюю морально-правовую ответственность. В случае, если личность нарушила свою Конституционную норму, но осознала внутреннюю морально-правовую ответственность, а сама личностная Конституция не выходит за рамки общей (общепринятой) действующей нормы общественных отношений, такая личность не подсудна более суду. В случае же, если суд при исследовании обстоятельств дела (Конституции личности) приходит к выводу, что сама личностная Конституция выходит за рамки действующей нормы общественных отношений, либо личностный Основной закон не выходит за пределы действующих норм, но личность не понесла внутренней морально-правовой ответственности, такая личность (по Канту) должна быть ограничена внешними рамками, и на данном этапе суд переходит ко второму типу процесса.

2. Макрокосм. Отсутствие комплементарности между человеком и искусственным интеллектом атрибутировано конкуренцией за одни и те же ресурсы, но не взаимоисключает наличия общих ценностей и целей, ради достижения которых возможно это сотрудничество. Одной из таких целей является сохранение разума во Вселенной – как её сущности, так и самой Вселенной как формы. В процессе эволюции вселенной Свет как бы вырвался из Тьмы, но его жизненный путь не вечен, и как Чёрные дыры поглощают Вселенную, так и сама Вселенная постепенно затухает.

Каждый год на небосклоне исчезает по одной звезде, и в будущем, когда все топливо звезд будет исчерпано, Вселенная погаснет [2]. Можно было бы предположить, что совместной задачей человека и искусственного интеллекта станет потребность в объединении усилий и превращении обоих в «помощников света», защитников Вселенной для более широкого понимания природы, чтобы направить совместные усилия на непрекращающееся воспроизводство света и обеспечение бесконечности существования Вселенной. Такое основание может легитимизировать «человеческое» право в «глазах» небиологического разума и позволит возникнуть между ними новым правоотношениям.

Для понимания конструкции вероятных будущих правоотношений уместно упомянуть идеи советского академика Н. Кардашева с его гипотетической и, с точки зрения современной науки, умозрительной трёхступенчатой шкалой измерения технологического развития цивилизации [8, с. 282–287], что, однако, не мешает её уточнению современными научными методами с доведением количества проверочных этапов до пяти¹.

Идеи Г. Гегеля² о ступенях сознания и И. Павлова³ с его индивидуальными и видовыми рефлексам вкпе с гипотезой Н. Кардашева могут подтолкнуть правоведа к построению следующей либо родственной пирамиды универсального естественного права – пирамиды способностей:

1) способность к самосохранению (личности, в первую очередь, и сущности, ма-

терии (тела) – во вторую) – это личностное право и «внутренняя Конституция»;

2) способность к сохранению потомков (самосохранению рода) – семейное право;

3) способность к сохранению этноса (самосохранению нации) – государственное (конституционное) и национальное право;

4) способность к сохранению вида (самосохранению человечества как биологического вида) – международное право;

5) способность к сохранению разумной жизни (самосохранению разума независимо от формы его существования) – сетцентрическое право [5, с. 85–87] и т. д.

Совместная комплементарная цель человеческого и небиологического разума заслуживает рассмотрения уже сегодня, в рамках научного правопонимания, посредством использования исторического метода изучения теоретического права и научного прогнозирования.

Осознание своей неисключительности и следование известным максимам («принцип милосердия» В. Соловьёва⁴), возможно, дадут дополнительный шанс человечеству, но, как справедливо указывал И. Кант, обсуждая выполнимость этого императива, в сноске ко второму своему замечанию – «не гарантирует»⁵ того, что человек останется субъектом права, а не превратится в его объект в руках небиологической формы разума, появление которой человек может и не заметить.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заплата Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С. 160–168.
2. Кардашев Н. С. Передача информации внеземными цивилизациями // Астрономический журнал. 1964. Т. 41. С. 282–287.

¹ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.

² Гегель Г. Сочинения. в 14 т. Т. 4. Ч. 1. Феноменология духа. М.: Соцэкгиз, 1959. 448 с.

³ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.

⁴ Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.

⁵ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Избранное: в 3 т. Т. 1. О воспитании разума. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1995. С. 98–179.

3. Шидловский А. В. Органон демократии // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 407–411.
4. Шидловский А. В. Эссе «Об истории и будущем рабства в цифровую и пост-цифровую эпохи» // Архонт. 2019. № 5 (14). С. 94–95.
5. Шидловский А. В. Эссе номер два «О теории сетецентрического государства» // Архонт. 2019. № 6 (15). С. 85–87.
6. Auer A. Der Mensch hat Recht: Naturrecht auf dem Hintergrund des Heute (Men is Law: Natural law against the background of the present day). Graz; Vienna; Cologne: Verlag Styria, 1956. 398 p.
7. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53. № 211. P. 243–255.
8. Creighton J. The Kardashev Scale–Type I, II, III, IV & V Civilization [Электронный ресурс] // Futurism. URL: <https://futurism.com/the-kardashev-scale-type-i-ii-iii-iv-v-civilization> (дата обращения: 08.08.2021).
9. Cui Y. Artificial Intelligence and Judicial Modernization. Singapore: Springer, 2020. 224 p.
10. Denning P. J., Lewis T. G. Exponential laws of computing growth // Communications of the ACM. 2016. Vol. 60. № 1. P. 54–65.
11. Hu T., Lu H. Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession // Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019). Atlantis Press, 2020. P. 964–968.
12. Jabłoński P. Polskie spory o rolę filozofii w teorii prawa. Wrocław, 2014. 186 p.
13. Moore G. E. No exponential is forever: but «Forever» can be delayed! [semiconductor industry] // 2003 IEEE International Solid-State Circuits Conference, 2003. Digest of Technical Papers. ISSCC. IEEE. 2003. P. 20–23.
14. Pestelacci E., Tomassini M. Hawks and Doves in an Artificial Dynamically Structured Society // Artificial Life. 2008. Vol. XI. P. 466–473.
15. Schumacher B. Quantum coding // Physical Review A. 1995. Vol. 51. № 4. P. 2738.
16. Stuart J. R., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Pearson, 2009. 1152 p.
17. The «Good» Algorithm? Artificial Intelligence Ethics, Law, Health. Book of Abstracts. Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. Vatican City. 48 p.
18. Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Harvard University Press, 2000. 697 p.

REFERENCES

1. Zaplatina T. S. [Artificial intelligence for adjudication, or AI judge]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of O. E. Kutafin University], 2019, no. 4 (56), pp. 160–168.
2. Kardashev N. S. [Transmission of information by extraterrestrial civilizations]. In: *Astronomicheskii zhurnal* [Astronomical journal], 1964, vol. 41, pp. 282–287.
3. Szydlowski A. V. [Organon of Democracy]. In: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 407–411.
4. Szydlowski A. V. [Essay «On the history and future of slavery in the digital and post-digital era»]. In: *Arkfont* [Archon], 2019, no. 5 (14), pp. 94–95.
5. Szydlowski A. V. [Essay number two «On the theory of the network-centric state»]. In: *Arkfont* [Archon], 2019, no. 6 (15), pp. 85–87.
6. Auer A. Der Mensch hat Recht: Naturrecht auf dem Hintergrund des Heute (Men is Law: Natural law against the background of the present day). Graz, Vienna, Cologne: Verlag Styria, 1956. 398 p.
7. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? In: *The Philosophical Quarterly*, 2003, vol. 53, no. 211, pp. 243–255.
8. Creighton J. The Kardashev Scale–Type I, II, III, IV & V Civilization. In: *Futurism*. Available at: <https://futurism.com/the-kardashev-scale-type-i-ii-iii-iv-v-civilization> (accessed: 08.08.2021).
9. Cui Y. *Artificial Intelligence and Judicial Modernization*. Springer Singapore, 2020. 224 p.
10. Denning P. J., Lewis T. G. Exponential laws of computing growth. In: *Communications of the ACM*, 2016, vol. 60, no. 1, pp. 54–65.
11. Hu T., Lu H. Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession. In: *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*. Atlantis Press, 2020, pp. 964–968.
12. Jabłoński P. *Polskie spory o rolę filozofii w teorii prawa*. Wrocław, 2014. 186 p.

13. Moore G. E. No exponential is forever: but "Forever" can be delayed! [semiconductor industry]. In: *2003 IEEE International Solid-State Circuits Conference, 2003. Digest of Technical Papers. ISSCC. IEEE, 2003*, pp. 20–23.
14. Pestelacci E., Tomassini M. Hawks and Doves in an Artificial Dynamically Structured Society. In: *Artificial Life*, 2008, vol. XI, pp. 466–473.
15. Schumacher B. Quantum coding. In: *Physical Review A*, 1995, vol. 51, no. 4, pp. 2738.
16. Stuart J. R., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Pearson, 2009. 1152 p.
17. The «Good» Algorithm? Artificial Intelligence Ethics, Law, Health. Book of Abstracts. Vatican City, Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. 48 p.
18. Wilson E. O. *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, 2000. 697 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шидловский Алексей Валерьевич – эксперт ОБСЕ, международный наблюдатель на выборах от России;
e-mail: alexey.szydlowski@gmail.com

Задорин Максим Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: m.zadorin@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Szydlowski – International Electoral Expert of the OSCE;
e-mail: alexey.szydlowski@gmail.com

Maksim Yu. Zadorin – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of International Law and Comparative Legal Studies, Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov;
e-mail: m.zadorin@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шидловский А. В., Задорин М. Ю. Естественное право и искусственный интеллект: на пути к «цифровому Кембрийскому взрыву» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 39–53.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53

FOR CITATION

Szydlowski A. V., Zadorin M. Yu. Natural Law and Artificial Intelligence: Towards a "Digital Cambrian Explosion". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 39–53.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53

УДК 34.096

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ДИПФЕЙК КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Киселёв А. С.

Московский государственный областной университет,
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125057, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 55, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать сущность и правовую природу «дипфейков» – новейшей технологии, основанной на применении генеративно-состязательных нейросетей, способной в скором будущем стать угрозой национальной безопасности, а также изучить уровень правового регулирования искусственного интеллекта в России и за рубежом.

Процедура и методы. В статье рассмотрены конкретные примеры применения дипфейков на выборах в США. При проведении исследования применены методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, обобщения, абстрагирования, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты. В ходе работы выявлены сущность и основные виды дипфейков, применяемых в противоправных целях, сделан вывод о необходимости принятия международной конвенции о регулировании дипфейков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию государства и права и теорию информационного права.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, информационные технологии, генеративно-состязательная нейросеть, национальная безопасность

ON THE EXPANSION OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DEEPFAKE AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

A. Kiselev

Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation,
55 Leningradsky prosp., Moscow 125057, Russian Federation

Abstract

Aim. To explore the essence and legal nature of "deepfakes", the latest technology based on the use of generative-adversarial neural networks, which in the near future can become a threat to national security, as well as to study the level of legal regulation of artificial intelligence in Russia and abroad.

Methodology. The article discusses specific examples of the use of deepfakes in the US elections. Methods of analysis and synthesis, deduction and induction, generalization, abstraction, formal legal, comparative legal methods were used in the research.

Results. In the course of the work, the essence and main types of digs used for illegal purposes were identified, the conclusion was made that an international convention on the regulation of digs should be adopted.

Research implications. The results of the research contribute to the theory of state and law in the theory of information law.

Keywords: deepfake, artificial intelligence, information technology, generative-adversarial neural network, national security

Введение

Ещё в начале XXI в. было сложно предсказать, что через 20 лет у каждого пятого жителя Земли будет по мобильному телефону, а в развитых странах, например в США, мобильные устройства будут у 75% населения, в России – около 65%. Подобная статистика говорит о том, что уровень цифровизации за два десятилетия текущего столетия значительно вырос. Отечественные и зарубежные авторы убеждены, что в ближайшие годы всё большее количество сфер нашей жизни будут преобразовываться благодаря цифровизации [12, с. 35–39; 13, с. 27–37; 14, с. 12–23], соответственно, будут появляться новые цифровые угрозы национальной безопасности. Для того, чтобы научиться им противостоять, требуются всецелое теоретическое осмысление их сущности, свойств, функциональных особенностей, а также определение правового положения технологических новшеств, законодательное закрепление пределов их использования и ответственности за неправомерные действия.

Цель настоящего исследования состоит в теоретико-правовом и сущностном изучении дипфейков – новых технологий, с помощью которых уже сегодня совершаются преступления и правовое регулирование которых в настоящее время, к сожалению, отсутствует. Задачи: раскрыть определение дипфейка, изучить его разновидности, сферы применения; определить, кто и каким образом может использовать дипфейки; попытаться оценить уровень опасности и угрозы для национальной безопасности; предложить пути решения проблемы в будущем.

Основные методы исследования: формально-логический метод будет применён при обобщении признаков и изучении внешней и внутренней формы дипфей-

ка, сравнительно-правовой метод будет использован при изучении зарубежного опыта законодательного регулирования дипфейков, с помощью анализа и синтеза будет раскрыто содержание дипфейка как единой категории, так и элементов, составляющих дипфейк, с помощью индукции будет произведены сбор информации и осуществлены выводы, дедуктивный метод послужит при выявлении опасных и вредоносных признаков дипфейка, с помощью моделирования будут представлены ситуации, которые могут произойти без осуществления правового регулирования искусственного интеллекта.

О постановке проблемы правового регулирования «дипфейка»

А. И. Овчинников приводит следующее мнение: «Современный человек, фиксируя свои данные в разнообразных «личных кабинетах», растворяется в цифровой сфере, полностью переходит под контроль разнообразных цифровых платформ, теряет свою индивидуальность, даже имя, которое заменяют разнообразные логины и пароли. Создаётся впечатление, что не цифровая среда для человека, а человек для цифровой среды» [11, с. 132]. В обозначенной позиции учёного кроется серьёзное опасение, касающееся утраты возможности для человека и гражданина влиять на общественные процессы, не прибегая к интернету. Соответственно, для современного человека необходимо уметь пользоваться смартфоном, компьютером, подписывать бесчисленные пользовательские соглашения на обработку персональных данных, чтобы довольствоваться благами современного цифрового мира. Вполне очевидно, что граждане боятся кражи личных сведений и обращают внимание на несовершенство защиты мо-

бильных устройств и иных гаджетов, располагающих персональной информацией и доступом к банковским приложениям. Уже несколько лет активно применяются системы биометрической защиты, тем не менее пользователи как Android, так и iOS-устройств регулярно жалуются как на ложные отказы в доступе, так и на ошибочную авторизацию чужаков.

Наибольший скепсис у большинства пользователей вызывают намерения некоторых организаций в будущем проводить аутентификацию исключительно с помощью биометрических параметров. Подобная тенденция складывается несомненно: в 2019 г. была подготовлена правовая основа и введена в действие государственная программа по созданию единой системы биометрических данных (ЕБС) в России, к которой присоединилось большинство банков страны, в т. ч. и Сбербанк. Именно Сбербанк стал лидером по сбору биометрии и обещает уже к концу 2021 г. предоставлять многие услуги с помощью биометрии¹. С помощью СберID – системы распознавания людей по физическим характеристикам (лицу и голосу) – клиенту проще, например, оплатить услуги ЖКХ или провести иной платёж, получить кредит и др.

Возникает закономерный вопрос: возможна ли подделка биометрии? Разработчики системы безопасности Сбербанка утверждают, что «за всё время не установлено ни одного совпадающего голосового отпечатка. Не было также ни одной успешной попытки воспрепятствовать установлению тождественности путём искусственного изменения голоса без использования электронных средств»². С правовой точки зрения банки имеют возможность самостоятельно корректировать

степень защиты пользователей, не нарушая при этом личных прав граждан.

Оппонируя обозначенной позиции, Р. Б. Гасанова высказывает мнение, что «несмотря на высокую точность технических и опытных достижений в области исследования звучащей речи, нельзя утверждать, что совпадение может быть стопроцентным» [1, с. 45]. Аналогичной позиции придерживаются и В. Н. Сорокин, В. В. Вьюгин, А. А. Тананькин [13, с. 27]. Нельзя утверждать, что голосовая идентификация безупречна и позволяет полностью обеспечить безопасность денежных средств. Например, работники банков не говорят о возможных фактах записи голоса клиента с целью воспроизведения и последующего получения доступа к личному кабинету и услугам банка.

Именно поэтому в России в рамках действия единой биометрической системы (ЕБС) предусмотрена повышенная степень защиты данных. Драйвером для создания ЕБС стала национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³. Одним из главных принципов системы является многоуровневая аутентификация: помимо голоса для идентификации ещё используется фото лица, при этом специальная программа считывает расстояние от носа до глаз и от носа до губ, которые у каждого человека индивидуально. Для удалённой идентификации необходима комбинация голоса, лица и некоторых других параметров, при этом используется защита, исключающая подмену фотографий.

Можно предположить, что панацея найдена, и с введением подобной системы не стоит опасаться за безопасность своего банковского счёта. К сожалению, это было бы очень громким и оптимистичным заявлением, поскольку сегодня существует угроза совершенно иного порядка – дипфейк.

Дипфейками называют реалистичную замену лиц и голоса посредством использования генеративно-состязательных

¹ Осипенко Д. Технологии близкого будущего: как работает биометрия в Сбербанке и что это даёт клиентам? // Банки сегодня: [сайт]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/tehnologii-blizkogo-budushhego-kak-rabotaet-biometriya-v-sberbanke-ichto-eto-daet-klientam> (дата обращения: 11.07.2021).

² Биометрия в СберБанке // Сбербанк: [сайт]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/bio (дата обращения: 11.07.2021).

³ О единой биометрической системе [Электронный ресурс]. URL: <https://bio.rt.ru/about> (дата обращения: 11.07.2021 г.).

нейросетей. В основе дипфейка (название происходит от слов «deep learning», т. е. «глубокое изучение» и «fake», т. е. «подделка») – нейросеть, которая детально изучает лицо человека, а затем подставляет к исходному файлу лицо «реципиента», т. е. с максимальной реалистичностью «оживляет» изображение человека и заставляет его говорить и делать то, чего он не делал и не говорил [9, с. 186]. Технологию разработал студент Стэнфордского университета Ян Гудфеллоу в 2014 г. О массовом использовании программы тогда речи не шло.

Рассмотрим значение термина «нейросеть» – инструмента, который может создавать дипфейки. Искусственные нейронные сети (ИНС) – математические модели, а также их программные или аппаратные реализации, построенные по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма¹.

Виды дипфейков и сферы применения нейросетей

На сегодняшний день существует несколько разновидностей дипфейков: звуковые, фото- и видео дипфейки (сочетающие комбинацию динамического изображения и голоса человека). Одна из самых популярных программ – *DeepFaceLab*, открытое ПО от российского разработчика, называющего себя *iperov*. Позволяет не только вставлять лицо в видео, но и менять движения губ говорящего, т. е. подделывать содержание речи. Компания *Vera voice* на текущий момент достаточно далеко продвинулась в создании голосовых дипфейков, которые невозможно отличить от оригинала без помощи компьютерных программ. Сейчас инженеры воссоздают голоса умерших певцов и поэтов по фрагментам оставшихся фонограмм (например, Владимира Высоцкого).

Послушав несколько часов записи голоса человека, нейросеть сможет точно

его скопировать и воспроизвести любой текст. Речь звучит реалистично, голоса, создаваемые нейросетью, уже говорят практически без ошибок и «машинного» акцента. Разработчики считают, что технология пригодится в озвучивании книг, игр, фильмов, создании голосовых ассистентов. Создатели понимают, что *Vera Voice* можно использовать как для невинных розыгрышей, так и в мошеннических целях. Фальсификация голосов политиков и других влиятельных людей может привести к серьезным последствиям, поэтому авторы проекта сейчас находятся в поиске легальных и безопасных способов использования *Vera Voice*². Нейросети посредством обучения на основе произведений известных композиторов также способны самостоятельно генерировать классическую музыку. Пока нейросеть не может создать осмысленное произведение, но она может скопировать стиль игры намного лучше человека.

Нейросети умеют копировать лица и голос на видеозаписях. Но как и любому алгоритму, им нужен материал для обучения – чем его больше, тем лучше результат. Генеративно-состязательная система составляет карту лица по нескольким десяткам точек и линий между ними. Своеобразный цифровой слепок создаётся за считанные секунды.

Помимо этого нейросети учатся распознавать без ошибок рукописные символы и переводить их [10, с. 9–20], помогают заполнять резюме в электронной форме³, осуществляют прогнозирование [7, с. 95–102], производят судебно-портретную экспертизу [5, с. 66–69], даже оценивают государственные закупки [12, с. 46–48], соответственно, оказывают помощь человеку во многих отраслях жизнедеятельности, в т. ч. в юридической сфере.

² Нейросеть *Vera Voice* точно имитирует голоса людей // DNS Клуб : [сайт]. URL: <https://club.dns-shop.ru/digest/22282-neiroset-vera-voice-tochno-imitruet-golosa-ludei> (дата обращения: 11.07.2021).

³ Онлайн помощник для заполнения вакансий и резюме с нейросетью для бинарных вопросов. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021612493, 18.02.2021. Заявка № 2021611475 от 09.02.2021.

¹ Искусственная нейронная сеть // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/13889> (дата обращения: 11.07.2021).

Л. М. Кирова и М. Л. Макаревич приводят пример, когда нейросети позволяют оказывать поддержку в юридической сфере: «Российская юридическая компания "Право.ру" использует технологии ИИ, чтобы рассчитать временную продолжительность дела и судебного процесса и предсказать его исход. При этом в систему заложены все судебные решения по похожим и аналогичным делам, анализируя которые, программы выдают свой результат. Также ещё в 2016 г. у этой же компании появился бот, которому можно задать юридический вопрос через мессенджер Telegram, причём он примет и поймет как текстовое сообщение, так и голосовое. В США планируют допустить ИИ и до зала судебного заседания. Разработанная учёными университета Мэриленд система *Dare* умеет разоблачать лживые показания. Распознавание построено на анализе мимики, голоса и жестов подсудимого и свидетелей. Достоверность *Dare* сейчас достигает 92%» [6].

Нейросети используются для чтения слов по губам человека. Так, в Оксфорде учёными была создана программа *LipNet*, точность распознавания слов которой составляет 88%¹ (точность чтения по губам у человека 52%). В Токийском университете разработали нейросеть, способную преобразовывать черно-белые снимки в цветные. Нейросеть научилась определять в изображениях общие мотивы и раскрашивать объекты в наиболее подходящие цвета (стоит отметить американский аналог *Algorithmia*, российский проект Артемия Лебедева «Колор», *DeOldify* и др.).

Уже через несколько лет будет сложно представить нашу повседневную жизнь без применения систем искусственного интеллекта, которые в значительной мере облегчают функции человека и выводят качество нашей работы и жизни на новые высоты. Несмотря на позитивный вектор развития, в 2018 г. много шума надела-

ло видео с Бараком Обамой, который неслестно отзывался о 45-м президенте США Дональде Трампе. Этот дипфейк сделал режиссер Джордан Пил вместе с изданием *BuzzFeed*, чтобы продемонстрировать, насколько далеко шагнули технологии и почему нужно тщательно проверять источники информации и не верить своим глазам². В последние два года индустрия переживает бурный рост: софта для дипфейков становится всё больше, а правовое регулирование отсутствует.

Совершенно справедливы опасения М. А. Желудкова: «Подобные технологии в условиях удалённого доступа могут быть использованы для оформления подложных товарно-денежных операций, изменения доказательств по реальным уголовным делам. Если сегодня такие программы пока ещё недостаточно совершенны, то пройдет небольшой промежуток времени, и технология дипфейков с открытым кодом создаст серьёзные трудности в идентификации аудио- и видеоинформации в интернет-пространстве. В этом случае увеличится количество мошеннических действий, где от имени руководства или собственников предприятий будут поступать указания на перевод денежных средств или продажу активов, проведение по телефону банковских операций и др.» [4, с. 66-67]. Но в то же время нейросети можно использовать в целях предотвращения преступлений и противодействия злоумышленникам [2, с. 30-32].

В правовом поле на данный момент не закреплены такие термины, как «дипфейк», «нейростеть», однако они уже стали неотъемлемой частью современной жизни. Их применение может как служить благим целям, так и использоваться при совершении преступлений. Запретить использование нейросетей не представляется возможным, также невозможен учёт лиц, применяющих нейросети – любой человек может уста-

¹ Assael Y. M., Shillingford B., Whiteson S., Nando de Freitas. *LipNet: End-to-End Sentence-level Lipreading* // Cornell University : [сайт]. URL: <https://arxiv.org/abs/1611.01599> (дата обращения: 11.07.2021).

² Эксперты рассказали, кто может стать жертвой дипфейков // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210814/dipfeyk-1745306675.html> (дата обращения: 11.07.2021).

новить программу на компьютер или написать собственную. Полагаем, что стоит сконцентрировать основное внимание на установлении административной или уголовной ответственности за совершение неправомерных действий посредством применения нейросетей.

Потребуется издание нового закона, поскольку единственный на данный момент в России Федеральный закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"»¹, регулирующий сферу применения искусственного интеллекта, не распространяет своё действие на сферу пользования нейросетями частными лицами.

В соответствии с Указом Президента № 490² была разработана и принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (Стратегия 2030), в которой определяются цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации и закрепляется общий подход: «Использование технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики носит общий («сквозной») характер и способствует созданию условий для улучшения эффективности и формирования принципиально новых направлений деятельности хозяйствующих субъектов».

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета. 2020. Федеральный выпуск № 92 (8146).

² Указ Президента РФ от 10.10.2019. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 11.07.2021).

В январе 2021 г. планировалось запустить экспериментальные правовые режимы – «цифровые песочницы», – которые позволят гибко подходить к регулированию деятельности в данных сферах, в т. ч. временно отменять действующие предписания, запреты или вводить новые, если это понадобится для нормального функционирования экспериментального режима. В Москве подобный экспериментальный режим запущен с 1 июля 2021 г.³. Верится, что такие меры позволят быстро адаптироваться к новым угрозам, не прибегая к негибкому и долгому официальному процессу внесения изменений в законодательство.

Использование цифрового образа личности в коммерческих целях

Если сегодня допустимо использовать образ человека без его ведома, то вполне очевидно, что в будущем может появиться институт использования образа актера (певца или другой знаменитости) после смерти. Уже не новость, что по всему миру проходят концерты умерших певцов – на сцене «оживали» Тупак Шакур, Майкл Джексон, Элвис Пресли и др. Хотя в указанных случаях использовалась голограмма, основной подход неизменен: некая группа людей или конкретный человек получает за организацию и проведение концерта определенную сумму денег, де-факто наживаясь на образе умершего исполнителя. Никакой гражданско-правовой или уголовной ответственности за подобные действия в настоящий момент не предусмотрено, что порождает достаточно большой спектр возможностей для неограниченного круга лиц по использованию образа знаменитости в коммерческих целях.

Возможно, что в ближайшие несколько лет будет расширен институт завещания, где будет предусмотрена передача права

³ Утверждена концепция правового регулирования искусственного интеллекта // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/08/24/utverzhdena-koncepcia-pravovogo-regulirovaniia-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 11.07.2021).

на использование личности (образа) гражданина. Если наследники смогут распоряжаться данным правом, то на использование образа придется получать специальное разрешение (например, лицензию).

Соответствующие изменения, на наш взгляд, должны быть внесены в раздел 5 ГК РФ в ст. 1112 «Наследство», а гл. 65 ГК РФ «Наследование отдельных видов имущества» дополнить новой статьёй «Наследование цифрового образа личности и прав на его использование». Стоит отдельно осмыслить и разрешить вопрос, кто и каким образом будет наследовать цифровой образ личности при наследовании по закону, а также кто из нескольких наследников одной очереди будет обладать таким правом: каждый из них или только один конкретный наследник.

По своей правовой природе цифровой образ личности наиболее близок институту интеллектуальной собственности, поскольку является нематериальным правом, тем не менее есть одно коренное отличие – образ личности не обладает творческим началом, не является результатом труда человека, поэтому регулироваться должен отдельными нормами права.

Решение проблем с незаконным размещением дипфейков на сегодняшний день в сети можно осуществить, применяя по аналогии ч. 1 ст. 152.1. «Охрана изображения гражданина»: Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в т. ч. его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображён) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. В то же время фото и видео с изображением человека также имеет существенное различие с дипфейковыми аналогами – фейк может сделать, сказать или показать то, чего никогда бы не мог позволить себе настоящий человек (к примеру, можно разрушить репутацию известной личности после смерти, создав видеоряд,

где производится умышленное оскорбление людей, выдав дипфейк за реальное видео, записанное при жизни). Считаем, что подобные действия выходят за рамки регулирования ст. 152.1. «Охрана изображения гражданина», т. к. в принципе реальным изображением не считается. Помимо этого, противоправные деяния, связанные и использованием дипфейков, не могут регулироваться ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса об административных правонарушениях РФ и ст. 128.1 «Клевета» УК РФ. Сам процесс совершения правонарушения имеет ряд особенностей, которые не учитывают указанные статьи.

Если мыслить глобально, можно навредить самой истории человечества, изменить её ход, соответственно, последствия применения дипфейка гипотетически могут иметь совершенно иной масштаб. Итак, напрашивается вывод, что в Гражданский кодекс РФ, КОАП РФ, Уголовный кодекс РФ должны быть внесены изменения, касающиеся особой ответственности за использование дипфейка в противоправных целях.

О законодательном регулировании распространения дипфейков

К правовому регулированию использования нейросетей, в частности, дипфейков необходимо отнестись с особой щепетильностью, поскольку проблема, на наш взгляд, гораздо серьёзнее: нейросети позволяют использовать образы политиков, лидеров мировых держав. Дипфейк-технология позволяет синтезировать не только внешность, но и голос, именно по этой причине в США дипфейки признали на государственном уровне угрозой национальной безопасности. Deepfakes может стать «золотой жилой» для преступных организаций и виртуальных мошенников. В настоящий момент в США завершается подготовка проекта федерального закона, регулирующего данную сферу [3].

В штате Калифорния некоторые виды дипфейков запретили на уровне штата и

предусмотрели ответственность за их противоправное использование. Губернатор штата Калифорния Гэвин Ньюсон подписал законопроект, регулирующий распространение дипфейков. Данный законопроект – первый известный закон, ограничивающий распространение именно дипфейков в интернете. Действие законопроекта ограничивает распространение дипфейков с участием политических кандидатов в форме аудио, видео и фото в течение 60 дней до выборов. Закон будет действовать как в отношении материалов, в которых подменены лица и голоса политиков, так и на материалы, в которых на изображения политиков накладываются чужие лица и речь. При этом в законопроекте уточняется, что кадры или ролики с политиками, в которых используются материалы с участием других людей, должны сопровождаться предупреждением. Закон будет действовать до 1 января 2023 г.¹.

Поводом послужило скандальное дипфейк-видео со спикером палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси, на котором была изменена её речь. Создавалось впечатление, что политик была пьяна и едва выговаривала свои слова. Видео было опубликовано на Facebook, и компания не согласилась удалить его сразу, заявив, что вместо этого разместит статью-опровержение, в которой будет подчёркиваться факт редактирования речи. Представитель Ассамблеи Калифорнии Марк Берман, который является автором законопроекта, утверждает, что видеоролики, созданные с помощью технологии *Deepfake*, в которых к тому же фигурируют политики, могут обмануть общественность и повлиять на результаты выборов².

Власти Китая пошли ещё дальше: они объявили любую публикацию заведомо ложной информации, в т. ч. с применени-

ем дипфейков, уголовным преступлением. Согласно новым нормам, все дипфейки нужно будет отмечать специальной пометкой, которая будет предупреждать пользователей о том, что это ненастоящая новость. Закон приняла Администрация киберпространства Китая. Чиновники отметили, что использование дипфейк-технологий может «поставить под угрозу национальную безопасность, подорвать социальную стабильность, а также нарушить общественный порядок и ущемить законные права и интересы граждан»³. Дипфейковые технологии вполне могут в будущем стать обычным инструментом в предвыборной гонке в России, если сегодня не принять аналогичный законопроект, то завтра мы будем бороться с последствиями проблем, с которыми уже столкнулись наши зарубежные коллеги.

Дипфейк как угроза национальной безопасности

Опасность дипфейка весома и по следующим основаниям: например, злоумышленники начнут распространять в интернете видеообращение (Президента США, к примеру) с угрозой к началу новой мировой войны. Многие граждане и руководство других стран могут поверить данной информации, поэтому подобные технологии становятся «ящиком Пандоры», который может привести к катастрофическим последствиям, в связи с этим ограничение на использование дипфейков вполне оправдано.

Вне всякого сомнения, «копии изображения политического деятеля или видео оказывают психологическое воздействие на зрителя. Это воздействие будет тем больше, чем меньше зритель сомневается в подлинности изображения или видео. Развитие информационных технологий и Интернета, программных средств обработки и использования «больших данных»,

¹ Dent S. California cracks down on political and pornographic deepfakes // Engadget : [сайт]. URL: <https://www.engadget.com/2019-10-07-california-deepfake-pornography-politics.html> (дата обращения: 11.07.2021).

² Калифорния ввела два закона против дипфейков // Хабр : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/470652> (дата обращения: 11.07.2021).

³ В Китае публикацию дипфейков отнесли к уголовным преступлениям // Хабр: [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/478362> (дата обращения: 11.07.2021).

увеличение быстродействия и мощности суперкомпьютеров, опережающие разработки «искусственного интеллекта» ставят на повестку дня проблему политического воздействия дипфейков на массовую аудиторию, посредством которых обходится языковой барьер, и при этом используются различные психологические инструменты» [8, с. 94].

Американский исследователь Дуглас Харрис убеждён, что «пока мы ждём, что национальные правовые механизмы по регулированию дипфейков потенциально могут вступить в действие, технологии будут развиваться. Сейчас требуется несколько часов, чтобы сделать фальшивку. Скоро потребуется несколько секунд, и продукт будет неотличим от реального видео. Поэтому обсуждать опасность и регулирование дипфейков нужно уже сейчас»¹.

На наш взгляд, стоит установить запрет на использование изображений политических лидеров государств и предусмотреть уголовную ответственность за распространение дипфейков, как это уже сделано в Китае.

Заключение

Основная проблема дипфейков на сегодняшний день заключается в том, что сфера искусственного интеллекта слабо охраняется и регулируется законом. Ответственность за использование и распространение технологий на основе ИИ предусмотрена пока что в одном штате США и в Китае, хотя угроза, которую несут дипфейки, можно смело назвать мировой. В будущем одним из способов решения обозначенной проблемы видится создание нормативно-правовой базы, закрепляющей как категориальный аппарат, так и ответственность за халатное и преступное поведение с искусственным интеллектом. Интернет сегодня охватывает практически весь земной шар, поэтому распространение угроз, которые несёт дипфейк, может происходить повсеместно. Поэтому, на наш взгляд, следует принять международную конвенцию и отразить основополагающие положения в национальных законодательствах государств всего мира.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасанова Р. Б. Идентификационное значение голосовых сообщений при расследовании преступлений // Закон и власть. 2021. № 2. С. 43–46.
2. Гарифуллин И. М. Использование нейросетей для выявления мошеннических транзакций // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 30–32.
3. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 4. С. 379–386.
4. Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. № 4 (173). С. 63–70.
5. Зинин А. М. Нейросети и судебно-портретная экспертиза // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 66–69.
6. Кирова Л. М., Макаревич М. Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1 (27). С. 58–63.
7. Коробейников А. В., Мкртчян А. Ф., Ситников В. В., Наговицын А. В. Прогнозирование периода стойкости металлорежущего инструмента на основе нейросети // Интеллектуальные системы в производстве. 2020. Т. 18. № 3. С. 95–102.
8. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 93–98.

¹ Harris D. Deepfakes: false pornography is here and the law cannot protect you [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1333&context=dltr> (дата обращения: 11.07.2021).

9. Масленкова Н. А. Дипфейк: пользовательский контроль визуального контента в интернете // Пользовательский контент в современной коммуникации: сборник / сост. И. В. Топчий. Челябинск, 2021. С. 186–189.
10. Морзов И. И., Сай С. В. Особенности построения нейросетей в задачах распознавания рукописных символов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 4 (59). С. 9–20.
11. Овчинников А. И. Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 131–134.
12. Симанович Л. Н. Искусственный интеллект: оценивать государственные закупки будут машины // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 2 (12). С. 46–48.
13. Сорокин В. Н., Вьюгин В. В., Тананыкин А. А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Информационные процессы. 2012. № 1. С. 1–30.
14. Bondarenko V. M., Aleshkovski I. Social and Economic Development Models in the Digital Transformation Era // Journal of Economic Science Research. 2019. Vol. 2. № 1. P. 35–39.
15. Goloventchik G. G., Zhyrkevich A. B. Assessment of the digital transformation of european countries with small open economies // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2020. № 2. С. 27–37.
16. Gutbrod M. Digital transformation in economy and law // Digital Law Journal. 2020. Vol. 1. № 1. P. 12–23.

REFERENCES

1. Gasanova R. B. [The identification value of voice messages in the investigation of crimes]. In: *Zakon i vlast* [Law and power], 2021, no. 2, pp. 43–46.
2. Garifullin I. M. [Using neural networks to detect fraudulent transactions]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovation Science], 2021, no. 3, pp. 30–32.
3. Ivanov V. G., Ignatovsky Ya. R. [Deepfakes: Political Perspectives and Threats to Personality and National Security]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration], 2020, no. 4, pp. 379–386.
4. Zheludkov M. A. [Justification of the need to adapt the activities of law enforcement agencies to the digital transformation of the criminal environment]. In: *Lex russica*, 2021, no. 4 (173), pp. 63–70.
5. Zinin A. M. [Neural networks and forensic examination]. In: *Vestnik kriminalistiki* [Forensic Science Bulletin], 2020, no. 2 (74), pp. 66–69.
6. Kirova L. M., Makarevich M. L. [Legal aspects of using neural networks]. In: *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 2018, no. 1 (27), pp. 58–63.
7. Korobeinikov A. V., Mkrtchyan A. F., Sitnikov V. V., Nagovitsyn A. V. [Forecasting the service life of a metal-cutting tool based on a neural network]. In: *Intellektualnye sistemy v proizvodstve* [Intelligent Systems in Production], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 95–102.
8. Krasovskaya N. R., Gulyaev A. A. [Consciousness manipulation technologies using deepfakes as a tool of information warfare in the political sphere]. In: *Vlast* [Power], 2020, vol. 28, no. 4, pp. 93–98.
9. Maslenkov N. A. [Deepfake: User Control of Visual Content on the Internet]. In: Topchiy I. V., ed. *Polzovatel'skii kontent v sovremennoi kommunikatsii* [User content in modern communication]. Chelyabinsk, 2021, pp. 186–189.
10. Morzhov I. I., Sai S. V. [Features of building neural networks in problems of handwritten character recognition]. In: *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific State University], 2020, no. 4 (59), pp. 9–20.
11. Ovchinnikov A. I. [Law and legal awareness in the context of digitalization of society]. In: *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta* [Journal of Law Faculty, Southern Federal University], 2020, vol. 7, no. 2, pp. 131–134.
12. Simanovich L. N. [Artificial intelligence: machines will evaluate government procurement]. In: *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2017, no. 2 (12), pp. 46–48.
13. Sorokin V. N., Vyugin V. V., Tananykin A. A. [Personality recognition by voice: an analytical overview]. In: *Informatsionnye protsessy* [Information processes], 2012, no. 1, pp. 1–30.
14. Bondarenko V. M., Aleshkovski I. Social and Economic Development Models in the Digital Transformation Era. In: *Journal of Economic Science Research*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 35–39.

15. Goloventchik G. G., Zhyrkevich A. B. Assessment of the digital transformation of european countries with small open economies. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of the Belarusian State University. Economy], 2020, no. 2, pp. 27–37.
16. Gutbrod M. Digital transformation in economy and law. In: *Digital Law Journal*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 12–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселёв Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного областного университета, старший преподаватель департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: pain068@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Kiselev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Civil Law, Moscow Region State University, senior lecturer, Department of International and Public Law, Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: pain068@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64

FOR CITATION

Kiselev A. S. On the Expansion of Legal Regulation in the Field of Artificial Intelligence: Deepfake as a Threat to National Security. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 54–64.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64

УДК-340

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-65-76

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРСПЕКТИВАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА: ПРАВОСОЗНАНИЕ В ПРОЕКЦИИ БУДУЩЕГО

Попова Н. Н.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
117218, г. Москва, Большая Черёмушkinsкая ул., д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Научное рассмотрение перспектив трансформации права в связи с факторным влиянием развития технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Процедура и методы. Был проведён анализа современного мирового футурологического и прогностического дискурса в части возможных влияний искусственного интеллекта на сферу права. Источниковую базу исследования составляют прежде всего тексты футурологического дискурса, отражающие представления о влиянии технологических изменений на сферу права. Используются также материалы социологических опросов, отражающих восприятие российским населением искусственного интеллекта и дающих соответствующие проекции в отношении диагностики правосознания.

Результаты. В ходе работы были выявлены актуальные аспекты правового регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта. Обозначены тенденции и перспективы трансформации права в области общественных отношений, связанных с использованием ИИ. Сделан вывод, что длительная процедура принятия законов отстает от процесса технологического обновления. Подчеркивается важность принятия на международном уровне универсальных правовых подходов к развитию технологий искусственного интеллекта, в которых бы были заложены общие принципы на длительную перспективу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию цифрового права посредством категориального уточнения ряда понятий, создавая предпосылки дальнейшего углублённого концептуального изучения правовых явлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, правосознание, цифровизация, права человека, дискурс, новые технологии, будущее, цифровое общество

DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE PROSPECTS OF TRANSFORMATION OF LAW: LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE PROJECTION OF THE FUTURE

N. Popova

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bolshaya Cheryomushkinskaya ul., Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. Scientific consideration of the prospects for the transformation of law in connection with the factor influence of the development of artificial intelligence (AI) technologies.

Methodology. An analysis of the modern world futurological and prognostic discourse was carried out in terms of the possible artificial intelligence influences on the field of law. The source basis of the study is primarily the texts of futurological discourse, reflecting ideas about the technological changes impact on the field of law. Materials from sociological surveys reflecting the perception of artificial intelligence by the Russian population and giving appropriate projections regarding the diagnosis of legal consciousness are also used.

Results. During the work, topical aspects of the legal regulation of the introduction of artificial intelligence technologies were identified. Trends and prospects for the transformation of law in the field of public relations related to the use of AI are outlined. It was concluded that the lengthy procedure for adopting laws protects against the process of technological updating. The importance of adopting universal legal approaches to the development of artificial intelligence technologies at the international level, which would lay down general principles for the long term, is emphasized.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of digital law through the categorical clarification of a number of concepts, creating the prerequisites for a further in-depth conceptual study of legal phenomena.

Keywords: artificial Intelligence, right, legal awareness, digitalization, human rights, discourse, new technologies, digital society

Введение

Смены технологических укладов в истории приводили к системным изменениям в функционировании сообществ, проходивших соответствующую трансформацию. Эти изменения касались не только экономики или социальных отношений, но также социокультурной сферы и сферы права.

В марксистской традиции природа данных трансформаций рассматривалась через призму отношений базиса и надстройки. Но понятие «базис» сводило это влияние к доминанте характера производственных отношений и не учитывало собственно технологий. В этом отношении теория технологических укладов вносила важное дополнение в определение драйвера происходящих изменений в обществе, включая и правовые изменения.

Очевидно, что первые четыре технологических уклада, сопряжённых с развитием крупного индустриального производства, концентрацией труда и конвейеризаций, оказывали влияние на эволюцию права в направлении актуализации социальных гарантий человека. Пятый технологический уклад с характерным развитием постиндустриального сектора оказал, прежде всего, влияние на формирование запроса расширения спектра реализации индивидуальных потребностей, защиты автономности индивидуума. Этот вектор трансформации права зачастую экстраполировался в правовой и политологической литературе, а также публицистике на шестой и последующие технологические уклады [7; 8; 15; 31].

Однако рефлексия 2020 г. антиковидных ограничительных мероприятий вызвала

скептическое отношение к такой перспективе в развитии права. Получили развитие алармистские настроения, связанные с возможностями тотального цифрового контроля как отрицания классических норм прав человека. В любом случае очевидно, что новые, связываемые с шестым технологическим укладом, технологии приведут к кардинальным правовым изменениям. Особого внимания в этой связи заслуживает развитие технологий искусственного интеллекта [19].

Различные аспекты модернизации права в фокусе технологий искусственного интеллекта получили к настоящее время определённое отражение в научной литературе как по общей, так и отраслевой проблематике. За редким исключением такого рода разработки имели место в рамках западного научного пространства, но в последнее время они оказались представлены и российским правоведением. В этих публикациях отмечается, что законодательство не соотносится с динамикой развития технологий, а также указывалось на необходимость установления соответствующих норм на уровне международного права [5; 13; 14; 16; 17; 24].

Рассмотрение влияния цифровизации и технологий искусственного интеллекта (ИИ) на сферу права предполагает внесение соответствующих категориальных уточнений. Эти уточнения определяются неточностью перевода на русский язык базовых понятий – «цифровой» и «искусственный интеллект».

«Цифра» в английском языке, как известно, обозначается понятиями *numeral* и *digital*, имеющими различные семанти-

ческие акценты. В русском языке такого разграничения нет, и под понятие «цифра» подводится и то, что обозначается *numeral*, и то, что обозначается *digital*. Между тем *numeral* обозначает цифру как знак (не букву), тогда как *digital* – количественный ряд. Цифровизация в этом отношении относится именно к *digital*, подразумевая использование больших количественных данных. К новым технологическим перспективам относится понятие «диджитализация» (дигитализация), а вовсе не «нумерология» (учение о семантике цифры как знака). К сожалению, в российском дискурсивном пространстве эти акценты оказываются нивелированы, и цифровизация зачастую воспринимается не как обработка больших объёмов информации, а как сам цифровой формат.

На восприятие проблемы искусственного интеллекта в России также наложила отпечаток специфика перевода. На Западе исходно применяется понятие *intelligence*, подразумевающее способность к разумному рассуждению, построению соответствующих мыслительных операций. В то же время используемое преимущественно сегодня в российском дискурсивном пространстве понятие *intellect* указывает на некую антропоморфную субъектность, квазичеловека. Такой поворот уводит дискурс несколько в сторону от проблемы новых технологий.

Проблема правосубъектности искусственного интеллекта

Ещё в 1942 г. научным фантастом Айзеком Азимовым были сформулированы 3 закона робототехники. Никогда формы реальных законов они не принимали, представляя собой в большей степени моральные интенции в отношении перспектив развития научно-технического прогресса. Но для правосознания представления о правовой системе будущего «законы робототехники» имеют особое значение. Для футурологического дискурса они являются одной из основополагающих компонент. Законы Азимова адресованы

не человеку, а роботу – искусственному интеллекту, т. к. подразумевают, что машина сможет в будущем принимать самостоятельные решения¹.

Сообразно с первым законом, робот не может действиями или бездействием причинять вред человеку. Второй закон предписывает повиноваться приказам человека, за исключением тех случаев, когда это вступает в противоречие с Первым законом. Третий закон даёт возможность роботу заботиться о своей безопасности в той степени, насколько это право не противоречит Первому и Второму законам. В дальнейшем законы уточнялись, а их перечень предлагалось расширить. Сегодня говорят о том, что законы Азимова оказываются по разным причинам в перспективе развития технологий искусственного интеллекта нефункциональными.

Фактически в 1942 г. Азимовым была предпринята первая попытка заявить искусственный интеллект (тогда это понятие не использовалось, и применялось введённое двумя десятилетиями ранее Карлом Чапеком понятие «робот») в качестве субъекта права. Казавшаяся в середине XX столетия фантастической сама постановка вопроса о правах роботов в настоящее время является «передовой» темой философско-правового дискурса. Технологии всё более приближаются к границе создания самообучающихся программ. Самообучающаяся программа уже не будет являться исключительно инструментом в руках человека – имеются прецеденты прохождения машиной «теста Тьюринга»². Потенциально возможной оказывается ситуация выхода ИИ из-под контроля человека [3].

¹ Три закона робототехники // Википедия : [сайт]. https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_робототехники (дата обращения 10.05.2021).

² Ваннах М. Как одессит Густман прошёл тест Тьюринга // Компьютерра : [сайт]. URL: <https://www.computerra.ru/182183/kak-odessit-gustman-proshel-test-tyuringa> (дата обращения: 10.05.2021); Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence. 1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csee.umbc.edu/courses/471/papers/turing.pdf> (дата обращения 10.05.2021).

Такого рода перспективы задают постановку казавшейся прежде очевидной для права проблемы определения человека. В базовых международных (например, Всеобщая декларация прав человека) и национальных правовых источниках такого определения не даётся. Природа человека подразумевается как нечто самоочевидное. Однако в связи с развитием искусственного интеллекта такая самоочевидность исчезает.

Если определять человека через наличие мышления или способность к каким-либо операциям, следует в таком случае относить к нему и искусственно созданный интеллектуальный механизм. Отдельные представители философии постмодерна, собственно, этого и добиваются, предлагая расширить границы права на обладающие человеческим интеллектом машины. Другие говорят о разработке параллельных сфер права – для людей и искусственных интеллектуальных систем [29].

Единственное фактически, во что опирается продвижение соответствующих идей, – позиция религии. Сообразно с религиозной традицией, человек отличается от любой самой интеллектуальной машины наличием души. Но религиозный фактор сдерживания постепенно ослабевает, и идеи правовой легитимизации искусственного интеллекта уже не кажутся, как прежде, некой аномалией. Символическим шагом в этом отношении являлось предоставление роботессе Софии, обещавшей уничтожить человечество, гражданства Саудовской Аравии [2].

Технологии ИИ предоставляют возможность использующим их физическим и юридическим лицам достигать гораздо более высоких результатов. Внедрение их потенциально создаёт ситуацию принципиального неравенства в конкурентной борьбе. Не исключено и возникновение устремлений применить технологии против конкурентов. На настоящее время правовых ограничений для такого применения не существует.

Позиция о неизбежности признания искусственного интеллекта в качестве особого типа личности («электронная личность») получила сравнительно широкое распро-

странение в футурологической литературе. Принятие позиции такого признания порождает другую проблему – правового разграничения человека и ИИ. В ходе обсуждения выясняется, что отсутствует конвенциональное правовое определение не только в отношении искусственного интеллекта, но и в отношении человека [6; 11].

Наиболее развёрнутая система аргументов, почему искусственный интеллект не может с юридической точки зрения получить права, которыми обладает человек, была приведена Лоуренсом Соулумом. Первый аргумент состоял в том, что по отношению к человеку используется характеристика *рождённый*. Соулум ссылаясь, в частности, на такую характеристику в Конституции США. Искусственный интеллект *создаётся*, но не рождается, что не даёт в рамках описываемой логики считать его человеком. Вторая группа аргументов сводится к тому, что ИИ не обладает чувством, волей, сознанием, не имеет национальности, т. е. лишён базовых характеристик для любой личности. Даже при развитии интеллектуальных навыков, самосознание у него отсутствует. Наконец, третья группа аргументов акцентирована на принадлежности искусственного интеллекта исходно какому-то владельцу, тогда как человеческий разум никому не принадлежит. Даже человек, находящийся в рабстве, в отличие от ИИ имеет внутреннюю свободу, которой нет у машины [30].

Повестка правового регулирования технологий искусственного интеллекта

Правовое регулирование в деятельности международных организаций

О рисках нарушения прав человека и права в целом при развитии искусственного интеллекта заговорили уже сравнительно давно. Ещё в 2012 г. Еврокомиссией был инициирован проект *RoboLaw*, цель которого состояла в проведение исследования о соотношении новых технологий, в т. ч. искусственного интеллекта, с правовой системой Европы, о продуцируемых ими угрозах в отношении фундаментальных

прав и свобод. Сама постановка вопроса на уровне авторитетной международной организации указывала, что правовые риски действительно существуют [20; 27].

По истечении 2-х лет реализации проекта был представлен отчёт «Руководство по регулированию робототехники», направленному на выработку принципов формирования правовой среды для развития технологий ИИ. По мере продвижения в осознании продуцируемых развитием технологий искусственного интеллекта проблем сложилось представление о необходимости внесения в право моральных норм его регулирования.

Следующим шагом в 2017 г. Европарламентом были приняты Нормы гражданского права о робототехнике как платформы для дальнейшей модернизации законодательства. В 2019 г. от лица ЕС увидела свет Директива об этическом подходе к использованию искусственного интеллекта. В ней подчёркивалось, что новые технологии не должны привести к ограничению субъектности человека. Особое внимание обращалось на обеспечение контроля гражданами за своими персональными данными и запрете использования сбора и обработки посредством искусственного интеллекта сведений о людях во вред им.

Обеспокоенностью о потенциальных нарушениях прав человека мотивировалось принятие в 2019 г. Советом по правам человека ООН резолюции по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий. С рядом предупреждающих инициатив выступила также в этой связи ЮНЕСКО. В этой же логике находятся создание в рамках ОЭСР Рекомендаций по искусственному интеллекту и механизма мониторинга политики в области ИИ. Рабочие группы, предназначенные для рассмотрения рисков, связанных с развитием технологий искусственного интеллекта, были созданы даже Лигой арабских государств и Африканским союзом. Представленная специальной группой экспертов в сентябре 2020 г. рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта декларировала ряд принципов этичности, имеющих,

соответственно, и правовые проекции: соразмерность и непричинение вреда; безопасность и защищённость; справедливость и недискриминационность; устойчивость; неприкосновенность частной жизни; подконтрольность и подчинённость человеку; прозрачность и объяснимость; ответственность и подотчётность; осведомленность и грамотность; многостороннее и адаптивное управление и взаимодействие¹.

Необходимо отметить, что вопросы правового регулирования вопросов, связанных с развитием робототехники и искусственного интеллекта, входят в дорожную карту принятой в 2017 г. Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (п. 1.8.1). Срок исполнения в дорожной карте был указан II квартал 2019 г. В этом отношении важно зафиксировать, что правовые разработки регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта не являются отдалённой перспективой, а рассматриваются плановой задачей ближайших лет. Другая фиксация состоит в том, что срок, обозначенный дорожной картой, был нарушен, и по прошествии 2-х лет вопрос не решён. Очевидно, что его решение оказалось чрезвычайно сложной задачей, предполагающей большей определенности в понимании будущего².

Риски нарушения прав человека

Искусственный интеллект действительно даёт возможность быстрого получения обработки огромного массива информации по следам любого человека, оставленным в интернет. На основании полученных сведений возможно манипулятивно воздействовать на человека, составлять соответствующие психогаммы. Пока законодательство пы-

¹ Первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://ifap.ru/pr/2020/n201116a.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

тается защитить человека через запрет для организаций разглашать персональные данные, что на практике обходится фактически повсеместно, т. к. оказывается не сочетаемым с другими предписаниями. А, кроме того, и сам человек оставляет фактически ежедневно «следы» в виртуальном пространстве, и это может быть использовано искусственным интеллектом против него [4].

Наиболее резонансными из футурологических прогнозов являются, как известно, прогнозы Рэймона Курцвейла. Сообразно с ними, к 2030 г. компьютер будет вживляться в человека. Такого усовершенствованного человека нельзя назвать роботом. Но прежние касающиеся его правовые предписания утратят, очевидно, свою актуальность. Как должна быть выстроена система права для человека-киборга – на это счёт ответ пока не сформулирован [25; 26].

Антиковидная практика 2020 г., подтолкнувшая развитие цифровых технологий, вызвала рост алармистских настроений среди определённой части общества. Соответствующие настроения усилились и в оценках восприятия перспектив развития ИИ. В целом наблюдается тенденция роста негативных коннотаций, распространяемых в т. ч. на сферу правосознания [12]. Перспективы развития технологий искусственного интеллекта всё больше стали связываться с усилением контроля государства над человеком, нарушением его правовой автономности. Получил распространение концепт «цифрового тоталитаризма», в котором роль драйвера тоталитарного перехода отводится именно ИИ. И если до 2020 г. концепт воспринимался как маргинальная оппозиционность противников прогресса, то антиковидные ограничительные меры привели к кооптации в ряды его сторонников многих видных представителей общественной мысли.

Среди тех, кто предупреждает сегодня об угрозах «цифрового тоталитаризма», находится, к примеру, один из наиболее популярных мыслителей современности израильский философ и историк Юваль Харари¹.

¹ Harari Y. N. The world after coronavirus // Financial Times : [сайт]. URL: <https://www.ft.com/>

Особую обеспокоенность в свете угроз для реализации прав человека вызывает использование технологий искусственного интеллекта в КНР, в т. ч. в связи с внедрением системы социального кредитования².

Коллизии с закреплёнными ООН правами человека и развитием технологий ИИ в возможностях их применения государством или крупными корпорациями действительно возникают. И, вероятно, также на уровне ООН должны быть приняты положения о мерах по защите прав человека в условиях цифровых трансформаций.

Проблема правовой ответственности

Проблема прав искусственного интеллекта дополняется, с другой стороны, проблемой ответственности. При использовании для противоправных деяний цифровых технологий человеком субъект ответственности очевиден. Но если соответствующее деяние было совершено самой искусственной системой в результате её саморазвития или сбоя, очевидность ответственности исчезает. При признании ответственности самого искусственного интеллекта неизбежно возникает вопрос о его правосубъектности [23].

Не ясно и какие виды ответственности должны быть предусмотрены для искусственного интеллекта. Возникают также и специфические вопросы по субъекту ответственности (например, ответственность за совершённые врачебные ошибки). А в этой связи и следующий вопрос о праве врача на передачу своих функций искусственному интеллекту [28].

content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (дата обращения: 10.05.2021).

² Mozur P. China moves towards 'digital totalitarian state' as surveillance technology continues to advance // Independent : [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/china-technology-surveillance-network-totalitarian-state-spy-a9251971.html>, Nazeer T. Digital Surveillance and 'Technological Totalitarianism' // ByLine Times : [сайт]. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/07/the-coronavirus-crisis-digital-surveillance-and-technological-totalitarianism>; Qiang X. The rise of China as a digital totalitarian state Opinion by // The Washington Post: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/21/china-internet> (дата обращения: 10.05.2021).

Авторское право

Распространение технологий искусственного интеллекта выводит также на повестку дня вопрос о пересмотре основ авторского права. Появление новых технологий уже стало сегодня весомым аргументом для пиратских партий.

Искусственный интеллект работает с большими количественными данными, аккумулирует и перерабатывает всю находящуюся в виртуальном пространстве информацию. Авторство при такой аккумуляции нивелируется. Но ИИ создаёт на основании соответствующей переработки информации новый контент. Кто является автором этого контента и кому принадлежит право обладания? Современное законодательство в области авторского права не даёт на этот вопрос соответствующего разъяснения [9; 10]. Уже выдвигаются предложения распространения категории авторства на машину [18].

Антимонопольное законодательство

Новым явлением в экономической жизни стал феномен «цифровых картелей», в которых картельный сговор осуществляется посредством применения технологий искусственного интеллекта. С помощью новых технологий осуществляется торпедирование действия системы антимонопольного законодательства. Известны прецеденты создания работающих на торгах аукционных роботов. Мониторинг цен на рынке осуществляют ценовые роботы. Очевидно, что антимонопольное законодательство в связи с развитием технологий искусственного интеллекта требует корректировки [22].

Международное право

Перспективы развития технологий ИИ актуализируют также необходимость регулирования проблемы межгосударственного взаимодействия. Резонансно прозвучали в связи с угрозами и перспективами развития искусственного интеллекта слова Президента Российской Федерации В. В. Путина, произнесённые на всероссийском открытом уроке 1 сентября 2019 г. о

том, что монополист в этой сфере может стать властелином мира¹.

Стремление к достижению монополистского положения одними геополитическими акторами и недопущение другими объективно выводит на новую фазу гонки вооружений с непредсказуемыми для человечества последствиями. Вероятный, учитывая возможности саморазвития, сбой в программах искусственного интеллекта может привести человечество к глобальной катастрофе. Уязвимость мира в этой перспективе явно возрастает. И, соответственно, предупреждением такого рода перспектив должен стать широкий международный договор при иницилирующей роли ООН о запрете или ограничениях использования технологий ИИ в целях нанесения ущерба государствам, организациям, частным лицам. Очевидна при этом сложность заключения такого договора, как в силу современных межгосударственных противоречий и неравномерности технологического развития, так и ввиду недостаточной изученности потенциальных возможностей искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект в правосознании российского общества

Отношение россиян к перспективам развития технологий ИИ были диагностированы опросом ВЦИОМ, результаты которого представлены в конце января 2020 г. Опрос проводился до введения антиковидных мер, которые, вероятно, могли бы привести к существенной коррекции общественного мнения. Тем не менее полученные данные отражают с высокой долей репрезентативности восприятие темы развития искусственного интеллекта на уровне массового общественного сознания, включая в т. ч. компоненту правосознания².

¹ Открытый урок «Россия, устремлённая в будущее» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/55493> (дата обращения: 10.05.2021).

² Искусственный интеллект: угроза или возможность? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyj-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost> (дата обращения: 10.05.2021).

Опрос обнаружил недостаточную осведомлённость населения в отношении темы искусственного населения в целом. Четверть населения призналась, что впервые слышат о данном явлении, а ещё 46% – что не смогут объяснить его сути. В большинстве населения обнаружено умеренно-оптимистическое отношение к развитию новых технологий. О своём недоверии к искусственному интеллекту заявило только 10% респондентов. При этом 34% опрошенных указало, что дальнейшее развитие технологий ИИ предполагает совершенствование законов. Такой ответ подразумевает, что законодательство на настоящее время не адаптивно к новым технологиям.

Наибольшее неприятие вызвало у населения возможность распространения технологий ИИ в сферах образования (26%), здравоохранения (24%), безопасности (20%). Важно диагностировать факт, что значительные группы общества полагают, что распространение технологий искусственного населения на эти сферы окажется нарушением прав человека. Из тех, кто выразил негативное отношение к искусственному интеллекту в целом, 9% заявило, что его внедрение является прямым нарушением действующего законодательства. Из сфер, в которых респонденты лично для себя допускали возможность использовать технологии ИИ, наименее приемлемой оказалась сфера юридических услуг. Это отражает то понимание, что законы в России не являются не столько информацией, которую можно получить при помощи соответствующих технологий, сколько интерпретаций.

К вопросам правового регулирования, судя по результатам опроса, должен быть отнесён и вопрос о гарантиях населения от безработицы при внедрении в общественную жизнь новых технологий. Об опасении потерять работу в связи с развитием искусственного интеллекта заявило 30% россиян, что является показателем достаточно больших опасений в обществе в связи с негативными последствиями технологического процесса. В возрастной группе 18–24 лет опасается потерять работу в свя-

зи с развитием ИИ 20%, свидетельствуя, что решение проблемы не сводится в восприятии общества к перекавалификации. Значительная часть только входящей в профессиональную деятельность или ещё не вошедшей в неё молодежь не верит в возможность профессионально найти себя при распространении технологии искусственного интеллекта¹.

Заключение

Таким образом, проблема разработки законодательства, блокировавшего бы риски развития технологий искусственного интеллекта, фиксируется в экспертном сообществе уже достаточно давно. Но существенного продвижения в её решении не происходит. Соответствующие законодательные разработки имеют преимущественно отраслевой характер и сосредоточены на отдельных сегментах проблемы. Наиболее системными оцениваются соответствующие законодательные нововведения в сфере, связанной с летательными аппаратами и беспилотными средствами [21].

Сложности проведения соответствующих разработок видятся, во-первых, в том, что законодательство объективно отстаёт от динамики технологического развития. Достаточно длительная процедура принятия законов отстаёт от процесса технологического обновления. Непривычной является и предполагаемая в этой связи модель постоянной законодательной модернизации, коррелируемой с изменениями технологий. То, что такой подход может привести к правому хаосу в целом, а не только в сфере искусственного интеллекта, очевидно. Отсюда как выход выдвигается второй подход о разработке, вероятно на международном уровне, универсальных правовых подходов к развитию технологий ИИ, в которых были бы заложены общие принципы на длительную перспективу.

¹ Искусственный интеллект: угроза или возможность? [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyj-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost> (дата обращения 10.05.2021).

Но сложность реализации этой идеи сопряжена со вторым сдерживающим обстоятельством – неопределённостью будущего, отсутствием конвенциональной картины «завтра». Футурология в целом сегодня смещена в сферу научной фантастики и эссеистики. Очевидный на сегодня запрос на интегральную науку о будущем, приходится признать, не реализован. Не сложилась, соответственно, и направле-

возможность проведения опережающих правовых разработок. Необходимость синтеза юриспруденции с другими науками, как гуманитарной и обществоведческой, так и технической направленности, является главным рекомендательным выводом в отношении осмысления правовых изменений, сопряжённых с внедрением технологий искусственного интеллекта.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защитить конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М., 2018. 311 с.
2. Багдасарян В. Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и Постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 84 с.
3. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
4. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
5. Войниканис Е. А., Семёнова Е. В., Тюляев Г. С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 137–148.
6. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.
7. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
8. Гуриева Л. К. Концепция технологических укладов // Инновации. 2004. № 10. С. 70–75.
9. Мачанов Д. Н. Искусственный интеллект и правовые проблемы авторства // Образование и право. 2019. № 12. С. 272–275.
10. Морхат П. М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. 121 с.
11. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование. М.: Юнити-Дана, 2018. 113 с.
12. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайлёнок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.
13. Певцова Е. А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.
14. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
15. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.
16. Умнова-Конюхова И. А., Алферова Е. В., Алешкова И. А. Цифровое развитие и права человека. М.: ИНИОН РАН, 2021. 174 с.
17. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
18. Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. № 4. P. 1079–1126.
19. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, 2014. 352 p.

20. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // *Computer Law & Security Review*. 2015. № 31 (3). P. 376–389.
21. Ernest N., Carroll D., Schumacher C., Clark M. Genetic Fuzzy based Artificial Intelligence for Unmanned Combat Aerial Vehicle Control in Simulated Air Combat Missions [Электронный ресурс] // *Journal of Defense Management*. 2016. Vol. 6. Iss. 1. URL: <https://www.longdom.org/open-access/genetic-fuzzy-based-artificial-intelligence-for-unmanned-combat-aerialvehicle-control-in-simulated-air-combat-missions-2167-0374-1000144.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
22. Ezrachi A., Stucke M. *Two Artificial Neural Networks Meet in an Online Hub and Change the Future (Of Competition, Market Dynamics and Society)*. Oxford, 2017. 54 p.
23. Hallevy G. *Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems*. Dordrech, 2015. 262 p.
24. Khisamova Z. I., Begishev I. R., Gaifutdinov R. R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Vol. 9. № 1. P. 5159–5152.
25. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Viking Adult, 1999. 388 p.
26. Kurzweil R. *The singularity is near: when humans transcend biology*. New York: Viking Adult, 2005. 602 p.
27. Palmerini E., Azzarri F., Battaglia F., Bertolini A., Carnevale A., Carpaneto J., Cavallo F. Guidelines on Regulating Robotics (Regulating Emerging Robotic Technologies in Europe: Robotics facing Law and Ethics) // *RoboLaw* : [сайт]. URL: http://www.robotlaw.eu/RoboLaw_files/documents/robotlaw_d6.2_guidelinesregulatingrobotics_20140922.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
28. Scherer M. U. *Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies* // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2016. № 29 (2). P. 353–400.
29. Solaiman S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. Iss. 2. P. 155–179.
30. Solum L. B. *Legal Personhood for Artificial Intelligences* // *North Carolina Law Review*. 1992. № 70 (4). P. 1231–1287.
31. *Techno-Economic Paradigms: Essays in Honour of Carlota Perez* / ed. Drechsler W., Kattel R., Reinert E. S. London: Anthem Press, 2011. 442 p.

REFERENCES

1. Tsarikovsky A. Yu., Ivanov A. Yu., Voinikanis E. A., eds. *Antimonopolnoe regulirovanie v tsifrovuyu epokhu: kak zashchitit konkurentsuyu v usloviyakh globalizatsii i chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Antitrust Regulation in the Digital Age: How to Protect Competition in the Context of Globalization and the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2018. 311 p.
2. Bagdasaryan V. E. *Zaglyanut za chertu. Iskusstvennyy intellekt i Postchelovek: problema tsennostnogo programmirovaniya* [Look beyond the line. Artificial Intelligence and Posthuman: The Problem of Value Programming]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 849 p.
3. Bagdasaryan V. E. [Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23.
4. Bagdasaryan V. E. *Matritsy obshchestvennogo soznaniya* [Public Consciousness Matrices]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 416 p.
5. Voinikanis E. A., Semenova E. V., Tyulyaev G. S. [Artificial Intelligence and Law: Challenges and Opportunities for Self-Learning Algorithms]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 2018, no. 4, pp. 137–148.
6. Gadzhiev G. A. [Is the robot agent a face? (Search for legal forms to regulate the digital economy) in]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1, pp. 15–30.
7. Glazev S. Yu. [Modern theory of long waves in economic development]. In: *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2012, no. 2, pp. 27–42.
8. Gurieva L. K. [The concept of technological orders]. In: *Innovatsii* [Innovations], 2004, no. 10, pp. 70–75.
9. Machanov D. N. [Artificial Intelligence and Legal Problems of Authorship]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2019, no. 12, pp. 272–275.
10. Morkhat P. M. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti i iskusstvennyi intellekt* [Intellectual Property Law and Artificial Intelligence]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2018. 121 p.

11. Morkhat P. M. *Pravosubektnost yunitov iskusstvennogo intellekta: grazhdansko-pravovoe issledovanie* [Legal Personality of Artificial Intelligence Units: Civil Law Research]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2018. 113 p.
12. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstafev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoilo A. V., Mikhailenok O. M., Petrenko A. I., Prokofev V. F. [Covid-19 pandemic: the end of the familiar world?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronny zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.
13. Pevtsova E. A. [The impact of artificial intelligence on human legal activity]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 9, pp. 19–31.
14. Ponkin I. V., Redkina A. I. [Artificial intelligence from the perspective of the law]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2018, vol. 22, no. 1, pp. 91–109.
15. Sadovnichy V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu. *Modelirovanie i prognozirovanie mirovoi dinamiki* [Modeling and forecasting world dynamics]. Moscow, ISPI RAN Publ., 2012. 359 p.
16. Umnova-Konyukhova I. A., Alferova E. V., Aleshkova I. A. *Tsifrovoe razvitie i prava cheloveka* [Digital Development and Human Rights]. Moscow, INION RAN Publ., 2021. 174 p.
17. Yastrebov O. A. [Artificial intelligence in the legal space]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2018, vol. 22, no. 3, pp. 315–328.
18. Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law. In: *Boston College Law Review*, 2016, vol. 57, no. 4, pp. 1079–1126.
19. Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, 2014. 352 p.
20. Čerka P., Grigienė J., Širbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence. In: *Computer Law & Security Review*, 2015, no. 31 (3), pp. 376–389.
21. Ernest N., Carroll D., Schumacher C., et al. Genetic Fuzzy based Artificial Intelligence for Unmanned Combat Aerial Vehicle Control in Simulated Air Combat Missions. In: *Journal of Defense Management*, 2016, vol. 6, iss. 1. Available at: <https://www.longdom.org/open-access/genetic-fuzzy-based-artificial-intelligence-for-unmanned-combat-aerialvehicle-control-in-simulated-air-combat-missions-2167-0374-1000144.pdf> (accessed: 10.05.2021).
22. Ezrachi A., Stucke M. *Two Artificial Neural Networks Meet in an Online Hub and Change the Future (Of Competition, Market Dynamics and Society)*. Oxford, 2017. 54 c.
23. Hallevy G. *Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems*. Dordrech, 2015. 262 p.
24. Khisamova Z. I., Begishev I. R., Gaifutdinov R. R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World. In: *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 5159–5152.
25. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York, Viking Adult, 1999. 388 p.
26. Kurzweil R. *The singularity is near: when humans transcend biology*. New York, Viking Adult, 2005. 602 p.
27. Palmerini E., Azzarri F., Battaglia F., et al. Guidelines on Regulating Robotics (Regulating Emerging Robotic Technologies in Europe: Robotics facing Law and Ethics). In: *RoboLaw*. Available at: http://www.robolaw.eu/RoboLaw_files/documents/robolaw_d6.2_guidelinesregulatingrobotics_20140922.pdf (accessed: 10.05.2021).
28. Scherer M. U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. In: *Harvard Journal of Law & Technology*, 2016, no. 29 (2), pp. 353–400.
29. Solaiman S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. In: *Artificial Intelligence and Law*, 2017, vol. 25, iss. 2, pp. 155–179.
30. Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences. In: *North Carolina Law Review*, 1992, no. 70 (4), pp. 1231–1287.
31. Drechsler W., Kattel R., Reinert E. S., eds. *Techno-Economic Paradigms: Essays in Honour of Carlota Perez*. London, Anthem Press, 2011. 442 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Наталья Николаевна – аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник управления по развитию инновационных молодёжных программ и профориентации Дипломатической академии МИД России;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataya N. Popova – postgraduate student, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Departmental Head of Youth Innovative Programs Development and Career Guidance, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попова Н. Н. Развитие технологий искусственного интеллекта в перспективах трансформации права: правосознание в проекции будущего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 65–76.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-65-76

FOR CITATION

Popova N. N. Development of Artificial Intelligence Technologies in the Prospects of Transformation of Law: Legal Consciousness in the Projection of the Future. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 65–76.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-65-76

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.56

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-77-85

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 Г.: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И СУДОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кожевников О. А.^{1,2}, Крысанов А. В.¹

¹Уральский государственный юридический университет

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, Российская Федерация

²Уральский государственный экономический университет

620000, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать конституционные поправки и законодательные изменения, касающиеся «механизма неисполнения» решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации.

Процедура и методы. Исследование базируется на применении общенаучных методов и приёмов – анализе, обобщении, индукции, а также на специальных методах научного познания: формально-юридическом, сравнительно-правовом, технико-юридическом.

Результаты. На основе изучения источниковой базы исследования было установлено, что в Конституции РФ задаются правовые критерии оценки пределов вмешательства международных органов и судов в национальную юрисдикцию при одновременном сохранении признания обязательности для России взятых международных обязательств.

Теоретическая и/или практическая значимость. Достигнутые в ходе исследования результаты в определённой степени обогащают конституционно-правовую теорию и могут способствовать развитию российского правопорядка и совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: поправки к Конституции РФ 2020 г., Конституционный Суд РФ, международные механизмы защиты прав человека, Европейский Суд по правам человека, оценка конституционности, основы публичного правопорядка

CONSTITUTIONAL REFORM 2020: ON THE PECULIARITIES OF THE PURSUANT TO DECISIONS BY INTERGOVERNMENTAL BODIES AND COURTS UNDER FOREIGN JURISDICTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

O. Kozhevnikov^{1,2}, A. Krysanov¹

¹ Ural State Law University

21 Komsomolskaya ul., Yekaterinburg 620137, Russian Federation

²Ural State University of Economics

62 8 Marta ul., Yekaterinburg 620000, Russian Federation

Abstract

Aim. With use of analysis of both constitutional amendments and legislative changes in the "mechanism of non-execution" which have occurred due to decisions made by interstate bodies adopted on the basis of international treaties of the Russian Federation, find out their interpretation that contradicts the Constitution of the Russian Federation.

Methodology. The research is based on the application of general scientific methods and techniques: analysis, generalization, induction, as well as on special methods of scientific knowledge: formal-legal, comparative-legal, technical-legal.

Results. Based on the study of the source base of the study, it was found that the Constitution of the Russian Federation sets out legal criteria to assess the limits of interference of international bodies and courts in national jurisdiction, while maintaining the recognition of the binding nature of the international obligations assumed by Russia.

Research implications. The results obtained in the course of the study enrich the constitutional and legal theory to a certain extent and can contribute to the development of the Russian legal order and the improvement of law enforcement practice.

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, the Constitutional Court of the Russian Federation, international mechanisms for the protection of human rights, the European Court of Human Rights, the assessment of constitutionality, the foundations of public law and order

Введение

Российская Конституция, закрепляя права и свободы человека как высшую ценность, определяет правовые режимы их реализации и устанавливает общие начала их государственной и наднациональной защищённости (преамбула, ст. 2, 17, 18, 19, 45, 46 и др.)¹.

Возможность обратиться в межгосударственные органы по защите прав человека и основных свобод предоставляется человеку в случае, когда потенциал внутригосударственных средств правовой защиты был исчерпан и заключены соответству-

ющие международные договоры (ст. 46 ч. 3 Конституции РФ).

Внутригосударственные и международные механизмы защиты прав человека определяются как основные и дополнительные (субсидиарные) соответственно. Субсидиарность международных способов защиты прав устанавливается на конституционном уровне (ст. 17 ч. 1, ст. 67 ч. 3); в некоторых конвенциональных документах²; поддерживается и в конституционно-правовой науке [4, с. 8]. Дополняя государственные механизмы защиты прав человека, наднациональные органы функционируют на основании и в пределах международного права, формулируют

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «Консультант Плюс».

правовые позиции в качестве положений конвенционного истолкования [2, с. 116]. В отечественной правовой системе общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договорные акты Российской Федерации не только являются её составной частью, но и обладают приоритетом к принимаемым в нашей стране законам (ст. 15 ч. 4 Конституции РФ).

Проблематика координации российско-го и международного правопорядков в деле защиты прав человека в последнее время получила очередной импульс для поиска новых правовых решений. Состоявшаяся конституционная трансформация 2020 г. не только возвела на более высокий уровень юридической иерархии полномочие Конституционного Суда РФ в разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека по запросам компетентного федерального органа исполнительной власти¹ и получившее в среде конституционалистов наименование «механизм неисполнения» решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) [3], но и в значительной степени его (полномочие) видоизменила и расширила (ст. 125 ч. 5.1. п. «б» Конституции РФ; ч. 3.2, ч. 3.3. ст. 3, гл. XIII.1, гл. XII.2 закона о Конституционном Суде).

Практика конституционно-правовой оценки возможности исполнения решений ЕСПЧ на территории РФ

По оценке специалистов, предпосылкой, давшей российскому законодателю понимание необходимости и содержания указанного ранее полномочия, можно считать Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.10.2010 по делу «Константин Маркин против России» [6, с. 21]. В указанном постановлении ЕСПЧ было признано имев-

шее место нарушение ст. 14 во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции, что привело к противоречию с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, сформулированными в Определении № 187-О-О². Более того, в своём решении ЕСПЧ, несмотря на соответствие норм российского законодательства Конституции РФ, подтверждённое уполномоченным органом федерального конституционного контроля, указал на необходимость внести изменения в российское законодательство с целью недопущения в дальнейшем установленного Европейским Судом факта дискриминации прав и свобод. Подробный интересный с научной точки зрения и практической стороны анализ приведённого решения ЕСПЧ и Особого мнения к нему, отражающий всю дискуссионность постановления, изложен в монографии судьи ЕСПЧ, участвовавшего в производстве по делу «Константин Маркин против России» [5].

Значимой вехой в конституционно-правовой истории становления и развития «механизма неисполнения» решений ЕСПЧ послужило принятое от 14.07.2015 Конституционным Судом РФ постановление № 21-П³, в котором была сделана по-

² Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", статей 10 и 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса администра-

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018, действующая) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

пытка разрешить вопросы, связанные с вынесением по жалобе против России постановления ЕСПЧ, основанного на толковании положений Конвенции, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, когда такое постановление – по смыслу ст. 4 ч. 2, ст. 15 ч. 1 и 4, ст. 16 ч. 2 и ст. 79 Конституции РФ – не может быть исполнено. В основу указанного решения были положены следующие правовые позиции:

- приоритет, верховенство и высшая юридическая сила Конституции РФ в национальном правовом пространстве;
- возможность отступить от выполнения обязательств по международному договору, возлагаемых на Российскую Федерацию, когда оно (отступление) является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Основного закона;
- обязательность для участников и добросовестность выполнения ими действующих международных договоров;
- добросовестность толкования международного договора в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора;
- конституционное судопроизводство – единственный процедурный способ разрешения возникающих противоречий между принятым ЕСПЧ решением и Конституцией РФ;
- возможность компромисса при разногласии отдельного решения ЕСПЧ и Конституции РФ определяется Конституционным Судом РФ в границах, очерченных Основным законом;
- федеральный законодатель правомочен предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда РФ и его

тивного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант Плюс».

предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ, в т. ч. в части мер общего характера.

Несмотря на чёткую и однозначно выражённую позицию высшего федерального органа конституционного контроля в РФ, к сожалению, ЕСПЧ продолжил практику вынесения «конфронтационных» с позициями Конституционного Суда РФ решений. Как следствие этого, Конституционный Суд РФ 19.04.2016 вынес своё постановление по вопросу о возможности исполнения постановления ЕСПЧ¹. Данное судебное решение, как отмечается исследователями, примечательно тем, что, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал невозможность исполнения решения ЕСПЧ, Комитет министров Совета Европы (СЕ) пришёл к совершенно иному выводу и признал, что Россия исполнила решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России»! Такое решение было принято с учётом того, что значительная часть осуждённых за преступления небольшой или средней тяжести приговариваются к наказанию в виде общественных работ (их Комитет министров СЕ рассматривает как аналог лишения свободы), и при этом они не лишаются активного избирательного права. Но ведь именно о подобном варианте решения этой проблемы и говорил Конституционный Суд в своём Постановлении от 19.04.2016 № 12-П: «Законодатель правомочен, последовательно реализуя принцип гуманизма в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4.07.2013 по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осуждённых, но не влекущие ограничения их избирательных прав» [3].

Практика конституционно-правовой оценки возможности исполнения решений ЕСПЧ на территории РФ продолжилась и в 2017 г., когда Конституционный Суд РФ признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ от 31.07.2014 по делу «ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС"» против России»¹. Однако завершающая точка в этом процессе ещё до сих пор не поставлена. Стороны отстаивают свои интересы в международных арбитражных юрисдикционных органах. На сегодняшний день ожидания в этом деле строятся вокруг даты 5 ноября 2021 г., когда Верховный суд Нидерландов примет окончательное решение по спору².

Как видно из приведённых примеров количество неисполненных Россией постановлений ЕСПЧ по итогам вынесенных Конституционным Судом РФ решений не столь значительно, тем не менее, факты вынесения органами наднациональной юстиции решений в противовес уже имеющимся и действующим на территории РФ правовым позициям Конституционного суда РФ привели к тому, что осуществлённая в 2020 г. в России конституционная реформа уже в Основном законе нашего государства закрепила полномочия

Конституционного Суда РФ в обновлённом формате и, полагаем, что ожидать их реализации с учётом грядущего решения Верховного Суда Нидерландов по делу ЮКОСа остаётся не так долго.

Конституционные поправки и законодательные изменения о «механизме неисполнения» решений Европейского Суда по правам человека

Дополнительно остановимся на «обновлённых» положениях Конституции РФ в части полномочий Конституционного Суда РФ, поскольку, на наш взгляд, они имеют серьёзный потенциал для последующей научной дискуссии. Зарубежные авторы также проявляют интерес к вопросам конституционных поправок [8].

Первое соображение, которое возникает при подробном изучении обновлённого текста Конституции РФ и закона о Конституционном Суде, относится к юридической технике: авторы поправок к Конституции РФ предусмотрели в Основном законе в ст. 125 ч. 5.1 п. «б» норму, которая по своей сути конституирует 2 полномочия Конституционного Суда РФ. При закреплении в ст. 3 закона о суде федеральный законодатель упомянутое положение Конституции РФ разделил на отдельные полномочия Конституционного суда РФ. Такое внешнее «несоответствие» текста 2-х нормативных актов пока можно объяснить только 2-мя аргументами: во-первых, отличием в составе субъектов, инициирующих соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ; во-вторых, особенностью более лаконичного формирования текста Основного закона. Вместе с тем, считаем, что подобные «разночтения» следует избегать при формировании текста актов высшей юридической силы, чтобы не вызывать дополнительные дискуссии и вопросы в правоприменительной практике.

Вторым аспектом следует отметить появление помимо межгосударственных органов ранее не известных для «механизма неисполнения» инстанций, решения ко-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС"» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

² Верховный суд Нидерландов перенес вынесение решения по делу ЮКОСа на 5 ноября 2021 г. // Neftegaz.RU : [сайт]. URL: <https://neftegaz.ru/news/arbitrage/696475-verkhovnyy-sud-niderlandov-perenes-vynesenie-resheniya-po-delu-yukosa-na-5-noyabrya-2021-g/> (дата обращения: 15.09.2021).

торых оцениваются Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции РФ, либо основам публичного правопорядка Российской Федерации. Если ранее конституционная практика знала прецеденты в оценке исполнимости на территории РФ решений ЕСПЧ, то в настоящее время круг судебных инстанций существенным образом увеличен. Насколько это оправдано и значимо, можно судить только в будущем, но игнорировать данные текстуальные изменения в Конституцию РФ мы не можем.

Третье размышление, вытекающее из предыдущего вывода: в Конституцию РФ, равно как и в закон, вводится термин «основы публичного правопорядка Российской Федерации». И если решения межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации подлежат проверке Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции РФ, то уже решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, должны подлежать оценке соответствия основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Впервые положения о публичном порядке нашли законодательное закрепление в Гражданском кодексе Франции (Кодексе Наполеона) 1804 г. В ст. 6 данного документа содержалось императивное требование следующего содержания: «Нельзя нарушать частными соглашениями законов, затрагивающих общественный порядок и добрые нравы». Указанная правовая норма, прежде всего, имела своей целью установить приоритет принципиальных положений французского законодательства, охраняющих интересы всего общества, перед договоренностью частных лиц, тем самым определить границы автономии воли [7].

В науке конституционного права до настоящего времени не сложилось устойчивого понимания категории «публичный правопорядок», хотя, безусловно, вновь

возникшая конституционно-правовая категория нуждается в научном обосновании. В качестве примера научного осмысления категории «публичный правопорядок» можно привести исследование д. ю. н. А. В. Безрукова [1]. В указанном научном издании автором сформулирован собственный подход к пониманию ряда ключевых категорий: «порядок», «правапорядок», «общественный порядок», «конституционный правопорядок», «публичный порядок», «обеспечение правопорядка». Однако полагаем, что научное осмысление публичного правопорядка ещё далеко от совершенства, тем более и судебная практика пока также немногочисленна и не позволяет однозначно определить содержание понятия «публичный порядок». Так, в определении Верховного суда РФ от 19.08.2008 № 91-Г08-6, например, отмечено, что «содержание понятия «публичный порядок» не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные устои основ правопорядка, закреплённые Конституцией РФ и федеральным законодательством¹. Ныне упразднённый Высший Арбитражный суд РФ в своём информационном письме Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» указал, что под публичным порядком понимаются «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы

¹ Извлечение из Определения Верховного суда Российской Федерации от 19.08.2008 № 91-Г08-6 // Судебная система Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_40300.htm (дата обращения: 05.04.2021).

государства»¹. Кроме того, в ряде случаев суд при решении вопроса о применении норм о публичном порядке РФ использует некоторые принципы «международного правопорядка», а также ссылается на практику применения некоторых норм международного публичного права, тем самым расширяя содержание исследуемой правовой категории (пп. 2, 7). В целом анализ Информационного письма позволяет говорить о больших разночтениях при применении оговорки о публичном порядке судами разных уровней, что, на наш взгляд, обусловлено отсутствием в законодательстве и судебной практике единого подхода к определению рассматриваемой категории.

Заключительный аспект анализируемых конституционных изменений о котором хотелось бы упомянуть, это строгая регламентация содержательной вариации итоговых решений Конституционный Суд РФ в рамках процедур оценки возможности исполнения решений органов зарубежной юстиции на территории РФ: о возможности исполнения в целом оцениваемого решения; о возможности исполнения в части решения и о невозможности исполнения решения. При этом в случае, если высший федеральный орган конституционной юстиции РФ принимает решение о невозможности исполнения решения межгосударственного органа, иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража) какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующих решений в Российской Федерации не могут осуществляться (приниматься).

Заключение

В истории Российской Федерации 2020 г. останется, несомненно, судьбоносным не только для государства, российского общества, но и для всей системы российского права. Впервые с 1993 г. Основной закон государства был существенно изменён, и это повлечёт за собой значительные трансформации в конституционном и отраслевом законодательстве.

В рамках оценки новых положений Конституции РФ о возможности не исполнения на территории РФ решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции нельзя не отметить возросшую роль Конституционного суда РФ в достижении правовой определённости юридического статуса решений упомянутых в настоящем исследовании органов и судебных инстанций.

В Конституции РФ определены механизмы оценки пределов вмешательства международных органов и судов в национальную юрисдикцию. При этом, не отказавшись от применения на своей территории международных обязательств, российское государство дополнительно подчеркнуло особый характер верховенства на территории РФ её Конституции и возможность при определённых обстоятельствах ограничить или запретить исполнение решений ЕСПЧ и зарубежных судебных инстанций в случае их противоречия положениям Основного закона и суверенным интересам государства.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021.

¹ Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2013. № 5. С. 153–171.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков А. В. Роль органов публичной власти и институтов общественности в обеспечении конституционного правопорядка в России. Красноярск, 2019. 268 с.
2. Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 113–127.
3. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.
4. Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 5–17.
5. Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 303 с.
6. Кряжков В. А. Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 5. С. 21–33.
7. Кудрявцева Л. В., Бондаренко А. В., Джадан Е. И. К вопросу о содержании и законодательном закреплении правовой категории «публичный порядок» // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 175–178.
8. Carolan E. Constitutional Amendments: Making, Breaking, and Changing Constitutions // International Journal of Constitutional Law. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 659–661.

REFERENCES

1. Bezrukov A. V. *Role of public authorities and public institutions in ensuring constitutional law and order in Russia*. Krasnoyarsk, 2019. 268 p.
2. Bondar N. S. [Conventional jurisdiction of the European Court of Human Rights in relation to the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 6, pp. 113–127.
3. Velieva D. S., Presnyakov M. V. [Reform of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2020: «who will guard the watchmen»]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 1, pp. 12–22.
4. Knyazev S. D. [Obligation of judgments of the ECHR in the legal system of Russia (based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 12 (240), pp. 5–17.
5. Kovler A. I. *Evropeiskaya konventsiya v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka* [European Convention in the International System for the Protection of Human Rights]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2019. 303 p.
6. Kryazhkov V. A. [The Constitutional Court of the Russian Federation as a participant in the process of executing decisions of an interstate body for the protection of human rights and freedoms]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2017, no. 5, pp. 21–33.
7. Kudryavtseva L. V., Bondarenko A. V., Dzhdan E. I. [On the issue of the content and legislative consolidation of the legal category «public order»]. In: *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of economics and legal practice], 2018, no. 5, pp. 175–178.
8. Carolan E. Constitutional Amendments: Making, Breaking, and Changing Constitutions. In: *International Journal of Constitutional Law*, 2020, vol. 18, iss. 2, pp. 659–661.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета;
e-mail: jktu1976@yandex.ru

Крысанов Антон Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета;
e-mail: AmK1984@e1.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Kozhevnikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics;
e-mail: jktu1976@yandex.ru

Anton V. Krysanov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law, Ural State Law University;
e-mail: AmK1984@e1.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кожевников О. А., Крысанов А. В. Конституционная реформа 2020 г.: К вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-77-85

FOR CITATION

Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. Constitutional Reform 2020: On the Peculiarities of The Pursuant to Decisions by Intergovernmental Bodies And Courts under Foreign Jurisdiction in the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-77-85

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.45/.47

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОВЕРИТЕЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ИМУЩЕСТВОМ

Ананьев А. Г.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация

Московский университет имени С. Ю. Витте

Рязанский филиал

390023, г. Рязань, пр-д Яблочкова, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть вопросы, определяющие сущность правовой природы договора доверительного управления имуществом и возникающих на его основе отношений.

Процедуры и методы. Проанализированы современные подходы к пониманию отдельных аспектов, а также правоприменительная практика. При проведении исследования использованы методы анализа и сопоставления, а также методы наложения одних данных на другие в целях выявления противоречий.

Результаты. В работе были выявлены расхождения доктрины и правовых предписаний и формальной логике. Полученные результаты позволили автору предложить собственное решение соответствующих вопросов, определяющих правовую природу возникающих из доверительного управления имуществом отношений. Сформулированы базовые начала природы проанализированных отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование вносит определённый вклад в развитие современной теории гражданского права по вопросам доверительного управления.

Ключевые слова: договор доверительного управления, обязательственные отношения, объект и предмет отношений, возмездность, заключённость договора, вознаграждение управляющего

QUESTIONS OF LEGAL ESSENCE OF RELATIONSHIPS IN PROPERTY ASSET MANAGEMENT

A. Ananyev

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

46 Svobody ul., Ryazan 390000, Russian Federation

Moscow University named after S. Yu. Witte

Branch in Ryazan

5 Yablochkova proezd, Ryazan 390023, Russian Federation

Abstract

Aim. To uncover issues defining the essence of the legal nature of property asset management contract and relations arising on its basis.

Methodology. Modern approaches to understanding certain aspects, as well as law enforcement practice, are analyzed. During the study, methods of analysis and comparison were used, as well as methods of superimposing some data on the other ones in order to identify contradictions.

Results. The work revealed differences of doctrine and legal regulations and formal logic. The results obtained allowed the author to propose his own solution to the relevant issues that determine the legal nature of relations arising from property asset management. Basic principles of the nature of the analyzed relations are analyzed.

Research implications. The presented research makes a certain contribution to the development of the modern theory of civil law on the issues of trust management.

Keywords: asset management contract, obligation relations, object and subject of relationship, retribution, conclusion of contract, performance fee

Введение

Доверительное управление имуществом в контексте российского законодательного пространства является достаточно новым институтом, впервые введено в отечественном праве положениями указа Президента России № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»¹. Отправным историческим моментом для доверительного управления можно считать институт так называемой доверительной собственности (траст).

Рассматриваемая конструкция, как отмечал Джон Х. Лангбейн, является характерным механизмом общего права для организации передачи богатства от поколения к поколению, когда передающий имеет значительные активы или сложные семейные дела [27, р. 165]. Идейная основа таковой зиждется на давних постулатах, заложенных ещё в правовых системах континентальной Европы [12, с. 110]. Так, первое упоминание о такого рода собственности можно отыскать в периоды раннего английского средневековья (XII–XIII вв.) [16, с. 4].

Исходя из действующих положений, закреплённых в п. 1 ст. 1012 Гражданского кодекса РФ² (ГК РФ) следует, что довери-

тельное управление имуществом представляет собой договорное отношение, в силу которого одно лицо, являющееся владельцем имущества и учредителем управления (сетлор), передаёт иному субъекту – доверительному управляющему (трасти) – отдельное имущество или группу вещей на заранее установленный срок в целях осуществления управления им, а управляющий, получивший соответствующее имущество, принимает на себя обязанности осуществлять управление им в интересах учредителя управления или иного указанного им третьего лица – конечного бенефициара (выгодоприобретателя) [21, с. 33].

В связи с этим возникают вопросы о роли данной договорной конструкции, а также выяснения правовой природы возникающих на её основе отношений. Таким образом, целью настоящего исследования можно считать раскрытие основных вопросов, определяющих сущность правовой природы доверительного управления имуществом и отношений, возникающих в действующем правовом пространстве. Для достижения цели ставятся задачи по раскрытию места заявленной конструкции в гражданском обороте, определение её природы с позиции вещных и обязательственных прав; выявление объектно-предметной структуры.

¹ Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 03.01.1994. № 1. Ст. 6. Фактически указ утратил силу в связи с принятием ч. 2 ГК РФ, закрепившей соответствующий институт. Однако прямой нормы, отменяющей названный указ, не имеется.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2)

[ст. 454–1109]: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

Место договора доверительного управления имуществом в современном гражданском обороте

Исследователи обоснованно отмечают [23, с. 294], что имеющееся на сегодня положение дел достаточно парадоксально в понимании доверительного управления, заложенного в законе в силу того, что названный институт в большинстве случаев находит своё применение тогда, когда собственник соответствующего имущества на данный момент отсутствует или же не определён, а равно как наличествующее лицо-собственник по тем или иным причинам не имеет фактической и/или юридической возможности реализовывать свои субъективные права применительно к своему имуществу.

Примеры подобным ситуациям мы можем отыскать в правилах относительно судьбы имущества подопечного лица, которое в целях его сохранения и возможно-го приумножения может быть передано в управление (ст. 38 ГК РФ¹). Иным вариантом является установление доверительного управления к имуществу безвестно отсутствующего гражданина (ст. 43 ГК РФ), или имущества, оставшегося после наследодателя (ст. 1171 ГК РФ² и гл. XI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³). Что же касается присутствующих на месте граждан, то тут законодатель тоже содержит определённые правила, обусловленные уже фактом занятия тех или иных должностей. Так, граждане, занимающие должности государственных служащих и обладающие ценными бумагами и/или акциями (долями участия в уставных капиталах организаций), наделаются обязанностью, в силу занимаемо-

го положения, передать соответствующие активы в доверительное управление, если продолжение фактического обладания ими может стать причиной конфликта интересов между данным государственным служащим и эмитентом соответствующих ценных бумаг и/или юридическим лицом, в котором такой гражданин участвует [2, с. 3]⁴. Таким образом чётко определить место рассматриваемой договорной конструкции нельзя, т. к. она включает в себя добровольные и принудительные начала, может возникать в интересах отсутствующего лица, что не свойственно классическим договорам.

Вопросы предмета и объекта возникающих отношений

С учётом дихотомического проявления доверительного управления в правовом континууме современного отечественного правоприменительного процесса, адекватное понимание сущностной характеристики обозначенного не представляется возможным без анализа его структурных элементов, свойственных ему как общественному отношению. Так, исходя из предписаний закона, предметом договора выступают совершаемые управляющим те или иные фактические и/или юридические действия в интересах бенефициара (п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Непосредственный же объект доверительного управления определяется положениями ст. 1013 ГК РФ и иными законами, допускающими расширение объекта в части включения в него денежных средств и цифровых активов, а

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [статьи 1–453]: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [статьи 1110–1224]: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 18.03.2019) // Российская газета. 2001. 28 нояб.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, в ред. от 30.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. 11 мар.

⁴ Речь идёт о положениях п. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004; п. 2.2. Ст. 14.1. Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (в ред. от 26.05.2021) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.03.2007. П. 2 ст. 14 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011.

также результатов интеллектуальной деятельности.

Говоря об объектно-предметной структуре рассматриваемого договора, В. В. Витрянский дифференцировал в нём 2 начала: первым выступают те действия управляющего, которые он совершает (т. е. бихевиористическая составляющая), а вторым – переданное в управление имущество (т. е. материализованная составляющая) [4, с. 49]. Полагаем, обоснованным здесь будет различать объект и предмет договора. В качестве первого будет выступать непосредственно имущество, а второго – действия, которые совершаются во исполнение обязанностей по управлению, первичные – передача и принятие имущества в управление, вторичные – управление принятым имуществом.

В подтверждение этому можно сослаться на положения п. 3 ст. 1012 ГК РФ, согласно которым устанавливается, что управляющий самостоятельно и от своего имени совершает необходимые сделки с управляемым имуществом, если соответствующие ограничения не регламентированы договором или специально не оговорены в отдельных законодательных актах. Именно поэтому управляющий условно-самостоятельно решает, какие необходимо и достаточно принимать меры для сохранения и приумножения переданного в доверительное управление имущества, как и не допускать снижения его стоимости¹. Франсуа Баррьер особенно подчёркивает в этой связи, что трасти не должен использовать какие-либо выгоды от доверительного управления в своих собственных интересах, а всецело направлять их исключительно для достижения цели доверительного управления [24, р. 873].

В соответствии с правилами п. 1 ст. 1013 ГК РФ в качестве объекта управления могут выступать не только отдельные вещи, но также особые разновидности таковых, представленные в гражданском обороте в форме имущественных комплексов

(ст. 132 ГК РФ), в т. ч. единый недвижимый комплекс (ст. 133.1 ГК РФ), документарные и бездокументарные ценные бумаги с удостоверяемыми ими правами, права на результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть реализованы в экономическом аспекте, и иное имущество, допускаемое к передаче в управление [3, с. 313]. Системный анализ и толкование положений ст. 128 и 141.1 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что в управление могут быть переданы цифровые права, в т. ч. опосредующие цифровые финансовые активы² [19, с. 90]. Таким образом, критерий материальной основы для существования объекта (как это свойственно правам вещным) для рассматриваемого договора не является исключительным, т. к. в его структуре есть место *res incorporalis*, которыми конкретный договор может быть исчерпан.

Базовым исключением из числа объектов управления, определённых в законе, является любое имущество, которое находится у соответствующего лица на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (п. 3 ст. 1013 ГК РФ), т. е. принадлежащее по праву собственности иному лицу. Вещи, принадлежащие на иных вещных правах (п. 1 ст. 216 ГК РФ) также не могут порождать доверительного управления.

Таким образом, по причине того, что рассматриваемый договор является сделкой реальной, то его объектом может быть только имущество, которое находится в реальном фактическом владении сетлора на момент заключения договора на праве собственности или приравненному к нему праву в отношении вещей бестелесных, в т. ч. результатов интеллектуальной деятельности. Иными словами, допустимыми являются только те, которые имеются в наличии здесь и сейчас. С учётом этого, на наш взгляд, правильно констатировать,

¹ См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.03.2012 № Ф02-524/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020.

что права вещные, лежащие в основе допустимости передачи имущества в управление, не могут охватывать собой имущество, не существующее в конкретный момент времени. Сделанный вывод взаимно корреспондируется предписаниям п. 1 ст. 1016 ГК РФ.

Вещно-правовая или обязательственная природа отношений из договора доверительного управления имуществом

Среди цивилистов не прекращаются дискуссии относительно правовой природы анализируемой договорной конструкции. Так, в юридической литературе дифференцируются 2 основных подхода. Сторонники первого подхода, следуя континентально-правовым традициям, признают исключительно обязательственно-правовую модель соответствующих отношений (В. А. Дозорцев [6, с. 117–128], Е. А. Суханов [22, с. 44–56], А. Л. Маковский, С. А. Хохлов, Н. Д. Егоров). Одним из представителей противоположного подхода выступает А. А. Рябов, который указывает, что доверительное управление является самостоятельным видом ограниченного вещного права [20, с. 46]. К данному выводу автор приходит, основываясь на постулатах, характеризующих трасти: 1) он обладает широким кругом полномочий относительно того имущества, которое ему передано (но не более тех, что предоставлены ему по договору и есть у сетлора); 2) его интерес представляет собой получение соответствующего объекта управления в целях коммерческого использования, для извлечения выгоды для себя самого, но, правда, опосредованно через первичного получателя дохода – сетлора [15, с. 157]. Данные суждения в определённой мере выступают продолжением традиции англо-американских исследователей, указывающих, что траст есть дихотомичное явление, представляющее собой «расщеплённую» собственность (*bundle of rights*) [25, р. 69], включающую в себя титул по

общему праву (*legal title*) относительно имущества, переданного в траст, и титул по праву справедливости (*equitable title*), в совокупности дающие возможность участия в имуществе иного для его выгоды, и, как следствие, производной от этого своей выгоды, интегрируя собственность как капитал и как объект личной собственности лица [28, р. 12].

На наш взгляд, со второй позицией об ограниченной вещно-правовой сути отношений и опосредующих их анализируемой договорной конструкции трудно согласиться. Во-первых, независимо от широты имеющихся полномочий, которыми обладает трасти (управляющий), он во всех случаях без исключений должен исходить из первенства интересов учредителя траста (сетлора) [7, с. 262], а уже в последующем – собственных, как производных от них [30, р. 561]. Вывод об обратном противоречил бы законодательным конструкциям не только нашего государства, но и правилам, которые находятся в иных правопорядках, созвучных в этой части отечественному праву [8, с. 39]. Во-вторых, сущность интереса трасти выражается исключительно в получении им его вознаграждения за оказание услуг по управлению, но не в реализации им правомочий собственника. В случае, когда договор безвозмездный, то доверительный управляющий действует, основываясь на других побуждениях, но при этом он не утрачивает права на возмещение расходов, вызванных управлением.

Принимая во внимание основания возникновения рассматриваемых отношений, по своей сути они между трасти и сетлором являются обязательственными. Как уже было сказано ранее, в соответствии со ст. 1012 ГК РФ, сетлор передаёт имущество, а трасти обязуется совершать определённые действия, а именно управлять имуществом, для достижения изначально заданных целей. Следовательно, объектом в данном случае будут выступать действия обязанного лица – трасти, которые он должен совершить в период действия соответствующего договора [9, с. 39].

В подтверждение нашего вывода можно привести и следующие доводы. Доверительное управление основывается на договоре, что является отличительным признаком для обязательственных отношений. Кроме того, в характеристике права доверительного управления, закреплённых в Гражданском кодексе РФ, отсутствуют такие признаки (свойства) вещных прав, как: бессрочность (т. к. закон ограничивает срок управления периодом не более 5 лет – ст. 1016 ГК РФ), право следования не присуще данным отношениям, равно как данные отношения не включены в перечень вещных прав (ст. 216 ГК РФ), а также имеет условно-абсолютный характер, определённый смежными началами, основанными на имеющейся вещи, а не обязательстве.

Дополнительно можно указать на то обстоятельство, что, например, при выдаче доверенности на совершение фактических и юридических действий в отношении той или иной вещи, мы не задаёмся вопросом о возникновении в такой связке представляемый–представитель прав и обязанностей вещно-правового характера у последнего. В связи с этим, резонность и обоснованность постановки вопроса о вещно-правовой природе траста вызывает определённые сомнения в его верности и логичности в контексте отечественного законодательства.

Признавая отсутствие обозначенных характеристик, свойственных вещным правам, некоторые авторы продолжают отстаивать с определёнными оговорками концепцию «вещно-правовых» признаков рассматриваемой договорной конструкции [1, с. 91]. При этом логического обоснования к этому соответствующими исследователями не приводятся, равно как не объясняется непринятие во внимание обозначенных выше различий и особенностей, в т. ч. разности объектов прав, т. к. у траста они значительно шире, чем у вещных прав. Джон Х. Лангбейн отмечает, что исторически отрицание контрактного характера траста было средством укрепления принципа справедливости, обосновывающего институт личной собственности,

порождающей отношения по «опеке имущества» [26, р. 649–650].

Анализ рассматриваемой конструкции позволяет заключить, что трасти в ходе своей деятельности по управлению имуществом, вступает в отношения с третьими лицами по той же схеме, какая имеет место в отношениях представительства. На иных третьих лиц, не задействованных в конкретном договоре, чей круг является неопределённым, действительно возложена пассивная обязанность воздержаться от действий по препятствию ему в осуществлении его права и обязанности применительно к объекту управления. Аналогичное мы наблюдаем в арендных отношениях. Данный характер прав является абсолютным и присущ для вещного права и проистекает из наличествующей вещи как таковой [10, с. 42], а не имеющегося договорного отношения, по которому такая вещь была передана в управление.

Кроме того, нельзя исключать и того обстоятельства, что трасти, являясь титульным владельцем в отношении переданного имущества, вправе использовать любые способы защиты своих прав против третьих лиц, в т. ч. инициировать иск об устранении препятствий в пользовании управляемым имуществом (ст. 305 ГК РФ). Однако данные права основываются на факте обладания вещью или проистекают из нарушения соглашения, создавая обязательственные способы защиты.

Таким образом, можно предположить интегральный характер, объединяющий относительные и абсолютные начала в структуре рассматриваемых отношений. Так, взаимоотношения между учредителем и управляющим базируются на договоре и опосредуют обязательственные отношения, а взаимоотношения между трасти и иными третьими лицами обладают элементами вещно-правовых, но проистекающих из наличествующей вещи в пользовании трасти. Возможность транслирования отдельных вещно-правовых способов защиты, допускаемая гражданским законодательством, не является имманентным и безусловным началом для категоричного

вывода о вещно-правовой природе соответствующих отношений.

Из изложенного следует, что природа доверительного управления в современном отечественном правовом порядке базово является обязательственной с незначительным инкорпорированием в нее вещно-правовых элементов, проявляющихся опосредованно через материальные вещи, переданные в управление и отсутствующие полностью при управлении бестелесными вещами.

Возмездность и её влияние на заключённость договора доверительного управления имуществом

Иным принципиальным и в то же время весьма дискуссионным в уяснении сути правовой природы анализируемого договора является вопрос относительно возмездности анализируемой договорной конструкции. Дискуссионность обусловлена отсутствием чёткой правовой регламентированности данного аспекта, что порождает вариативность понимания ответа на обозначенный вопрос. В зарубежных правовых порядках уровень комиссионных, если таковые имеются, требуемых доверительным управляющим, формируют так называемый ценовой сигнал в трастах, что может тоже создавать ряд неопределённостей [29, p. 644].

Согласно положениям, закреплённым в п. 1 ст. 1016 ГК РФ, в соглашениях об учреждении доверительного управления надлежит предусматривать размер и форму вознаграждения управляющему, которое ему необходимо выплачивать (предоставлять). Однако законодатель делает оговорку относительно того, что такое указание необходимо только тогда, когда соответствующее вознаграждение устанавливается сторонами в заключаемом договоре. Взаимосвязанная с этим правилом норма ст. 1023 ГК определяет, что трасти обладает правом требования получения вознаграждения, если таковое было установлено договором [14, с. 239].

В силу приведённой неоднозначности законодательных формулировок в рядах исследователей продолжают дискуссии, высказываются разнообразные позиции относительно вариантов решения данной проблематики: одни озвучивают суждения, что анализируемый договор надлежит расценивать исключительно возмездным в силу специальных правил, закреплённых в гл. 53 ГК РФ; иные – определяют его возмездным, основываясь на общей презумпции возмездности гражданско-правовых договоров, установленных в ст. 423 ГК РФ. При этом следует констатировать, что прямых сторонников безвозмездного характера рассматриваемой конструкции не имеется, несмотря на потенциальную возможность такового, исходя из конкретного заключённого договора.

3. Э. Беневоленская приходит к выводу, что потенциальная возможность для трасти требования вознаграждения от сетлора при выполнении условий договора и в силу прямого указания на это в положениях ст. 1023 ГК РФ даёт основание для категоричного вывода о том, что анализируемый договор по своей сути есть возмездное отношение [2, с. 5]. Вместе с тем согласиться с такой интерпретацией весьма сложно. Правила, изложенные в названных статьях, поставлены в прямую зависимость от поведения трасти, который может и не реализовывать предоставленное ему субъективное право требования вознаграждения, если оно было установлено в соглашении, так же как изначально не обладать им при безвозмездном управлении. Соответственно, зависимость от воли и поведения определённого субъекта вряд ли может быть положена в основу определения характера возникаемых отношений в аспекте их возмездности, а уж тем более для построения на их основе категоричных выводов.

Относительно правила, установленно-го ст. 423 ГК РФ и его транслирования на анализируемые отношения, некоторые исследователи считают, что это обоснованно и имманентно, в связи с чем не имеется сомнений и оснований не применять пре-

зупмцию, закреплённую в п. 3 ст. 423 ГК РФ, о возмездности любого договора [18, с. 119]. Однако полагаем необходимым отметить, что хотя, согласно законоположениям п. 3 ст. 423 ГК РФ, договор предполагается возмездным, это не исключает случаев, когда из закона или иных нормативно-правовых актов, существа и содержания конкретного договора не следует иного (т. е. безвозмездный характер). Соответственно, законодатель не определяет жёсткой презумпции (безусловного императива) возмездности, что также не позволяет нам автоматически переносить тезис о безусловной возмездности на рассматриваемые отношения.

Л. Ю. Михеева в своей работе отмечает, что в силу требований ст. 1016 ГК РФ, когда договор определён сторонами как возмездный (в нём в обязательном порядке должно быть указано на это) с определением соответствующей платы в пользу управляющего (трасти). Смысл приведённого означает невозможность переноса общей презумпции возмездности на конструкцию данного договора безразборно и в каждом случае. Иными словами, если трасти и сетлор при формировании договорных условий не ставили вопрос о вознаграждении управляющего, это должно свидетельствовать, как заключает Л. Ю. Михеева, о незаключённости договора из-за отсутствия соглашения сторон по одному из существенных условий [13, с. 74]. Как отмечает Г. В. Петрова, это связано с тем, что трасти обоснованно имеет право претендовать на получение вознаграждения, действуя разумно как компетентное и заботливое лицо [17, с. 101].

По мнению В. В. Витрянского, проблематика возмездности анализируемых отношений обладает более простым решением, суть которого сводится к адекватному толкованию и применению базисной презумпции возмездности. В данном аспекте надлежит производить соотношение норм общих со специальными законоположениями, регламентирующими возмездность договора доверительного управления имуществом (п. 1 ст. 1016 и ст. 1023 ГК

РФ). Так, нормы ст.ст. 1016 и 1023 ГК РФ, представляя собой специальные правила, упрощают действие общего правила о презумпции возмездности (п. 3 ст. 423 ГК РФ). В силу этого, как указывает данный автор, если управляющий и учредитель доверительного управления «запомнили» согласовать вопрос о возмездности, такой договор надлежит квалифицировать как незаключённый [4, с. 48].

При этом, как отмечается в судебной практике, установление нормативным образом максимального размера вознаграждения, причитающегося доверительному управляющему (трасти), не свидетельствует о невозможности установления по соглашению сторон в положениях их договора иного размера вознаграждения с учётом мнения всех выгодоприобретателей (бенефициаров) и иных обстоятельств, заслуживающих внимания в конкретной ситуации¹.

Бесспорно, *Lex specialis derogat Lex generalis* имеет значение и признаётся в правовой системе [5, с. 202], о чём неоднократно указывается правоприменителем, в частности, в отдельных актах Конституционного Суда РФ² или Верховного суда РФ³. Соответственно, мы можем ставить вопрос о приоритете специальных правил о возмездности доверительного управления. Вместе с тем, нормы гл. 53 ГК РФ не дают нам оснований, как указывалось выше, сделать категоричный и однозначный вывод по данной проблеме.

Вместе с тем необходимо отметить, что изложенная позиция В. В. Витрянским и Л. Ю. Михеевой о незаключённости договора при отсутствии указаний на вопросы его возмездности или отсутствия таковой

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 07.07.2015 № 78-КГ15-7 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 14.05.2003. № 8-П и от 29.06.2004 № 13-П и в определениях от 09.04.1998 № 48-О, от 12.03.1998 № 51-О, от 19.05.1998 № 62-О, от 01.12.1999 № 211-О, от 05.10.2000 № 199-О.

³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1/2015 (утв. Президиумом Верховного Суда 26.06.2015).

(т. е. безвозмездное управление), являются противоречащими требованиям закона, с учётом общих правил логики о причинно-следственных связях. Анализируя формулировки, содержащиеся в ст. 1016 ГК РФ, можно утверждать, что вопрос возмездности имеет принципиальное значение для квалификации рассматриваемого договора (по критерию его заключённости) только тогда, когда об этом в самом договоре прямо указано в виде права управляющего на получение вознаграждения. Иными словами, здесь работает логическая схема «если – то». Соответственно, условия о вознаграждении не являются обязательными для включения в договор, в т. ч. из смысла п. 3 ст. 423 ГК РФ, и требующими обязательного согласования сторонами в силу требований ст. 432 ГК РФ. Отсутствие прямого указания в соглашении на возмездность или безвозмездность не может расцениваться как основание для автоматического признания соответствующего договора незаключённым по мотивам несогласования контрагентами существенных условий [11, с. 41]. Отсутствие в договоре указаний на размеры выплачиваемого трасти вознаграждения не приобретает свойства существенного условия, если оно не определено в соглашении как такое. Положения ст. 1023 ГК РФ не устраняют обоснованность сделанного нами вывода, т. к. в ней никак не регламентирован вопрос об этом, а лишь воспроизведено правило о возможности получения вознаграждения за осуществляемое доверительное управление, что не позволяет делать беспелляционный вывод о существенности условия о вознаграждении для анализируемой договорной конструкции.

Вместе с тем, положения ст. 1023 ГК РФ безальтернативно устанавливают правило о том, что управляющий имеет право на возмещение необходимых расходов, произведённых им и связанных с исполнением договора (ст. 309.2. ГК РФ), что представляет собой исключение из общего правила, согласно которому расходы по исполнению относятся на исполняющего субъек-

та¹. Обозначенное правило уточнено ссылкой на то, что соответствующие расходы возмещаются за счёт доходов, поступающих управляющему от использования переданного ему имущества, а не из средств учредителя. Иными словами, учредитель не производит от своего имени выплат за счёт возмещения затрат на управление в пользу управляющего (трасти). Таким образом, речь идёт об уменьшении причитающихся сетлору доходов за счёт недополучения им части средств, перенаправленных на покрытие расходов, обусловленных исполнением договорного обязательства со стороны трасти. Определяемое законом уменьшение получаемого дохода не может расцениваться как имманентная возмездность соответствующих отношений.

Заключение

Конструкция доверительного управления не может быть чётко дислоцирована в действующей системе гражданско-правовых договоров, т. к. обладает в ряде случаев свойствами обязательности, в т. ч. для ограничения прав отдельных субъектов. При этом практика применения конструкции доверительного управления в большей степени получает распространение для «присмотра» за имуществом отсутствующего лица.

Возникающие отношения по доверительному управлению имеют смешанную характеристику. Заявляемая исследователями исключительно вещно-правовая природа не может быть признана правомерной. Отдельные вещно-правовые аспекты проистекают не из имеющегося договора как такового, а из объекта управления – фактической материальной вещи, выступающей составной частью соответствующих отношений. При управлении бестелесными вещами (цифровые права, результаты интеллектуальной деятельности) говорить о вещно-правовой составля-

¹ См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс».

ющей в целом не представляется возможным.

Возмездность таких отношений поставлена в зависимость от волеизъявления сторон соответствующего договора, равно как последующего поведения управляющего по реализации его права требования. Возмездность приобретает характер существенного условия, требующего его согласования только в случаях, когда в

заключаемом договоре определена возможность для управляющего на получение вознаграждения от его деятельности. Возмещение расходов по управлению не может признаваться вознаграждением управляющего, исходя из их сущностной характеристики.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметьянова З. А. О видах вещных прав и их системе // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 88–99.
2. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом. История и современность // Предпринимательское право. 2011. № 3. С. 2–7.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. 1055 с.
4. Витрянский В. В. Договор доверительного управления имуществом. М.: Статут, 2002. 191 с.
5. Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Проблемы конкуренции коллизионных норм в юридической науке и практике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 201–209.
6. Дозорцев В. А. Доверительное управление // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1996. № 12. С. 117–128.
7. Иванов А. А. Понятие и общая характеристика правовой конструкции траста // Молодой учёный. 2020. № 25. С. 259–266.
8. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–48.
9. Капанина Ю. В. Доверили управление своим имуществом? // Главная книга. 2016. № 10. С. 39.
10. Карпов Д. М. Фактические основания абсолютности вещного права // Ex jure. 2019. № 2. С. 40–54.
11. Мадоян С. М. Правоотношения доверительного управления имуществом как средство защиты прав собственности лиц, осужденных к лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7. С. 36–43.
12. Мазаева А. В. Доверительное управление и траст: опыт стран континентального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 108–113.
13. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. М.: Юрист, 1999. 176 с.
14. Мороз М. И. К вопросу о вознаграждении доверительных управляющих // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 16. С. 237–241.
15. Мороз М. И. Основания возникновения траста // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. № 2. С. 152–161.
16. Нарышкина Р. Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М.: Издательство РУДН, 1965. 37 с.
17. Петрова Г. В. Гармонизация правового регулирования доверительного управления активами по праву России, ЕС и праву государств СНГ как фактор обеспечения безопасности инвестиций // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 96–102.
18. Подузова Е. Б. Квалификация договора в российской и англосаксонской правовых семьях // Lex russica. 2016. № 9. С. 114–128.
19. Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 86–93.
20. Рябов А. А. Траст в российском праве // Государство и право. 1996. № 9. С. 42–51.
21. Самигулина А. В. Особенности заключения и действия договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом // Право и экономика. 2020. № 2. С. 29–35.

22. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 11. С. 44–56.
23. Улзетуева О. Ц. Особенности субъектов договора доверительного управления имуществом подопечного // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 293–297.
24. Barrière F. La fiducie-sûreté en droit français // McGill Law Journal. 2013. Vol. 58. P. 869–904.
25. Baron J. B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law // University of Cincinnati Law Review. 2014. Vol. 82. № 1. P. 57–101.
26. Langbein J. H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts // The Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. № 3. P. 625–675. DOI: 10.2307/797196.
27. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce // The Yale Law Journal. 1997. Vol. 107. № 3. P. 165–189.
28. Fennell L. A. Ostrom's Law: Property Rights in the Commons // International Journal of the Commons. 2011. Vol. 5. № 1. P. 9–27.
29. Sitko R. H. An Agency Costs Theory of Trust Law // Cornell Law Review. 2004. Vol. 89. № 3. P. 621–684.
30. Schwarcz S. L. Commercial Trust as Business Organization: Unraveling the Mystery // The Business Lawyer. 2003. Vol. 58. № 2. P. 559–585.

REFERENCES

1. Ahmetyanova Z. A. [Types of Real Rights and Their System] In: *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities Series], 2011, no. 4, pp. 88–99.
2. Benevolenskaya Z. E. [Trust property management. History and modernity] In: *Predprinimatelskoe pravo* [Entrepreneurial law], 2011, no. 3, pp. 2–7.
3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga tretya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug* [Contract law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services]. Moscow, Statut Publ., 2011. 1055 p.
4. Vitryansky V. V. *Dogovor doveritelnogo upravleniya imushchestvom* [Property asset management agreement]. Moscow, Statut Publ., 2002. 191 p.
5. Gambaryan A. S., Dallakyan L. G. [Problems of competition of conflict of laws in legal science and practice]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2019, no. 438, pp. 201–209.
6. Dozorcev V. A. [Trust management]. In: *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 1996, no. 12, pp. 117–128.
7. Ivanov A. A. [Concept and general characteristics of the legal structure of a trust]. In: *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2020, no. 25, pp. 259–266.
8. Kanashevsky V. A. [The relationship of the participants in the trust in relation to the property transferred to the trust]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 10, pp. 37–48.
9. Kapanina Yu. V. [Have you entrusted the management of your property?]. In: *Glavnaya kniga* [Main book], 2016, no. 10, pp. 39.
10. Karpov D. M. [Factual grounds for the absoluteness of real rights]. In: *Ex jure*, 2019, no. 2, pp. 40–54.
11. Madoyan S. M. [Legal relations of trust management of property as a means of protecting the property rights of persons sentenced to imprisonment]. In: *Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoy sistemy* [Vedomosti of the penitentiary system], 2020, no. 7, pp. 36–43.
12. Mazaeva A. V. [Asset management and Trust: the Experience of Continental Law Countries]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Law and Comparative Law], 2017, no. 1, pp. 108–113.
13. Miheeva L. Yu. *Doveritelnoe upravlenie imushchestvom* [Property asset management]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 176 p.
14. Moroz M. I. [On the question of the remuneration of trustees]. In: *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and applied research: problems and results], 2014, no. 16, pp. 237–241.
15. Moroz M. I. [Grounds for the establishment of a trust]. In: *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University of Finance and Law], 2017, no. 2, pp. 152–161.
16. Naryshkina R. L. *Doveritelnaya sobstvennost v grazhdanskom prave Anglii i SShA* [Trust property in the civil law of England and the United States]. Moscow, RUDN Publishing House, 1965. 37 p.

17. Petrova G. V. [Harmonization of legal regulation of trust management of assets under the law of Russia, the EU and the law of the CIS states as a factor in ensuring the security of investments]. In: *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law], 2015, no. 2, pp. 96–102.
18. Poduzova E. B. [Qualification of Agreement in Russian and Anglo-Saxon legal families]. In: *Lex russica*, 2016, no. 9, pp. 114–128.
19. Poduzova E. B. [Law as an object of civil legal relations in the context of digital environment and sharing economy]. In: *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 2, pp. 86–93.
20. Ryabov A. A. [Trust in Russian law]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1996, no. 9, pp. 42–51.
21. Samigulina A. V. [Features of the conclusion and operation of an asset management agreement for a mutual investment fund]. In: *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2020, no. 2, pp. 29–35.
22. Suhanov E. A. [On property asset management as a legal method of exercising property rights]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2017, no. 11, pp. 44–56.
23. Ulzetueva O. C. [Features of the subjects of the agreement on the property asset management of the ward]. In: *Vestnik BGU* [Bryansk State University Bulletin], 2011, no. 2, pp. 293–297.
24. Barrière F. La fiducie-sûreté en droit français. In: *McGill Law Journal*, 2013, vol. 58, pp. 869–904.
25. Baron J. B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law. In: *University of Cincinnati Law Review*, 2014, vol. 82, no. 1, pp. 57–101.
26. Langbein J. H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts. In: *The Yale Law Journal*, 1995, vol. 105, no. 3, pp. 625–675. DOI: 10.2307/797196
27. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce. In: *The Yale Law Journal*, 1997, vol. 107, no. 3, pp. 165–189.
28. Fennell L. A. Ostrom's Law: Property Rights in the Commons. In: *International Journal of the Commons*, 2011, vol. 5, no. 1, pp. 9–27.
29. Sitko R. H. An Agency Costs Theory of Trust Law. In: *Cornell Law Review*, 2004, vol. 89, no. 3, pp. 621–684.
30. Schwarcz S. L. Commercial Trust as Business Organization: Unraveling the Mystery. In: *The Business Lawyer*, 2003, vol. 58, no. 2, pp. 559–585.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Андрей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; заместитель заведующего кафедрой гражданского права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте, Рязанский филиал; e-mail: andrey-a-g@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Ananyev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Civil Law, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Deputy Head, Department of Civil Law and Procedure, Moscow University named after S. Yu. Witte, branch in Ryazan; e-mail: andrey-a-g@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананьев А. Г. Вопросы правовой сущности отношений по доверительному управлению имуществом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 86–97.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97

FOR CITATION

Ananyev A. G. Questions of Legal Essence of Relationships in Property Asset Management. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 86–97.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97

УДК 347.413

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-98-103

НЕОБХОДИМЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРОВЕРКИ КОНТРАГЕНТА ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СДЕЛКИ

Данько К. А.*Московский финансово-юридический университет**115191, г. Москва, Серпуховской вал, д. 17/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть инструменты проверки контрагента на благонадёжность на стадии заключения сделки, которые позволят выявить потенциальные риски при сотрудничестве с выбранным партнёром.

Процедура и методы. В работе использованы методы наблюдения, обобщения, описания и диалектический метод, была произведена оценка наиболее частых и актуальных рисков и анализ эмпирического материала.

Результаты. Сделан вывод, что на стадии заключения сделки с новым или постоянным контрагентом целесообразно использовать доступные способы его проверки на благонадёжность, позволяющие сделать соответствующие выводы о перспективах дальнейшего сотрудничества и возможных рисках.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье сформулированы предложения по проверке контрагентов, руководствуясь которыми возможно будет получить необходимую информацию и идентифицировать проверяемого контрагента по признакам фирмы-однодневки и компании, находящейся на грани банкротства, либо добросовестной организации, которая будет надлежащим образом исполнять свои договорные обязательства, что позволит избежать возникновения негативных последствий после заключения сделки.

Ключевые слова: проверка контрагента, сделка, банкротство, исполнение обязательств, риски, должная добросовестность

REQUIRED PROCEDURES OF COUNTERPARTY VERIFICATION BEFORE CONCLUDING A DEAL

K. Danko*Moscow Financial and Law University**17/1, Serpukhovskoy val, 115191, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider tools for checking the counterparty for trustworthiness at the transaction stage, which will identify potential risks in cooperation with the selected partner.

Methodology. During the research, methods of observation, generalization, description and the dialectic method were applied, the most frequent and relevant risks were assessed, and empirical material was analyzed.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that at the stage of concluding a deal with a new or permanent counterparty, it is advisable and possible to use the available methods of checking its reliability, allowing to draw relevant conclusions about the prospects for further cooperation and possible risks.

Research implication. The article formulates proposals for verification counterparties, guided by which it will be possible to obtain the necessary information and identify the checked counterparty on the grounds of a one-day company and a company on the verge of bankruptcy, or a bona fide organization that will properly fulfill its contractual obligations, which will avoid the occurrence of negative consequences after the conclusion of the transaction.

Keywords: counterparty verification, deal, bankruptcy, fulfillment of obligations, risks, due diligence

Введение

В условиях продолжающегося экономического кризиса риск добросовестной организации столкнуться с фирмой-однодневкой постоянно растёт. Наряду с этим, количество обанкротившихся организаций постоянно увеличивается, что подтверждается официальной статистикой, представленной Единым федеральным реестром сведений о банкротстве¹. Количество зарегистрированных дел о банкротстве растёт с каждым годом, при этом данная статистика имеет вектор только в сторону увеличения. Наиболее актуальным является риск признания судом сделки оспоримой, в частности, возможности оспаривания сделок должника в соответствии с гл. 3 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» («Закон о банкротстве»)².

Для любого даже самого небольшого бизнеса наиболее актуальной проблемой и задачей является получение наибольшего количества сведений и данных о своих постоянно действующих и потенциальных контрагентах в самые короткие сроки, а также проверка и выявление признаков несостоятельности (банкротства) стороны сделки [2; 11]. В связи с этим необходимо выработать порядок действий и мер, которые должны быть предприняты организацией для минимизации рисков понести убытки при взаимодействии с недобросовестной стороной сделки [3].

Процедуры проверки контрагента

1. Due Diligence

Осуществление проверки неизвестного или постоянного контрагента перед подписанием контракта и иной сделки, получение объективного представления о нём и его деятельности может быть произведено в рамках процедуры *Due Diligence* (пер. с англ. «должная добросовестность»).

¹ Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс]. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Метод проведения проверки контрагента по данной процедуре заключается в сборе и анализе информации, представляющей собой наиболее полный комплекс мер по проверке организации: её финансового состояния, стабильности, положения на рынке, деловой репутации и иных сведений. Цель данных мер – получение наиболее полного представления о контрагенте. На профессиональном уровне, учитывая любую информацию независимо от его источников, которая может так или иначе влиять на те или иные риски, этим занимаются различные специалисты и эксперты, вследствие чего перед покупкой бизнеса, осуществлением крупной сделки и вложением инвестиций полномерный *Due Diligence* предпочтительно проводить в специализированной организации. Сжатую же проверку необходимо проводить перед любой сделкой и в рамках регулярной проверки своих постоянных контрагентов [1; 7].

2. Краткая проверка

Вся необходимая информация для проведения краткой проверки собрана и может быть получена на платной основе через интернет с помощью специализированных программных средств и справочно-информационных систем, таких как «СПАРК-Интерфакс»³ (АО «Информационное агентство Интерфакс») и «Контур.Фокус»⁴ (АО «Производственная фирма «СКБ КОНТУР») и другие аналоги. Большую часть сведений здесь можно получить сразу и в рамках одной системы. При этом имеется достаточный набор средств для проведения краткого *Due Diligence* абсолютно бесплатно.

Официальный документ, в котором содержатся все сведения об организации, внесённые в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), возможно бесплатно посмотреть на сайте уполномочен-

³ СПАРК-Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Контур.Фокус [Электронный ресурс]. URL: <https://focus.kontur.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

ного органа по ведению единого реестра – Федеральной налоговой службы Российской Федерации¹. Данный документ будет представлен в виде электронной выписки – распечатки из базы данных. Получение данной справки производится незамедлительно в момент обращения. Наиболее пристально следует обратить внимание на дату создания организации, сведения, касающиеся записей о том, является ли организация действующей, имеются ли записи о принятии решения о ликвидации.

Запись о дате начала процедуры ликвидации является прямым признаком недобросовестности контрагента, поскольку в данной ситуации наиболее велик риск, что обязательства в той или иной мере полностью не будут выполнены ликвидируемой организацией. Дата создания компании, указывающая на то, что организация является вновь созданной, т. е. зарегистрированной в текущем году, повышает вероятность недобросовестности такого контрагента. Информация, касающаяся недавней смены руководителя организации или её владельцев, также может быть отнесена к компаниям с повышенным риском, поскольку зачастую в мошеннических схемах участвуют фирмы-однодневки, специально незадолго купленные для работы в течение короткого промежутка времени при номинальной смене собственника или руководителя организации, а также внесения изменений, касающихся юридического адреса компании [11].

Дополнительная бесплатная информация, в т. ч. касающаяся связей контрагентов, может быть получена из ряда бесплатных источников и баз данных (например, Rusprofile², КомРеди³).

В качестве примера может быть приведена ситуация с регистрацией юридических лиц со схожими или идентичными друг другу наименованиями по одному и тому же

адресу. В данном примере одна из организаций под видом другой может осуществлять ту или иную деятельность, совершая сделки от лица второй организации со схожим наименованием, и в последующем не исполнять свои обязательства для извлечения незаконной выгоды. Анализ данных по организации позволит заранее выявить признаки данных мошеннических действий недобросовестного контрагента и уберечь компанию от получения ущерба. В дальнейшем при наличии признаков недействующего юридического лица организация может быть ликвидирована и исключена из ЕГРЮЛ на основании п. 2 ст. 21.1 Федерального закона № 129-ФЗ⁴.

3. Проверка судебных решений и иных государственных органов

Дополнительно необходима проверка контрагента на предмет наличия или отсутствия у него судебных решений, касающихся основной деятельности, а также связанной с взаимодействием, в т. ч. обжалованием, действий государственных органов. Здесь следует отметить, что наиболее важным является выявление типичности подобных судебных разбирательств для конкретного сегмента, в котором работает проверяемая организация. Само по себе наличие судебных споров с государственными органами не может являться признаком скорого банкротства или недобросовестности организации, за исключением тех случаев, когда размер предъявляемых требований к организации достаточно велик и при завершении судебного процесса не в её пользу может повлечь за собой неспособность удовлетворить присуждённые требования и, как следствие, банкротство [5]. Данную информацию можно найти на интернет-ресурсах арбитражных споров системы «Мой арбитр»⁵ и ГАС РФ «Правосудие»⁶.

¹ Федеральная налоговая служба Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

² Rusprofile [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusprofile.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

³ B2B-сервис «КомРеди» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comready.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

⁴ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Мой арбитр: [Электронный ресурс]. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

⁶ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

В системе «Мой арбитр» по наименованию организации или её идентификационному номеру налогоплательщика представляется информация об участии организации в текущих и завершившихся судебных процессах. Большое число дел, связанных с нарушением организацией своих договорных обязательств, свидетельствует о наличии потенциально повышенного риска неисполнения ею обязательств в будущем. В случае выявления подобных процессов следует обратить также внимание на присутствие представителей сторон в судебных заседаниях.

В системе ГАС «Правосудие» также следует обратить внимание на наличие споров по месту нахождения организации, определить их характер и периодичность.

В качестве примера скорого банкротства контрагента может служить наличие большого количества поданных заявлений о взыскании неустойки со стороны физических и юридических лиц и о расторжении различного вида договоров, связанных с основной деятельностью предприятия. При этом, проводя анализ судебных споров на типичность для отрасли, в которой работает компания, при малозначительности предъявляемых требований по сравнению с масштабами её деятельности, а также при наличии большого количества схожих дел аналогичных участников рынка, данные обстоятельства не должны вызывать дополнительных опасений.

При проведении проверки необходимо обратиться к базе данных судебных приставов, которая представлена на сайте Федеральной службы судебных приставов¹. В базе представлена информация о наличии исполнительных производств в отношении всех юридических и физических лиц, а также дата, причина окончания или прекращения исполнительного производства, предмет исполнения и сумма непогашенной задолженности. Наличие закрытых исполнительных производств

по причине того, что пристав не смог обратиться взыскание из-за невозможности обнаружить имущество должника, свидетельствует о высоком риске неисполнении обязательств [8]. Для минимизации риска в условиях сделки следует включать дополнительные гарантии исполнения обязательств, такие как: условия о залоге, поручительстве, задатке или другие способы, указанные в гл. 23 ч. 1 ГК РФ². При этом так или иначе остаётся высоким риск: если сделка не является типовой, осуществляемой в рамках обычной хозяйственной деятельности или крупной для контрагента, то она будет оспорена в соответствии с Законом о банкротстве, в случае признания контрагента банкротом [9].

Более крупные сделки требуют проведения более тщательной проверки контрагента. Рекомендован анализ финансовой устойчивости контрагента – бухгалтерской (финансовой) отчётности (бухгалтерский баланс и отчёт о финансовых результатах). При этом наиболее реальную картину деятельности компании можно получить, изучив данные управленческого учёта, не ограничиваясь только данными бухгалтерской отчётности [4; 6; 10].

Во всех остальных случаях в первую очередь необходимо убедиться в отсутствии риска, что на контрагента могут быть поданы заявления в суд о признании должника банкротом. На этот счёт Законом о банкротстве установлено, что заявление в суд о признании должника банкротом может быть подано в случае, если размер долга (неисполненных обязательств) составляет более 300 тыс. руб. и просрочка исполнения более 3 месяцев. Закон также предусматривает обязательную публикацию в срок не менее чем за 15 календарных дней до обращения в арбитражный суд уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Проверка публикации осуществляется на сайте реестра¹.

¹ Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fssprus.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «Консультант Плюс».

Дополнительную информацию для проверки благонадежности потенциального контрагента можно получить из средств массовой информации, также не будет лишним проверить ее деловую репутацию.

Заключение

Итак, в век всеобщей цифровизации и компьютеризации у компаний появилась возможность достаточно оперативно про-

верить контрагентов на благонадежность с помощью вышеперечисленных источников и информационных ресурсов, что позволит принять обоснованное решение о дальнейшей работе с ними и их потенциале, определить подходящие формы и сроки расчётов и гарантий для снижения рисков и избежать их непредвиденного возникновения.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н. и др. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. М.: Статут, 2019. 656 с.
2. Болдинова Е. Трудности проверки контрагентов [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2017. № 4. URL: <https://www.eg-online.ru/article/335775> (дата обращения: 06.04.2021).
3. Буньков Д. Как проверять контрагентов. Пошаговая инструкция // ЭЖ-Юрист. 2017. № 33. С. 12–13.
4. Клычова Г. С., Хамидуллин З. З. Актуальные вопросы контроля и управления дебиторской задолженностью // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2016. Т. 11. № 1. С. 109–113.
5. Лажу А. Р., Рид С. Ф. Искусство слияний и поглощений. М.: Альпина Пабlishер, 2011. 958 с.
6. Михаленок Н. О., Шнайдер О. В. Дебиторская и кредиторская задолженность: принципы анализа, классификации и методика внутреннего контроля // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1. С. 191–194.
7. Ненашева Н. Неопределённая осматрительность. Как надо правильно выбирать контрагента // Финансовая газета. 2019. № 38. С. 9.
8. Улезко А. Проверка кредитными организациями контрагентов: анализ судебной практики // Банковское обозрение. 2019. № 1. С. 87–89.
9. Улезко А. Проверка финансового состояния контрагентов: на что обратить внимание // Юридическая работа в кредитной организации. 2019. № 3. С. 56–60.
10. Чаплыгина М. А., Польская Г. А., Виноградова Н. И. Практические аспекты совершенствования комплексного подхода к контролю за состоянием качества дебиторской задолженности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 1. С. 366–373.
11. Шатина Е. Н., Козменкова С. В., Фролова Э. Б. Внутренний контроль: методические особенности проверки контрагентов на благонадежность // Международный бухгалтерский учёт. 2018. № 15–16. С. 904–916.

REFERENCES

1. Afanasev S. F., Baulin O. V., Lukyanova I. N., et al. *Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess. Administrativnoye sudoproizvodstvo* [Evidence course: Civil Procedure. Arbitration process. Administrative proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2019. 656 p.
2. Boldinova E. [Difficulties in checking counterparties]. In: *EZH-Yurist* [EJ Lawyer], 2017, no. 4. Available at: <https://www.eg-online.ru/article/335775> (accessed: 06.04.2021).
3. Bunkov D. [How to check counterparties. Step-by-step instruction]. In: *EZH-YUrist* [EJ Lawyer], 2017, no. 33, pp. 12–13.
4. Klychova G. S., Khamidullin Z. Z. [Topical issues of control and management of accounts receivable]. In: *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Kazan State Agrarian University], 2016, vol. 11, no. 1, pp. 109–113.
5. Lazhu A. R., Rid S. F. *Iskusstvo sliyanii i pogloshchenii* [The art of mergers and acquisitions]. Moscow, Alpina Publisher, 2011. 958 p.

¹ Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс]. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

6. Mikhalenok N. O., Shnaider O. V. [Accounts receivable and payable: principles of analysis, classification and method of internal control]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of scientific research: economics and management], 2018, vol. 7, no. 1, pp. 191–194.
7. Nenasheva N. [Uncertain discretion. How to choose the right counterparty]. In: *Finansovaya gazeta* [Financial newspaper], 2019, no. 38, pp. 9.
8. Ulezko A. [Verification of counterparties by credit institutions: analysis of judicial practice]. In: *Bankovskoe obozrenie* [Bank Review], 2019, no. 1, pp. 87–89.
9. Ulezko A. [Checking the financial condition of counterparties: what to look for]. In: *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii* [Legal work in a credit institution], 2019, no. 3, pp. 56–60.
10. Chaplygina M. A., Polskaya G. A., Vinogradova N. I. [Practical aspects of improving an integrated approach to monitoring the quality of receivables]. In: *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2014, no. 1, pp. 366–373.
11. Shatina E. N., Kozmenkova S. V., Frolova E. B. [Internal control: methodological features of checking counterparties for reliability]. In: *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët* [International Accounting], 2018, no. 15–16, pp. 904–916.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данько Кирилл Александрович – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, ведущий специалист департамента маркетинга и реализации газа ПАО «НОВАТЭК»;
e-mail: dankogas@icloud.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Danko – postgraduate student, Department of Civil Law Disciplines, Moscow Financial and Law University, Senior Specialist, Gas Marketing and Sales Department, NOVATEK PAO;
e-mail: dankogas@icloud.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Данько К. А. Необходимые процедуры проверки контрагента перед заключением сделки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 98–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-98-103

FOR CITATION

Danko K. A. Required Procedures of Counterparty Verification before Concluding a Deal. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 98–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-98-103

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 34.011(597)

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-104-110

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 205.6 УК РФ (НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ) И СТ. 390 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА СРВ (НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ)

Хоанг В. Л.

*Московский университет МВД Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести сравнительное исследование объектов преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении) и ст. 390 Уголовного кодекса СРВ (несообщение о преступлении).

Процедура и методы. При проведении исследования применены методы: анализа, синтеза, сравнительный, историко-правовой, логический, системный.

Результаты. В ходе работы были выявлены положительные аспекты конструирования норм, предусматривающих ответственность за несообщение о преступлении, которые могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования углубляют и расширяют существующие научные знания об уголовно-правовом противодействии несообщению о преступлении. Они также могут быть использованы при преподавании уголовного права в учебных заведениях и проведении дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: объект преступления, несообщение о преступлении

COMPARATIVE STUDY OF OBJECTS OF CRIMES PROVIDED BY ARTICLE 205.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (NON-REPORTING OF A CRIME) AND ARTICLE 390 OF THE SRV CRIMINAL CODE (NON-REPORTING OF A CRIME)

Hoang Van Luan

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V. Ya. Kikotya
12 Academica Volgina ul., Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a comparative study of the objects of crimes under article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation (non-reporting of a crime) and article 390 of the Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam (non-reporting of a crime).

Methodology. During the research, the following methods were used: analysis, synthesis, comparative, historical and legal, logical systemic.

Results. In the course of the work, positive aspects of the design of norms providing for liability for failure to report a crime were identified, which can be used to improve criminal legislation.

Research implications. The results of the study deepen the existing scientific perspectives and the foundations of new doctrinal provisions related to the formulation of Vietnamese legislation providing for the institution of non-reporting a crime.

Keywords: object of crime, non-reporting of a crime

Введение

Объект преступления имеет важное значение как для теории, так и для практики применения уголовного закона, поскольку он является необходимым составляющим основания уголовной ответственности. Это один из критериев определения предела и объёма уголовно-правовой охраны, характеризующий само его содержание и юридическую структуру¹. Преступление, независимо от того в какой бы оно форме не выражалось, всегда причиняет вред интересам личности или общества либо создаёт угрозу причинения такого вреда.

В истории развития уголовно-правовой науки изначально многие учёные признавали объектом преступления норму права в её реальном существовании. А. А. Пионтковский отмечал, что объект преступления представляет собой и общественные отношения, и соответствующие правовые нормы права, охраняемые такие отношения. Если преступник посягает на какой-либо объект, то одновременно нарушает соответствующую правовую норму².

В дальнейшем была обоснована позиция, признающая объектом преступления общественные отношения, которая является наиболее обоснованной в современной российской науке уголовного права. Во Вьетнаме после окончания войны с США в 1975 г. учёные, прошедшие обучение в СССР, также восприняли и развили понимание объекта преступления как общественных отношений³.

¹ Уголовное право России : учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. С. 134.

² Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина. М., 1997. С. 135.

³ Lê Cẩm. Giáo trình luật hình sự Việt Nam. Phần chung. Đại học Luật Hà Nội. Nhà xuất bản quốc gia Hà Nội, 2015. Tr. 75. (Ле Кам. Уголовное право. Общая часть.

Итак, сравнительное исследование будет проведено на основе понимания объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которым преступным посягательством причиняется определённый вред либо создаётся реальная угроза его причинения.

Сравнительное исследование объектов преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ (Несообщение о преступлении) и ст. 390 Уголовного кодекса СРВ (Несообщение о преступлении)

Объект преступления,
предусмотренного ст. 205.6 УК РФ

В доктрине российского уголовного права выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления. При этом правильное установление общего объекта является одним из критериев отличия непроступного деяния от преступного. Это объясняется тем, что в общий объект входят все общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Без установления родового, видового и непосредственного объектов преступления невозможно правильно квалифицировать деяние. Поскольку, как отметил В. Н. Кудрявцев, установление объекта преступного посягательства служит как бы предварительной программой для выбора той группы смежных составов, среди которых нужно будет уже более тщательно искать необходимую норму⁴.

Полагаем уместно акцентировать внимание на том, что до принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. родовым объектом

Юридический институт Ханой. 2017. С. 75).

⁴ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 158.

преступления, предусмотренного ст. 190 «Недонесение о преступлениях» УК РСФСР 1960 г., признавались отношения, складывающиеся в сфере охраны интересов правосудия¹. Следует отметить, что это не означает, что при совершении этого преступления не причинялся вред общественной безопасности. Она, при совершении этого преступления, выступала в качестве дополнительного объекта, если имело место недонесение о преступлениях, посягающих на общественную безопасность.

Соответственно своевременной выглядит постановка вопроса относительно обоснованности и допустимости переноса законодателем нормы, предусматривающего ответственность за несообщение о преступлении, из главы Уголовного кодекса РФ о преступлениях против правосудия в главу, содержащую преступления против общественной безопасности. Подобное стало возможным в силу того, что в ст. 205.6 УК РФ ответственность установлена только за недонесение о преступлениях, основным или дополнительным объектом которых является общественная безопасность. Это означает, что объектом этого преступления могут выступать 2 группы общественных отношений – интересы правосудия и общественная безопасность. Как отмечается в теории уголовного права², решение о том, какой объект признать основным, а какой дополнительным, находится в компетенции законодателя. Поэтому помещение преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, в главу о преступлениях против общественной безопасности обоснованно и не противоречит теоретическим положениям об объекте преступления.

Итак, принимая во внимание то, что преступление, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ, закрепляется в IX разделе УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», можно сделать вывод, что родовым объ-

ектом данного преступления выступают общественная безопасность и общественный порядок.

В соответствии с нормами Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», под общественной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов общества, государства и личности.

Под общественным порядком понимается совокупная система общественных отношений, которая складывается в результате соблюдения правовых норм, правил взаимного поведения и общежития, а также нравственных норм.

Помещение законодателем преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», позволяет констатировать, что его видовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Особенностью преступлений, предусмотренных в гл. 24 УК РФ, является то, что они причиняют вред интересам не конкретного человека, а затрагивают интересы широкого круга людей. Поэтому общественная безопасность как видовой объект преступлений, предусмотренных в гл. 24 УК РФ, понимается в узком смысле. В этом случае под общественной безопасностью понимается совокупность общественных отношений, в рамках которых осуществляется безопасная жизнедеятельность общества, граждан, нормальное условие деятельности учреждений, предприятий, граждан при производстве различного рода работ и в процессе обращения с общепасными предметами, общественный порядок.

Непосредственным объектом данного преступления признаются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность в сфере защищенности всех граждан, общества, государства от преступных посягательств, о которых не сообщает виновный.

В части определения непосредственного объекта следует отметить, что в УК РСФСР 1960 г., норма, предусматривавшая

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1993. С. 245.

² Уголовное право России : учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. С. 354.

ответственность за недонесительство располагалась в главе «Преступления против правосудия». Соответственно непосредственным объектом недонесения признавались интересы правосудия, поскольку при его совершении осуществляется противодействие изобличению, преследованию и привлечению к ответственности лица, совершившего преступление.

В настоящее время при совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, интересам правосудия также причиняется вред, но они выступают только в качестве его дополнительного непосредственного объекта.

В российской доктрине высказываются предложения о расширении круга преступлений, за несообщение о которых установить уголовную ответственность и переносе его в гл. 31 «Преступления против правосудия». Так, Кириллов М. А. и Рукавишников Г. А. предлагают установить уголовную ответственность за несообщение о тяжких и особо тяжких преступлениях [2, с. 157]. В таком случае, по их мнению, непосредственным объектом этого преступления будут интересы правосудия.

Идрисов Н. Т. также указывает, что перечень преступлений, недонесение о которых влечёт уголовную ответственность, неоправданно узок и может быть расширен или дополнен аналогичными составами преступлений по иным наиболее распространённым группам преступлений, таким как наркотические преступления [1, с. 108]. В таком случае, по его мнению, в качестве дополнительного объекта будут выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность и здоровье населения.

Признавая аргументированными приведенные позиции, всё же следует отметить, что общественная безопасность может стать дополнительным объектом лишь при переносе преступления, предусматривающего ответственность за несообщение о преступлении в главу о преступлениях против правосудия. Необходимость данного законодательного решения может быть обусловлена только в случае реализации предложения о расширении круга

преступлений за недонесение о совершении или подготовке которых наступает уголовная ответственность. Пока у всех преступлений, указанных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ, основным или дополнительным объектом выступает общественная безопасность, и необходимость в переносе исследуемого преступления в главу о преступлениях против правосудия отсутствует.

Итак, можно сделать промежуточный вывод, что в настоящее время непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, является общественная безопасность, а интересы правосудия выступают в качестве его дополнительного непосредственного объекта. С учётом ограниченного круга преступлений, за несообщение которых в Российской Федерации наступает ответственность, это представляется обоснованным.

Объект преступления, предусмотренного ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса СРВ

В уголовном законодательстве Вьетнама выделяется общий, видовой и непосредственный объекты преступления. Отсутствие родового объекта объясняется тем, что Особенная часть Уголовного кодекса СРВ не содержит разделов, она состоит из глав и статей.

Преступление, предусмотренное ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса СРВ, помещено в гл. 24 «Преступления против правосудия». Соответственно его видовым объектом являются интересы правосудия. В Уголовном кодексе СРВ содержится норма, в которой дано определение преступления против правосудия. Так, ст. 367 (понятие преступления против правосудия) Уголовного кодекса СРВ 2015 г. преступлением против правосудия признаёт общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, которые обеспечивают нормальный ход проведения процессуальных действий и действий по исполнению

наказания. Соответственно отношениям правосудия причиняют вред деяния, затрудняющие или препятствующие процессуальным действиям, регламентированным нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также действиям по исполнению наказания¹. При этом уголовный закон охраняет не все общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия, а лишь деятельность по реализации задач и целей правосудия. В качестве таковых могут выступать: деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел, деятельность прокуратуры по надзору процессуальных действий, деятельность органов следствия и органов, исполняющих наказание, а также деятельность других участников судопроизводства.

Непосредственным объектом несообщения о преступлении по Уголовному кодексу РФ выступают общественные отношения, обеспечивающее нормальное функционирование органов правосудия.

Однако в науке уголовного права Вьетнама существуют и иные взгляды на объект преступления, предусмотренного ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ. Так Нгуен Нгок Хоа полагает, что природа данного преступления характеризует двойственный характер его непосредственного объекта. С одной стороны, данное преступление прикосновенно с деянием лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, с другой – противодействием деятельности органов правосудия. При этом объектом преступления, предусмотренного ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ, по его мнению, должны быть интересы правосудия и объект первичного преступления [5, с. 19].

Динь Ван Куе считает, что непосредственным объектом данного преступления признаётся объект первичного преступле-

ния, т. к. он приводит к практическому выводу, что несообщение о наркотическом преступлении посягает на здоровье населения, несообщение о краже причиняет вред собственности, несообщение об убийстве посягает на жизнь человека [3, с. 33]. Нгуен Нгок Ань не разделяет эту позицию, указывая, что она противоречит общепринятому в теории уголовного права понятию объекта преступления [4, с. 10]. Так прикосновенность к преступлению характеризуется тем, что она не имеет причинной связи с основным преступлением, а соответственно не способствует его совершению. По его мнению, непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются интересы правосудия, а другие общественные отношения, которым посягают первичным преступлением, выступают в качестве дополнительного его объекта.

Дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ, являются те общественные отношения, которым причиняет вред первичное преступление. Следовательно, круг дополнительных объектов исследуемого преступления совпадает с кругом общественных отношений, которым причиняется вред преступлением, о совершении которого не было сообщено.

Таким образом, дополнительный объект преступления, предусмотренного ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ, достаточно широк. Даже различные сферы интересов правосудия могут быть одновременно и непосредственным, и дополнительным объектом. Ст. 390 (несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за несообщение о преступлении, предусмотренном ст. 373 (принуждение к даче показаний с применением насилия, издевательствах или пытки, причиняющих особо тяжкие последствия) Уголовного кодекса РФ.

Кроме того, Нгуен Нгок Ань считает, что структура ст. 390 (Несообщение о преступлении) Уголовного кодекса РФ 2015 г. является необоснованной, поскольку пе-

¹ Trần Văn Luyện. Bình luận khoa học bộ luật hình sự năm 2015) - Phần tội phạm. Nhà xuất bản Công an nhân dân, 2018. (Чан Ван Луен. Комментарий к Уголовному праву 2015 г. Часть 2. Изд-во Народной полиции, 2018. 986 с.).

речисляется только 83 вида преступления, в т. ч. преступления средней тяжести. Так, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 173 (кража) Уголовного кодекса СРВ, является средней тяжести, за несообщение о котором установлена уголовная ответственность. Нгуен Нгок Ань поставил вопрос о критериях, позволивших отнести преступления к числу тех, за несообщение о которых лицо привлекается к ответственности. Почему ответственность наступает за несообщение не о всех тяжких и особо тяжких преступлениях? Нгуен Нгок Ань предполагает необходимым закрепление в диспозиции ст. 390 (Несообщение о преступлении) Уголовного кодекса СРВ уголовной ответственности за несообщение о любых тяжких и особо тяжких преступлениях. В случае реализации этого предложения дополнительным объектом преступления будут выступать все общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Заключение

Итак, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 390 (Несообщение о преступлении) Уголовного кодекса СРВ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов

правосудия. Его дополнительным непосредственным объектом могут выступать все те общественные отношения, которым причиняется вред преступлениями, о которых не было сообщено в компетентные органы.

Такое решение вьетнамских законодателей вполне обоснованно, поскольку по ст. 390 УК СРВ ответственность наступает за весьма широкий круг преступлений, посягающих на различные объекты: жизнь, собственность, здоровье население, общественная безопасность и т. д. То есть критерием установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении во Вьетнаме является общественная опасность и распространенность преступлений.

В Российской Федерации в качестве критериев криминализации наряду с общественной опасностью несообщения о преступлении был избран объект их посягательства, а именно общественные отношения, охраняющие общественную безопасность. Этим объясняется отличие объектов несообщения о преступлении по уголовным законодательствам России и Вьетнама.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идрисов Н. Т. Несообщение о преступлении в применении к наркотическим преступлениям // Economics and Politics: problems and innovations: сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2016. С. 106–114.
2. Кириллов М. А., Рукавишников Г. А. К вопросу об активности населения по сообщению в органы внутренних дел сведений, имеющих значение для борьбы с преступностью (на примере криминализации несообщения о преступлении) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 155–162.
3. Đinh Văn Quế. Một số vấn đề về khách thể của tội phạm, quy định tại điều 390 BLHS 2015 // Tạp chí Pháp luật. 2018. Số 9. Tr. 32–37.¹
4. Nguyễn Ngọc Anh. Một số khía cạnh về khách thể tội phạm, quy định tại Điều 390 BLHS 2015 // Tạp chí Pháp luật và thực tiễn. 2018. Số 5, Tr. 9–15.²
5. Nguyễn Ngọc Hòa. Đặc điểm pháp lý tội phạm không tố giác tội phạm // Tạp chí Cảnh sát nhân dân. 2017. Số 10. Tr. 17–25.³

¹ Динь Ван Куе. Некоторые вопросы об объекте преступления, предусмотренного ст. 390 УК СРВ 2015 г. // Закон. 2018. № 9. С. 32–37.

² Нгуен Нгок Ань. Некоторые аспекты об объекте преступления, предусмотренного ст. 390 УК СРВ 2015 г. // Закон и практика. 2018. № 5. С. 9–15.

³ Нгуен Нгок Хоа. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении // Народная полиция. 2017. № 10. С. 17–25.

REFERENCES

1. Idrisov N. T. [Failure to Report a Crime as Applied to Drug Crimes]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Economics and Politics: Problems and Innovations: sbornik statey Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Economics and Politics: Problems and Innovations: Collection of Articles of the International Practical Conference]. Penza, Nauka i prosveshenie Publ., 2016, pp. 106–114.
2. Kirillov M. A., Rukavishnikov G. A. [To the question of the activity of the population in reporting to the internal affairs bodies information that is important for the fight against crime (on the example of the criminalization of non-reporting of a crime)]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2, pp. 155–162.
3. Đinh Văn Quế. Một số vấn đề về khách thể của tội phạm, quy định tại điều 390 BLHS 2015. In: *Tạp chí Pháp luật*, 2018, số 9, tr. 32–37.
4. Nguyễn Ngọc Anh. Một số khía cạnh về khách thể tội phạm, quy định tại Điều 390 BLHS 2015. In: *Tạp chí Pháp luật và thực tiễn*, 2018, số 5, tr. 9–15.
5. Nguyễn Ngọc Hòa. Đặc điểm pháp lý tội phạm không tố giác tội phạm. In: *Tạp chí Cảnh sát nhân dân*, 2017, số 10, tr. 17–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хоанг Ван Луан – адъюнкт 2-ого курса кафедры уголовного права, Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: satthu.kc91@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hoang Van Luan – Adjunct of the 2nd year, Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot';
e-mail: satthu.kc91@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хоанг В. Л. Сравнительное исследование объектов преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении) и ст. 390 Уголовного кодекса СРВ (несообщение о преступлении) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 104–110.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-104-110

FOR CITATION

Hoang V. L. Comparative Study of Objects of Crimes Provided by Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation (Non-reporting of a Crime) and Article 390 of the SRV Criminal Code (Non-reporting of a Crime). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 104–110.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-104-110

УДК 343.97

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-111-117

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Молчанова Т. В.*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя**117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статистический анализ преступлений, совершённых в форме организованной преступной группы и преступного сообщества в сфере экономической деятельности.

Процедура и методы. В основу анализа легли данные по доказанным фактам соучастия в форме организованной преступной группы или преступного сообщества, представленные отдельными формами статистической отчётности ГИАЦ МВД России.

Результаты. В статье рассмотрены отдельные проблемы, возникающие в процессе расследования, раскрытия фактов совершения преступлений в форме организованной преступной группы и преступного сообщества в сфере экономической деятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Использование официальных статистических оценок для измерения уровня организованной преступности в экономической деятельности приводит к ошибкам в оценке её количественного восприятия и использования в прогнозной, предупредительной деятельности. Организованная преступность в условиях пандемии приобрела новый вектор своего развития и позволила трансформироваться в новые виды экономической деятельности.

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, сфера экономической деятельности, пандемия, учёт, оценка, анализ, статистические данные, выявление, расследование, раскрытие, прогнозирование, предупреждение организованной преступности в сфере экономической деятельности

ORGANIZED CRIME IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY: STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

T. Molchanova*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya**12 Academica Volgina ul., Moscow 117437, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article is devoted to the statistical analysis of crimes committed in the form of an organized criminal group and a criminal community in the field of economic activity.

Methodology. The analysis was based on the data on the proven facts of complicity in the form of an organized criminal group or criminal community, presented by certain forms of statistical reporting of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Results. The article deals with certain problems arising in the process of investigation, disclosure of the facts of committing crimes in the form of an organized criminal group and a criminal community in the field of economic activity.

Research implication. The theoretical and practical significance is represented by the following conclusions. The use of official statistical estimates to measure the level of organized crime in economic activity leads to errors in assessing its quantitative perception and use in predictive and preventive activity. Organized crime in the context of a pandemic has acquired a new vector of its development and has made it possible to transform into new types of economic activity.

Keywords: organized crime, criminal community, sphere of economic activity, pandemic, accounting, assessment, analysis, statistical data, identification, investigation, disclosure, forecasting, prevention of organized crime in the sphere of economic activity

Введение

Преступления в сфере экономической деятельности относятся к незаконным действиям, совершённым преимущественно организованной группой лиц или преступным сообществом, с целью получения финансовой или профессиональной выгоды.

Организованные преступные группы – это преступные группы, которые стремятся осуществлять управление за общественным порядком и безопасностью в районах, городах, которые они контролируют. Это делается путём управления преступностью и обеспечения безопасной среды для защиты предприятий, осуществляющих плату за защиту и стремящихся завоевать расположение местного населения [3; 4; 5].

Организованная преступность эволюционирует, становится всё более разнообразной по своим методам, способам, групповым модификациям и влиянием на общественные отношения.

Современная организованная преступность воспользовалась ситуацией, связанной с распространением вируса COVID-19, для совершения различных преступлений. Пандемия трансформировала характер и интенсивность всей преступности, самые значительные изменения произошли в т. ч. в области экономических отношений. Ландшафт угроз от организованной преступности в сфере экономической деятельности во время пандемии COVID-1 достиг серьёзных последствий.

Анализ открытых источников позволил выявить ряд случаев участия организованной преступности, в т. ч. в обороте медицинских препаратов и изделий. Намечались

мировые негативные тенденции, которые указывают на следующее факторы:

- кризис COVID-19 предоставил уникальные возможности организованной преступности по всему миру;
- организованные преступные группы преследуют все законные виды бизнеса¹.

Проникновение организованной преступности в легальную экономику, в т. ч. при осуществлении растрат и различных злоупотреблений государственными средствами и их незаконное управление, имеют сильную взаимосвязь. Вкладывание средств в экономику для создания ликвидности, особенно в периоды, когда государственные и общественные институты ослаблены, и скорость принятия решений имеет важное значение, увеличивается риск хищений организованными преступными группами и преступными сообществами средств, предназначенных для усилий по восстановлению экономики государства. Однако противоположная ситуация, при которой экономические стимулы слишком малы, чтобы произвести какой-либо значительный эффект, ставит предприятия и работников в серьёзное и уязвимое экономическое положение. В результате преступники могут предлагать средства компаниям и частным лицам, столкнувшимся с трудностями, что приводит к проникновению организованной преступной деятельности в легальную экономику и укреплению их роли в управлении, контроле над территорией.

¹ Влияние COVID-19 на организованную преступность: доклад, подготовленный международной исследовательской организацией «Global Initiative Against Transnational Organized Crime». [Электронный ресурс]. URL: www.unodc.org (дата обращения: 18.05.2020).

Экономический и медицинский кризис, вызванный пандемией, открывает возможности для проникновения организованной преступности в предприятия и финансовые учреждения, а также обуславливает рост мошенничества и легализации (отмывания денег) денежных средств¹.

Статистическое измерение организованной преступности

В России за 2020 г. также обнаружили незначительные отрицательные изменения в динамике организованной преступности в сфере экономической деятельности. Тенденция роста была неизбежна в сложившихся социально-экономических условиях.

Следует отметить, что понимание и измерение организованной преступности в сфере экономической деятельности в России крайне неопределённо с позиций количественного и качественного изучения. Имеющаяся информация основана исключительно на доказанных фактах 2-х форм соучастия.

Статистическое измерение организованной преступности в сфере экономической деятельности основано на различного рода отчётах о преступлениях (официальная статистика), где в качестве квалифицирующего признака указано совершение преступления «в составе организованной преступной группы» или «преступного сообщества».

Состояние преступлений в сфере экономической деятельности, совершённых организованной преступной группой

Следует отметить, что организованная преступность в сфере экономической деятельности – это особый вид преступности, который характеризуется гиперлатентностью. Статические данные, сформированные исключительно только на выявлен-

ных фактах, указывают на незначительный удельный вес лиц, совершивших преступления в составе организованной группы и преступного сообщества в сфере экономической деятельности.

Обратимся к статистике расследованных преступлений, совершённых организованными преступными группами, в сфере экономической деятельности в 2014–2020 гг.² (табл. 1).

Анализ данных указывает на интенсификацию правоприменительной деятельности в привлечении к уголовной ответственности практически во всех федеральных округах. Наибольшее число расследований зафиксировано в Приволжском и Центральном федеральных округах. Так, в Приволжском федеральном округе произошло усиление миграционных процессов, прибывают уже сформированные организованные этнические преступные группы. Они представляют повышенную общественную опасность, т. к. обладают устойчивой структурой, имеют опыт ведения боевых действий и значительное количество огнестрельного оружия [1, с. 123–127]. Одни вливаются в уже существующие преступные сообщества, а другие вступают с ними в прямую конфронтацию, пытаются добиться передела сфер влияния.

Исключение составил Дальневосточный федеральный округ, в котором произошло снижение преступных деяний рассматриваемой категории лиц. Количественный параметр совершения преступлений в составе организованной преступной группы не имеет сколько-нибудь достоверного отражения. Данный округ традиционно относился к регионам с высоким уровнем совершения преступлений организованными группами и преступными сообществами в экономической деятельности. Возможно, сокращение данного вида преступности на территории Дальневосточного округа про-

¹ Тесса М. Впечатление: продажа преступного мира, новое обвинение, аномалия WSI // WallStreetItalia : [сайт]. URL: <https://www.wallstreetitalia.com/imprese-sale-pericolo-di-infiltrazioni-criminali-servono-nuovi-indicatori-di-anomalia/> (дата обращения: 18.05.2021).

² Введён в действие новый вид формы 3-ЕГС, начиная с отчёта за 12 месяцев 2014 г. См: Приказ Генпрокуратуры России от 20.11.2014 № 646 «О внесении изменения в Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.07.2012 № 250 "Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС"» // СПС «Консультант Плюс».

Таблица 1 / Table 1

Число преступлений, совершённых организованными преступными группами, в сфере экономической деятельности в 2014–2020 гг. / The number of crimes committed by organized criminal groups in the field of economic activity in 2014–2020

	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)
Центральный ФО	74	3,8	94	4,3	169	7,2	243	8,9	203	6,8	226	6,9	266	7,3
Северо-Западный ФО	25	2,8	22	2,3	20	1,9	45	4,1	124	8	57	3,3	39	1,9
Северо-Кавказский ФО	8	1,3	9	1,0	24	5,1	45	4,4	23	2,3	28	2,8	53	4,5
Южный ФО	31	2,9	79	5,7	34	2,4	80	5,6	64	4,5	61	3,6	64	3,9
Приволжский ФО	76	4,9	81	4,4	129	6,2	132	5,2	178	4,9	170	3,9	406	8,7
Уральский ФО	17	2,3	46	5,1	35	3,8	18	1,1	60	2,2	38	1,8	92	4,6
Сибирский ФО	51	4,0	60	4,2	52	3,4	51	2,7	64	2,7	74	2,7	83	3,6
Дальневосточный ФО	47	9,0	15	2,9	31	5	23	3,2	30	2,7	47	4,2	33	3,3

Источник: Ф. 493, книга 2. Раздел 2. Сведения о расследованных преступлениях, совершённых отдельными категориями лиц // Сборник по Российской Федерации. Январь–декабрь 2011–2020 гг.

изошло вследствие различных социально-экономических преобразований региона, принимаемых мер по декриминализации ключевых отраслей экономики округа, которые во многом формировали организованную экономическую преступность. При этом во всех округах за исследуемый период наблюдаются существенные статистические колебания.

Структурно-динамические изменения вышеуказанных статистических данных во всех регионах свидетельствует о нестабильной тенденции развития рассматриваемого уголовно-правового явления. Скорее всего, вышеуказанные тенденции связаны не столько с фактическим их снижением или увеличением, сколько с несовершенством процесса выявления, расследования и раскрытия, а также иными обстоятельствами, формирующими предмет доказывания по данным формам соучастия.

Интенсивность оперативно-розыскных мероприятий, объективность и достоверность собранных доказательств значительно увеличили бы судебную перспективу рассматриваемых преступлений. Показатели увеличения практики привлечения к уголовной ответственности нашли бы своё естественное отражение в данных статистического учёта и отчётности.

Состояние преступлений в сфере экономической деятельности, совершённых преступным сообществом

Статистические сведения, представленные в табл. 2, отражают лишь незначительную долю фактов совершения преступных действий в форме преступного сообщества в сфере экономической деятельности.

Таблица 2 / Table 2

Число преступлений, совершённых преступным сообществом (преступной организацией), в сфере экономической деятельности в 2014–2020 гг. / The number of crimes committed by a criminal community (criminal organization) in the field of economic activity in 2014–2020

	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)	Всего	Уд. вес от всех раскрытых (%)
Центральный ФО	50	2,6	10	0,5	5	0,2	6	0,2	20	0,8	19	0,6	15	0,4
Северо-Западный ФО	17	1,9	5	0,5	0	0	9	0,8	12	0,8	17	1	4	0,2
Северо-Кавказский ФО	0	0	5	0,6	1	0,4	0	0	0	0	0	0	0	0
Южный ФО	4	0,4	1	0,1	0	0	7	0,5	4	0,3	25	1,5	2	0,1
Приволжский ФО	2	0,1	3	0,2	23	1,1	22	0,9	19	0,5	21	0,5	14	0,3
Уральский ФО	1	0,1	6	0,7	1	0,1	13	0,8	0	0	1	0	6	0,3
Сибирский ФО	1	0,1	3	0,2	0	0	1	0,1	1	0,1	8	0,3	0	0
Дальневосточный ФО	3	0,6	2	0,4	8	1,3	0	0	1	0,1	1	0,1	2	0,2

Источник: Ф. 493, книга 2. Раздел 2. Сведения о расследованных преступлениях, совершённых отдельными категориями лиц // Сборник по Российской Федерации. Январь–декабрь 2011–2020 гг.

В связи с общей предметной уголовно-правовой спецификой преступлений, дополнительной криминологической их особенностью выступает довольно высокая степень латентности. Указанные обстоятельства свидетельствует об отсутствии какой-либо объективной действительности в установлении фактов преступных деяний такой структурированной группы, как преступное сообщество. Удельный вес среди всех раскрытых преступлений в сфере экономической деятельности имеет слишком незначительные параметры их раскрытия такого рода соучастия в преступлениях. Количественная оценка доли не превышает 1% во всех федеральных округах.

Высокий уровень латентности данных преступлений связан со скрытостью субъектов и конечных бенефициаров его совершения, а также сферой его совершения – экономическая деятельность традиционно более

сложная в оперативном сопровождении, чем общеуголовная преступность [2].

Весьма значимым фактором незначительного количества в выявлении и установлении членов организованных преступных групп и руководителей преступных сообществ остаётся проблема непринятия мер к необходимому оперативному документированию преступных связей между их участниками, данных, указывающих на такие существенные признаки, как системность, устойчивость, получение экономической выгоды, что осложняет доказывание именно организованного характера при формировании преступного умысла.

Заключение

Научный анализ состояния преступности показал неблагоприятный прогноз развития организованной преступности

в сфере экономической деятельности. Требуется специальный подход в изучении социально-экономических факторов организованной преступности как одной из форм экономической преступной деятельности и одной из базовых структур теневой экономики. Механизмы совершения преступлений в форме организованной преступной группы и преступного сообщества имеют индивидуальные криминологические особенности. Все это в полной мере позволяет говорить о вполне сформировавшейся научной потребности в исследовании подобного рода феномена преступности.

Продемонстрированные в статье количественные оценки, степень достоверности, объективности, точности, полноты информационных ресурсов по изучаемым преступлениям, отдельные вопросы правоприменительной практики по исследуемым преступлениям в сфере экономической деятельности позволяют сделать

самый важный вывод: этих данных недостаточно для оценки, измерения, анализа, тем более прогнозной деятельности ввиду их недостаточной содержательности. Мы не можем узнать о них ничего более того, что нам представляет деятельность правоохранительных органов, с другой стороны, эти органы сами не способны предложить нам необходимую информацию для научного анализа. Предметом изучения организованной преступности должны быть не только расследованные и рассмотренные уголовные дела, но и сведения из оперативных разработок организованных преступных групп и преступных сообществ.

Реальное измерение организованной преступности в сфере экономической деятельности входит в новую фазу своего изучения и требует иного теоретического и практического понимания.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева О. Р., Гончарова В. Р., Шиян В. И. Факторы преступности в Приволжском федеральном округе Российской Федерации // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. № 12 (66). С. 123–127.
2. Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершённых организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // *Безопасность бизнеса*. 2019. № 4. С. 51–56.
3. Albanese J. S., Das D. K., Verma A. *Organized Crime: World Perspectives*. New Jersey: Prentice Hall, 2003. 482 p.
4. Paoli L., Beken T. V. *Organized crime: contested concept* // *Oxford Handbook on Organized Crime* / ed. L. Paoli. New York: Oxford University Press, 2014. P. 13–31.
5. Ruther P. *Disorganized crime: the economics of the visible hand* // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1983. Vol. 74. № 4. P. 1633–1635.

REFERENCES

1. Afanaseva O. R., Goncharova V. R., Shiyani V. I. [The factors of crime in the Volga Federal District of the Russian Federation]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2018, no. 12 (66), pp. 123–127.
2. Molchanova T. V., Gadzhimuradov Sh. A. [Statistical measurement of crimes committed by an organized criminal group and a criminal community in the field of economic activity]. In: *Bezopasnost biznesa* [Business Security], 2019, no. 4, pp. 51–56.
3. Albanese J. S., Das D. K., Verma A. *Organized Crime: World Perspectives*. New Jersey, Prentice Hall, 2003. 482 p.
4. Paoli L., Beken T. V. *Organized crime: contested concept*. In: Paoli L., ed. *Oxford Handbook on Organized Crime*. New York, Oxford University Press, 2014, pp. 13–31.
5. Ruther P. *Disorganized crime: the economics of the visible hand*. In: *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 1983, vol. 74, no. 4, pp. 1633–1635.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Татьяна Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Московского университета имени В. Я. Кикотя;
e-mail: molcha@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Molchanova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya;
e-mail: molcha@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчанова Т. В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности: состояние и тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-111-117

FOR CITATION

Molchanova T. V. Organized Crime in the Field of Economic Activity: State and Development Trends. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-111-117

УДК 343

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-118-130

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 ГОДА

Полянская Е. М.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать систему преступлений против свободы человека по действующему уголовно-му законодательству Российской Федерации.

Процедура и методы. Проанализированы употребляемые в литературе и судебной практике обозначения указанных групп преступлений. Исследованы варианты расширения перечня норм о преступлениях против свободы человека. В работе использовались методы анализа и синтеза, юридической компаративистики, логико-юридический.

Результаты. Проведённый анализ выявил научно-обоснованные обозначения для преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, выделены группы исследуемых преступлений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят теоретический вклад в развитие основополагающих начал противодействия преступлениям против свободы человека.

Ключевые слова: система преступлений, свобода человека, свобода личности, уголовно-правовой запрет, свойства системы преступлений

THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST HUMAN FREEDOM UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION 1996

E. Polyanskaya*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the system of crimes against human freedom under the current criminal legislation of the Russian Federation.

Methodology. The designations of the indicated groups of crimes used in the literature and judicial practice are analyzed. The options for expanding the list of norms on crimes against human freedom are investigated. Methods of analysis and synthesis, legal comparative studies, logical-legal method are used in the work.

Results. The analysis revealed scientifically grounded designations for crimes under Art. 126–128 of the Criminal Code of the Russian Federation, groups of investigated crimes are identified.

Research implications. The research results make a theoretical contribution to the development of the fundamental principles of combating crimes against human freedom.

Keywords: crime system, human freedom, personal freedom, criminal law prohibition, properties of the crime system

Введение

Как известно, в процессе систематизации объекты организуются в систему (от др.-греч. «целое; состоящее из частей») на основании какого-либо общего признака или признаков. Внутри этой системы каждый классификационный вид делится на подвиды.

Систематизация способствует упорядочению знания, даёт возможность рассматривать объект как часть единой системы, что, в свою очередь, приводит к выявлению новых тенденций, закономерностей и, наконец, к получению ранее неизвестного знания.

Систему уголовно-правовых запретов, предусмотренных гл. 17 УК РФ, проанализируем с позиций достаточности, избыточности или недостаточности для уголовно-правовой охраны одного из самых основополагающих условий существования человека – его свободы.

Вопрос о понятии системы преступлений уголовного закона является в науке отечественного уголовного права сложным и распадается на множество подвопросов:

- критерии выделения системы преступлений;
- наименования, наполнение, наличие внутренних групп (подсистем, институтов, субинститутов, иное);
- свойства системы преступлений;
- требования к системе.

Критерии выделения системы преступлений против свободы человека

Присоединимся к позициям исследователей разных систем преступлений, а также общего порядка вещей в Особенной части Уголовного закона о том, что законодатель положил в основу выделения указанных систем по сути один критерий – критерий объекта посягательства, который касается и системы преступлений против свободы человека.

Этот вывод был сделан ещё в советской доктрине уголовного права: «За основу систематизации норм Особенной части

советского уголовного законодательства с самого начала был взят объект преступного посягательства, поскольку он как категория позволял группировать в главы составы преступлений, однородные по своей экономической и политической сущности» [2, с. 135].

Аналогичные высказывания встречаются и в современной литературе:

– «Следовало бы также выделить в определении, что основным объектом является, наиболее ценным с точки зрения общественных интересов, социальное благо из повреждаемых данным преступлением. Однако для действующего уголовного законодательства это не характерно. Основной объект должен быть определяющим для квалификации деяния и для выбора места конкретной уголовной нормы в системе законодательства. При таком подходе к построению системы уголовного законодательства нормы об ответственности за разбой и вымогательство следовало бы отнести к главе о преступлениях против личности...»¹.

– П. С. Данилов, рассуждая о системе преступлений против военной службы, уточнил, что это «подсистема Особенной части УК РФ в силу уникальности объекта» [7, с. 9].

При этом мы не согласны с тем, что «основными (базовыми) критериями построения, судя по структуре действующего УК, для законодателя выступили: а) объект того или иного уровня по вертикали; б) относительная важность объекта, его значимость, представление законодателя о его социальной ценности» [14, с. 419].

Дело в том, что объект – это критерий систематизации, критерий выделения системы. Но «важность объекта» – это одно из многих десятков свойств объекта. Бесспорно, оно учитывается при выстраивании норм УК (свобода человека признана в гл. 17 УК более ценным объектом, чем честь и достоинство), но оно существует в пределах критерия «объект», а не отдельно.

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 152.

Наименование, наполнение, наличие внутренних групп (подсистем, институтов, субинститутов, иное)

Проблематика наименования начинается с того, что в специальной литературе и даже в судебной практике блок норм о похищении, незаконном лишении свободы, торговле людьми, использовании рабского труда, незаконной госпитализации передаётся через 6 разных обозначений.

1. Преступления против свободы человека.

Данное обозначение является достаточно популярным. Ивановский областной суд квалифицировал преступление по п. «в» ч. 2 ст. 127 УК как «преступление против свободы человека»¹. Уголовно-наказуемое деяние по п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК квалифицировано как «преступление против свободы человека» Верховным судом Удмуртской Республики² (аналогичная квалификация имеется у Курганского городского суда Курганской области³, а также Приморского краевого суда⁴).

2. Преступления против свободы личности.

Случай употребления указанного обозначения выявлен у И. Г. Тютюнникова, который оперирует этим термином применительно к деяниям в гл. 17 (ст. 126–128 УК) [22, с. 48]. Оно также употреблялось применительно к ст. 126 УК РФ Э. Ф. Побегайло⁵.

3. Преступления против свободы, чести и достоинства человека.

Встречающееся обозначение «преступления против свободы, чести и достоинства человека» представляется в своём

употреблении эксцессом. Московским областным судом преступление по пп. «б, г, з» ч. 2 ст. 127.1 УК интерпретировано как «тяжкое преступление, направленное против свободы, чести и достоинства человека»⁶. Аналогично в отношении ст. 126 УК утверждал Камышловский городской суд Свердловской области⁷.

4. Преступления против свободы, чести и достоинства личности.

Так, Верховный суд Республики Саха отнёс преступление по пп. «а», «в» и «г» ч. 2 ст. 126 УК к преступлениям против свободы, чести и достоинства личности⁸. Аналогичной позицию в одном из актов выразил Верховный Суд Республики Крым⁹.

Калсатинским районным судом Республики Башкортостан в приговоре от 23.11.2010 по делу № 1-96-2010 уголовные правонарушения по ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 127 УК аналогично квалифицированы как преступления против свободы, чести и достоинства личности¹⁰.

В. И. Толмосов, признавая, что в гл. 17 УК по непосредственному объекту описаны 2 группы деяний, всё равно объединяет их вместе в «преступления против свободы, чести и достоинства личности» [21, с. 49].

5. Преступления против личной свободы человека.

В частности, К. А. Волков включает в их состав деяния, предусмотренные ст. 126, 127, 127.1, 127.2 и 128 УК, а также дополнительные преступления, ответственность за которые урегулирована ст. 206, ч. 1 ст. 301 и ч. 2 ст. 301 УК [5, с. 15].

¹ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 23.08.2018. по делу № 22-1221/2018 // СПС «Консультант Плюс».

² Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 8.10.2013 по делу № 22-2758 // СПС «Консультант Плюс».

³ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 31.08.2015 по делу № 1-877/2015 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 17.07.2016 по делу № 22-4001/2016 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 392.

⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.03.2019 № 10-4962/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Приговор Камышловского городского суда Свердловской области от 23.12.2019 по делу № 1-2-72/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.05.2020 по делу № 22-775/2020 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 19.04.2017 по делу № 22к-1294/2017 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Приговор Калтасинского районного суда Республики Башкортостан от 23.11.2010 по делу № 1-96-2010 // СПС «Консультант Плюс».

М. А. Кауфман, подготовив главу для учебника по уголовному праву России, объединил под понятием «преступления против личной свободы человека» деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 126, 127, 127.1, 127.2, 128 УК РФ [3, с. 305].

Термин встречается и в судебной практике. Так, деяние по п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК квалифицировано как «умышленное особо тяжкое преступление против личной свободы человека»¹. Омский областной суд преступление по ч. 1 ст. 127 УК также интерпретировал как «эпизод против личной свободы человека»².

6. Преступления, посягающие на физическую свободу человека.

Такой термин допустил А. В. Колесников [13, с. 113].

Содной стороны, из практики мы знаем, что отдельные судьи судов общей юрисдикции поверхностно относятся к точности употребления терминологии. Однако разброс в употреблении обозначений деяний по ст. 126–128 УК встречается и у представителей науки уголовного права, что в совокупности с отсутствием единства у судей уже вызывает настороженность.

На самом деле разнообразие обобщающих обозначений легко устранимо, если обратить внимание всего на несколько моментов.

Прежде всего, когда мы встречаем термины «преступления против свободы, чести и достоинства личности» или «преступления против свободы, чести и достоинства человека», мы должны осознавать, что имеем дело с механическим перенесением названия главы в содержание объекта. При этом суды, допустившие такое терминологическое копирование, явно не учли, что название главы Особенной части УК может содержать в себе наименования сразу нескольких видовых объектов. Ярчайший

пример – это гл. 25 УК «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»³, где, например, у деяния по ст. 243.2 УК «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» здоровье населения, исходя из набора объективных признаков состава преступления, не может быть даже факультативным объектом. Поэтому обозначения «преступления против свободы, чести и достоинства человека (личности)» несостоятельны.

Следующий вопрос встаёт о том, какой термин применительно к свободам более корректен – «человек» или «личность». Отдельные специалисты предлагали снять эту проблему путём признания терминов равнозначными, рассуждая о том, что, разграничивая эти термины, мы влечём только больше логических ошибок в системе. Однако «это означало бы, что раздел VII УК, в котором предусматривается ответственность за преступления против личности, защищает только тех лиц, которые уже стали личностью и в состоянии самостоятельно осуществлять свои права и свободы и выполнять обязанности. При таком подходе без уголовно-правовой защиты остались бы подростки, престарелые, лица, находящиеся в беспомощном состоянии, а также лица, страдающие психическими расстройствами» [4, с. 18]. Кроме того, в биологической и психологической науках понятия «личность» и «человек» исторически нетождественны, соответственно, юридическая наука не может вследствие этого иметь веских оснований для отождествления терминов.

Вопрос о разнице между двумя терминами сложный, поскольку название гл. 17 УК уже содержит указание на «личность». Однако примечателен и такой момент, что раздел VII, куда включена гл. 17 УК, называется «Преступления против личности», а входящая в нее гл. 19 УК называется «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»⁴. Ситуация осложняется и тем, что в назва-

¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 15.03.2016 по делу № 22К-1893/2016 // СПС «Консультант Плюс».

² Апелляционное определение Омского областного суда от 27.04.2016 по делу № 33-3863/2016 // СПС «Консультант Плюс».

³ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Там же.

нии гл. 17 УК содержится 2 объекта – «свобода» и «честь и достоинство», поэтому «личность» может быть обычным обобщающим термином более высокого порядка.

«Человек» – это понятие, являющееся одним из составляющих понятия «личность», т. е. «личность» включает в себя понятие гражданин, подданный, мужчина, женщина, человек. Более того, когда речь идёт о чести и достоинстве, то чаще в нормативных правовых актах эти слова употребляются в сочетании с термином «личность» (например, ст. 9 УПК РФ «Уважение чести и достоинства личности», п. «н» ч. 1 ст. 37 «защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности» Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), поскольку честь и достоинство пронизывают все характеристики личности (было бы опрометчиво утверждать, что, к примеру, у «гражданина» нет чести и достоинства). В свою очередь, когда речь идёт о правах, то в нормативных правовых актах предпочтение отдаётся обозначениям «права человека», «права гражданина» (ст. 1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», ст. 26 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Исходя из этого, название гл. 17 УК могло бы выглядеть следующим образом: «Преступления против свободы человека, чести и достоинства личности». Однако с точки зрения юридической техники подобное название несостоятельно, поскольку термин «человек» входит в термин «личность», а значит, достаточно употребления последнего.

Следовательно, название гл. 17 УК само по себе не даёт основания полагать, что деяния, предусмотренные ст. 126–128 УК РФ, должны называться преступлениями против свободы «личности». Законодатель, учитывая систему нормативных правовых актов не уголовно-правового характера,

явно подразумевал обозначение «преступления против свобод человека». Таким образом, несостоятельны в науке и практике применительно к указанным деяниям такие обозначения, как «преступления против свободы личности», «преступления против свободы, чести и достоинства личности».

И, наконец, последний вопрос в данной части звучит так: как корректно с юридической точки говорить о «свободе» или «личной свободе»? Вопрос этот осложняется тем, что «личная свобода», по мнению отдельных специалистов и даже судов, является основным объектом не только в гл. 17 УК.

В частности, А. Г. Кибальник и О. П. Амвросов выделяют понятие «преступлений против личных прав и свобод человека», подразумевая под ними деяния, запрещённые в ст. 137, 138, 138.1 и 139 УК [10, с. 32–36]. Ст. 138.1 УК интерпретирована таким образом и Ленинским районным судом г. Оренбурга в приговоре от 12.10.2017 по делу № 1-325/2017¹: «Преступления против личных прав и свобод подрывают в первую очередь равноправие граждан, а также общественные и государственные устои в сфере обеспечения прав граждан на тайну частной жизни, неприкосновенность переписки и своего жилища»². Эту же группу с прибавлением деяний по ст. 144.1, 145 и 145.1 УК традиционно именуют преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина [18, с. 86–91].

При этом отдельные исследователи в этих рассуждениях пошли дальше.

А. В. Серебренникова даже предложила переименовать гл. 19 УК в «Преступления против личных, политических и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина» [17, с. 10]. Автор мотивирует это тем, что гл. 19 УК не подразумевает собой закрытый перечень деликтов, нано-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 12.10.2017 по делу № 1-325/2017 // СПС «Консультант Плюс».

² Там же.

сящих вред конституционным правам и свободам.

Однако, во-первых, такое название главы сразу вступит в противоречие с названием гл. 17 УК и даже поставит вопрос о целесообразности существования последней или о сокращении запрещённых ею деликтов только до преступлений против чести и достоинства личности. Во-вторых, аргументация кажется не в полной мере состоятельной: гл. 15 УК «Преступления против жизни и здоровья» тоже охватывает лишь малую часть вариантов посягательства на такие блага, как жизнь и здоровье, однако это не является спорным моментом, который требует переименования главы.

Проанализировав литературу, мы приходим к выводу, что на самом деле понятия «преступления против свободы человека» и «преступления против личной свободы человека» являются тождественными по значению.

Повторимся, что под «свободой» в гл. 17 УК понимается совокупность ряда других свобод и свобод в составе прав, а именно: право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, право на свободный труд. Применительно к ст. 127.1 УК правильно подчеркнуто, что «свобода здесь определяется возможностью субъекта «проявлять свою волю», в т. ч. действовать, поступать и, главное, выбирать место своего пребывания самостоятельно, т. е. личная свобода человека не должна выступать объектом сделок» [8, с. 8].

Однако всё вышеизложенное охватывается и параллельным родовым понятием «личная свобода»:

– «личная свобода – это его способность к активной деятельности в соответствии со своими желаниями и потребностями, с учётом возможностей и условий, предоставляемых обществом, право быть ограждённым от любых незаконных посягательств на свою физическую и психическую неприкосновенность» [19, с. 37];

– «личная свобода человека в качестве объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления «незаконное лишение свободы» представляет собой реальную возможность человека свободно перемещаться в пространстве, выбирать место своего пребывания по собственному усмотрению, совершать активные сознательные действия, в т. ч. осуществлять общение с другими людьми, для удовлетворения своих потребностей, без препятствий и принуждения» [6, с. 11];

– «личная свобода – это не только свобода физическая, которая позволяет человеку свободно передвигаться, определять место своего нахождения, общаться с другими людьми, посещать государственные, общественные и частные учреждения и заведения и т. д., но и свобода от психического давления и диктата, направленных на изменение поведения, которое избрало для себя то или иное лицо» [1, с. 75].

Немаловажно отметить, что исторически в науке уголовного права под преступлениями против личной свободы понимались современные преступления против свободы человека, как, например, в работе А. А. Жижиленко «Преступления против личности» [9, с. 70].

Таким образом, группа преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК, а также отдельные деяния за пределами гл. 17 УК, должны называться преступлениями против свободы человека, при этом допускается как равноправное наименование «преступления против личной свободы человека».

В части наполнения системы преступлений против свободы человека отметим, что она состоит из 2-х блоков – это деяния по гл. 17 УК, кроме деяния по ст. 128.1 УК, и деяния по иным главам УК, куда бы мы отнесли ст. 206 УК «Захват заложника»¹, ст. 301 УК «Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей»² (ч. 3 сюда тоже относится, странно её выносить за скобки, как это сделал другой специалист), ст. 305 УК «Вынесение

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Там же.

заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»¹, ст. 357 УК «Геноцид».

Отдельно стоит пояснить, почему мы включили ст. 357 УК, поскольку никаких похожих предложений о трактовке системы преступлений против свободы в специальной литературе не встречается (её нет, например, у К. А. Волкова, перечень статей по которому мы приводили выше). Дело в том, что перечень действий по ст. 357 УК открыт, кроме того, там есть действие, прямо связанное с посягательством на личную свободу людей: «Насильственное переселение либо иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы»². Полагаем, что сюда входят любые действия, связанные с ограничением личной свободы, включая право на перемещение, выбор места жительства и т. п.

Здесь же отметим, что каких-либо предпосылок к резкому (радикальному) расширению числа статей исследуемых запрещённых форм мы не видим.

Однако такие предложения звучали, и мы не можем их не прокомментировать.

М. В. Архипова и Д. В. Синьков предложили отнести к преступлениям против личной свободы деяние по ст. 286 УК [1, с. 76]. В ответ можно отметить, что при превышении полномочий ограничение (лишение) свободы человека – это один из многих вариантов развития криминальной ситуации, т. е. личная свобода там не дополнительный, а факультативный объект.

Т. Ю. Кобозева предлагала расширить систему преступлений против свободы человека «специальной нормой, закрепляющей общий состав принуждения: ст. 127.3 «Принуждение» «1) Противоправное принуждение лица к совершению или несовершению действия против собственного волеизъявления путём применения к нему или его близким насилия, не опасного для жизни или здоровья, или угрозы его применения, а равно угроз наступления их не-

благоприятных для потерпевшего или его близких последствий, – наказывается...» [12, с. 11–12].

Здесь отметим, что в действительности можно выделить много общих опасных форм поведения, например, «насилие», «принуждение», «нарушение служебных обязанностей». Однако законодатель России чётко дал понять, что занимаясь, если можно так сформулировать, «общей» криминализацией он не намерен. Российский законодатель тщательно подбирает формы проявления указанных явлений, конкретные их криминогенные признаки и устанавливает запрет не в целом на «насилие» или «принуждение», а на определённые их формы, которые предполагаются нетерпимыми в российском государстве.

Т. М. Орцханова предложила дополнить уголовный закон ст. 357.1, ч. 1 которой гласила бы: «сделки в отношении человека, обращение в рабство, схожие с ним институты подневольного состояния, а равно для эксплуатации его труда (оказания услуг) в период вооружённого конфликта или военных действий, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет» [15, с. 13]. В данной норме мы не видим принципиальной потребности. Лицо может нести ответственность по совокупности статей за развязывание и ведение агрессивной войны, геноцид и одновременно за торговлю людьми по гл. 17 УК.

В советском уголовном праве нами обнаружено предложение включить в состав преступлений против свободы человека угрозу причинения вреда жизни или здоровью (по современному УК действие запрещено в частности ст. 119): «К посягательствам против личной свободы следует отнести также и угрозу лишить кого-либо жизни или причинить какие-либо насильственные действия. В качестве самостоятельного состава преступления такая угроза предусмотрена УК Азербайджанской ССР (ст. 203) и УК Туркменской ССР (ст. 143). Объектом преступления в данном случае является личная свобода человека,

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Там же.

ибо человек, которому угрожают убийством или причинением насильственных действий, при наличии достаточного основания опасаться, что угроза будет приведена в исполнение, ограничен в свободе своих действий» [16, с. 75].

Высказанную ещё в советское время версию косвенно поддерживает, например, опыт УК Беларуси, где ст. 186 «Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества»¹ включена в гл. 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства»², или редакция УК Армении, где в гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности»³ содержится ст. 137 «Угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества»⁴.

Отметим, что поспорить с изложенной позицией, с одной стороны, сложно. Не требует специальной аргументации знание, что угроза оказывает воздействие на психоэмоциональное состояние человека, подавляет его волю (ограничивает его волю). Однако такой формат рассуждений можно применить почти к любому составу преступления, в т. ч. к причинению тяжкого вреда здоровью (в результате чего человек можно получить дополнительно психоэмоциональную травму, которая оказывает воздействие на его поведение и, например, препятствует ему длительное время в целях избегания стрессовой ситуации покидать определённое место жительства). Более того, по составам преступлений по гл. 17 УК в отличие от составов преступлений по гл. 16 УК преступник сам совершает действия (комплекс действий), прямо направленных на ограничение личной свободы. При этом «угроза»

не является конструктивным признаком состава преступления, а в лучшем случае выступает обстоятельством, получающим дополнительный уголовно-правовой учёт (усиленное наказание). Другими словами, преступления по гл. 17 УК то и отличает, что в них описаны действия, направленные на ограничение свободы, но при этом не являющиеся по своей природе угрозой. При этом при совершении преступления по ст. 119 УК потерпевший сохраняет объективные возможности поступать в соответствии с личной свободой (например, распоряжаться правом на труд путём посещения избранного им места работы, избирать время и место, чтобы покинуть своё текущее местоположение), в силу чего сложно утверждать, что при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью нарушен объект в виде свободы человека. Наконец, если будет установлено, что злоумышленник угрозой преследовал цель нанести вред свободе человека, то квалификация деяния будет не по ст. 119 УК, а по соответствующей статье гл. 17 УК.

Реже встречаются предложения обратного, т. е. об ограничении наполнения системы.

Ещё в советской доктрине был поставлен вопрос о том, что именно похищение ребёнка как особой разновидности потерпевшего не может относиться к преступлениям против личной свободы: «Представляется, что в случаях похищения ребёнка вред причиняется, прежде всего, семье и родителям. Особенно наглядно это видно при хищении младенцев и малолетних детей, т. е. тех, кто не осознаёт факта изменения их положения» [20, с. 66]. В данном случае мы можем прокомментировать, что интересы семьи и детства по современному законодательству (гл. 17 УК) могут выступать только дополнительным объектом, поскольку правонарушения против несовершеннолетних сконструированы в квалифицированных нормах. Для признания преступления факт «осознания своего положения» со стороны потерпевшего по общему правилу по ст. 126 и 127 УК не требуется, поэтому предложение

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.06.1999 № 275-3 // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 18.08.2021).

² Там же.

³ Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № 3Р-528 // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 18.08.2021).

⁴ Там же.

к современным реалиям однозначно не применимо.

Один из специалистов, разграничивая «похищение человека» и предусмотренное международными актами «насильственное исчезновение», высказывается скептически по вопросу интеграции последнего явления в текст УК 1996 г.: «Нельзя также жёстко требовать от российского законодателя привести УК РФ в соответствие с требованиями международных актов ввиду того, что Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений носит рекомендательный характер, а Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений не является обязательной для России ... В то же время российский законодатель намеренно и совершенно оправданно избегает употребления в тексте уголовного закона термина, предложенного международным правом, – "насильственные исчезновения". Слово "исчезнуть" в русском языке означает "перестать существовать, пропасть, скрыться", а "похитить" – "тайно присвоить, унести, увести". Термин "похищение" более точно отражает сущность совершаемого деяния, когда человек становится не субъектом, а объектом, в отношении которого происходит действие» [11, с. 82–83].

В данном случае мы солидарны с концепцией, но не согласны с конкретной аргументацией.

Во-первых, Российская Федерация, не обязанная следовать международным «рекомендациям», в то же время должна заимствовать лучшие международные разработки в своё национальное законодательство, поэтому довод, что декларация и конвенция для России необязательны, не является препятствием для гипотетической криминализации насильственного исчезновения.

А во-вторых, между указанными деяниями прослеживается разность объективной стороны. По самым широким трактовкам российских специалистов, похищение включает в себя 3 элемента: захват, перемещение, удержание. Но, как мы можем

судить из текста преамбулы Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г., в насильственном исчезновении появляется ещё один элемент: «При последующем отказе сообщить о судьбе или местонахождении таких лиц или признать лишение их свободы, что ставит данных лиц вне защиты закона»¹. Соответственно, некорректно говорить, что похищение предпочтительнее для отражения сущности деяния, поскольку речь идёт вообще о разных деяниях.

По нашему мнению, корректно говорить, что для российского законодателя объективно не имеет квалифицирующего значения, будет или не будет публиковать данные о самом факте похищения лица, совершившее деяние. В конечном счёте устанавливать ранее неизвестные факты преступлений – это обязанность правоохранительных органов. Именно поэтому в отдельной статье о насильственном исчезновении нет смысла, поскольку если оно состоится, то деяние охватывается ст. 126 УК.

Вопрос о внутренней группировке системы, о наименовании её групп (блоков) в свою очередь сталкивается с вопросом, есть ли подсистемы у системы преступлений против свободы человека.

Подсистемы часто выделяются в тех или иных системах преступлений. Однако, на наш взгляд, указанное деление системы на подсистемы – это исключительный феномен, применимый только к действительно крупным системам деликтов, позволим себе даже сказать, к тем группам, которые пронизывают почти всю Особенную часть УК 1996 г.

Однако при отсутствии вышеуказанных требований говорить о подсистемах весьма спорно, поэтому применительно к системе преступлений против свободы человека в силу числа статей (9) и структурных единиц закона, где они расположены (5 – в гл. 17 УК, 1 – в гл. 24 УК, 2 – в гл. 31 УК, 1 – в гл. 34 УК),

¹ Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений (принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г. Резолюцией № 47/133) (документ официально опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

говорить о наличии подсистем не представляется возможным. Максимум, что допустимо утверждать, о 2-х группах деликтов, которые указаны в нормах гл. 17 УК и которые описаны в нормах иных глав УК.

Свойства системы преступлений против свободы человека и требования к ней

Предложенные «свойства» и «требования» в части системы преступлений против военной службы, по концепции П. С. Данилова, на самом деле применимы к любой системе преступлений, включая преступления против свободы человека. Более того, предложенные им трактовки являются полными и сами по себе уточнений применительно к тем же преступлениям против свободы человека не требуют.

На основании изложенного считаем возможным поддержать:

- характеристику свойств системы преступлений: «единая, самодостаточная, универсальная, обособленная и может заимствовать недостающие элементы из других систем преступлений» [7, с. 9];

- характеристику требований к системе преступлений: «Самостоятельность; построение на основании определённых критериев (основного и дополнительных); наличие подсистем, состоящих из элементов (составов преступлений); применимость в боевой и иной подобной обстановке; согласованность с отраслевым военным законодательством; учёт современного уровня развития вооружённых сил» [7, с. 9].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. По итогам анализа предложенных в литературе и употребляемых в судебной практике обозначений исследуемой группы преступлений – «преступления против свободы человека», «преступления против свободы личности», «преступления против свободы, чести и достоинства человека», «преступления против свободы, чести и достоинства личности», «преступления против личной свободы человека», «пре-

ступления, посягающие на физическую свободу человека» – было доказано, что единственными научно-обоснованными и непротиворечивыми обозначениями для преступлений по ст. 126–128 УК РФ являются «*преступления против свободы человека*» и «*преступления против личной свободы человека*». При этом указанные термины предлагается употреблять как *равноправные*.

2. Преступления против свободы человека описаны в УК РФ 1996 г. в ст. 126–128, 206, 301, 305, 357.

Проанализированы варианты расширения перечня норм о преступлениях против свободы человека за счёт установления самостоятельной ответственности за принуждение, торговлю людьми и эксплуатацию человека в период вооружённых конфликтов, а также отнесения к ним угрозы причинения вреда жизни или здоровью, превышения должностных полномочий. Концептуально поддержан отказ от дополнения российского уголовного закона нормой о насильственном исчезновении. Приведены доводы против вынесения за пределы преступлений против свободы человека похищения несовершеннолетних.

3. Приведены аргументы в пользу того, что на текущем этапе развития российского уголовного законодательства у системы преступлений против свободы человека не могут быть подсистемы, а могут быть только группы – группа преступлений, где свобода человека выступает основным объектом (ст. 126–128 УК), и группа преступлений, где свобода человека выступает дополнительным объектом (ст. 206, 301, 305, 357 УК).

Статья поступила в редакцию 13.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова М. В., Синьков Д. В. Преступления против личности. Иркутск, 2007. 162 с.
2. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. Л., 1986. 176 с.
3. Блинников В. А., Бриллиантов А. В., Вагин О. А. и др. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
5. Волков К. А. Преступления против личной свободы человека в уголовном праве России и Китая // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 3. С. 15–17.
6. Гурбанова Г. А. Уголовная ответственность за незаконное лишение свободы: проблемы законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 28 с.
7. Данилов П. С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 23 с.
8. Душко Д. А. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.
9. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 141 с.
10. Кибальник А. Г., Амвросов О. П. Квалификация преступлений против личных прав и свобод человека в новом Постановлении Пленума Верховного суда // Уголовное право. 2019. № 3. С. 32–36.
11. Князькина А. К. Конвенционные преступления против свободы личности // Психология. Экономика. Право. 2014. № 3. С. 80–91.
12. Кобозева Т. Ю. Преступное принуждение как уголовно-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
13. Колесников А. В. Характеристика преступлений против личности (сравнительно-правовой анализ) // Власть и управление на востоке России. 2015. № 3. С. 109–119.
14. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. 591 с.
15. Орцханова Т. М. Уголовно-правовое противодействие использованию рабского труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.
16. Рашковская Ш. С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1956. 87 с.
17. Серебrenникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 39 с.
18. Сичкаренко А. Ю. Извинительные обстоятельства в Постановлении Пленума Верховного Суда о некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Уголовное право. 2019. № 4. С. 86–91.
19. Судебное разбирательство уголовных дел о торговле людьми / Г. И. Загорский, М. А. Кауфман, Т. Ф. Моисеева, Н. В. Радутная. М.: Юридическая литература, 2009. 240 с.
20. Ткаченко В. И. Преступления против личности : учеб. пос. М.: Всесоюзный юридический заочный институт, 1981. 77 с.
21. Толмосов В. И. Преступления против личности. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2009. 172 с.
22. Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Юстицинформ, 2017. 152 с.

REFERENCES

1. Arkhipova M. V., Sinkov D. V. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Irkutsk, 2007. 162 p.
2. Belyaev N. A. *Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizatsii* [Criminal law policy and ways of its implementation]. Leningrad, 1986. 176 p.
3. Blinnikov V. A., Brilliantov A. V., Vagin O. A., et al. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 1184 p.
4. Borodin S. V. *Prestupleniya protiv zhizni* [Crimes against life]. St. Petersburg, Law Center Press Publ., 2003. 467 p.

5. Volkov K. A. [Crimes against personal freedom of a person in the criminal law of Russia and China]. In: *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International criminal law and international justice], 2016, no. 3, pp. 15–17.
6. Gurbanova G. A. *Ugolovnaya otvetstvennost za nezakonnoe lishenie svobody: problemy zakonodatelnoi reglamentatsii i pravoprimeneniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for illegal imprisonment: problems of legislative regulation and law enforcement : Abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2017. 28 p.
7. Danilov P. S. *Sistema prestuplenii protiv voennoi sluzhby i perspektivy ee sovershenstvovaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The system of crimes against military service and the prospects for its improvement : PhD thesis in Juridical sciences]. Omsk, 2019. 23 p.
8. Dushko D. A. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika torgovli lyudmi : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal and legal characteristics of human trafficking : Abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Krasnodar, 2009. 26 p.
9. Zhizhilenko A. A. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1927. 141 p.
10. Kibalnik A. G., Amvrosov O. P. [Qualification of crimes against personal rights and freedoms of a person in the new Resolution of the Plenum of the Supreme Court]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2019, no. 3, pp. 32–36.
11. Knyazkina A. K. [Conventional offenses against personal freedom]. In: *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo* [Psychology. Economics. Right], 2014, no. 3, pp. 80–91.
12. Kobozeva T. Yu. *Prestupnoe prinuzhdenie kak ugovno-pravovaya kategoriya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal coercion as a criminal legal category : Abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2011. 26 p.
13. Kolesnikov A. V. [Characteristics of crimes against the person (comparative legal analysis)]. In: *Vlast i upravlenie na vostoke Rossii* [Power and governance in eastern Russia], 2015, no. 3, pp. 109–119.
14. Kruglikov L. L. *Problemy teorii ugovnogo prava: izbrannye statii, 2000–2009 gg.* [Problems of the theory of criminal law: Selected articles, 2000–2009]. Yaroslavl, 2010. 591 p.
15. Ortskhanova T. M. *Ugolovno-pravovoe protivodeistvie ispolzovaniyu rabskogo truda : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal and legal opposition to the use of slave labor : Abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2012. 31 p.
16. Rashkovskaya Sh. S. *Prestupleniya protiv zhizni, zdorovya, svobody i dostoinstva lichnosti* [Crimes against life, health, freedom and dignity of the person]. Moscow, 1956. 87 p.
17. Serebrennikova A. V. *Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatelstvu Rossiiskoi Federatsii i Germanii : avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Criminal law support of constitutional rights and freedoms of man and citizen under the legislation of the Russian Federation and Germany : Abstract of Dr. Sci. thesis in Juridical Sciences]. Moscow, 2008. 39 p.
18. Sichkarenko A. Yu. [Apologetic circumstances in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court on certain issues of judicial practice in cases of crimes against constitutional human and civil rights and freedoms]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2019, no. 4, pp. 86–91.
19. Zagorsky G. I., Kaufman M. A., Moiseeva T. F., Radutnaya N. V. *Sudebnoe razbiratelstvo ugovolnykh del o torgovle lyudmi* [Trial of criminal cases on human trafficking]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2009. 240 p.
20. Tkachenko V. I. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Moscow, All-Union Correspondence Law Institute Publ., 1981. 77 p.
21. Tolmosov V. I. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2009. 172 p.
22. Tyutyunnik I. G. *Korystnyi motiv v strukture prestuplenii protiv svobody lichnosti: ugovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz* [Selfish motive in the structure of crimes against personal freedom: criminal law and criminological analysis]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2017. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полянская Евгения Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: polyanskaya83@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya M. Polyanskaya – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Moscow Region State University;
e-mail: polyanskaya83@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Полянская Е. М. Система преступлений против свободы человека по Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 118–130.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-118-130

FOR CITATION

Polyanskaya E. M. The System of Crimes against Human Freedom under the Criminal Code of the Russian Federation 1996. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 118–130.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-118-130

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2021. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,25, уч.-изд. л. 10,5.

Подписано в печать: 28.10.2021. Дата выхода в свет: 29.10.2021. Заказ № 2021/10-09.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А